

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Кретьева Лола Адриановна

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ И СВЯЗЬ С ПРИРОДОЙ
В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ БЫВШИХ ГОРОЖАН

5.3.1. – общая психология, психология личности, история психологии

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата психологических наук

Научный руководитель:

Лебедев Александр Николаевич

доктор психологических наук

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НОСТАЛЬГИЧЕСКИХ ПЕРЕЖИВАНИЙ И СВЯЗИ С ПРИРОДОЙ В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ БЫВШИХ ГОРОЖАН.....	17
1.1. Особенности и методологические обоснования построения обзора теоретических и эмпирических работ в соответствии с темой исследования. Контекстуальный уровень «жизненный мир» в исследовании психологических феноменов загородной жизни	17
1.2. Концепт «жизненный мир» и междисциплинарные подходы к его изучению	19
1.2.1 «Жизненный мир» в феноменологии и психологической науке	19
1.2.2. Методологические разработки и исследования жизненного мира в отечественной психологии	24
1.2.3. Теоретико-методологические основы и проблематика психологического исследования жизненного мира бывших горожан	28
1.3. Исследования феноменов жизненного мира бывших горожан в психологии среды. Связь человека с природой.....	31
1.4. Феномены жизненного мира бывших горожан в современных исследованиях социальной динамики «город – деревня».....	41
1.5. Ностальгия: психологическое содержание и экзистенциальная направленность переживания.....	50
1.5.1. Социальная обусловленность модусов понимания ностальгии в психологической науке.....	50
1.5.2. Содержание ностальгии, ее восстановительная и социальная функции в современных эмпирических исследованиях.....	56

1.5.3. Онтологический потенциал ностальгии: аутентичность и непрерывность я во времени	60
1.5.4. Экзистенциальная направленность работы ностальгического переживания.....	65
1.6. Выводы по первой главе	69
ГЛАВА 2. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	75
2.1 Методологические подходы, модель и эмпирическая база исследования	75
2.2 Обоснование используемых методов и методик.....	78
2.2.1 Методы и методики психологических измерений и анализа данных	78
2.2.2 Методы и методики качественного описания и интерпретации – релевантные методы исследования жизненного мира и переживания	81
2.3 Дизайн исследования	85
2.3.1 Поисковые исследования.....	85
2.3.2 Обобщающие исследования смысловой структуры жизненного мира бывших горожан.....	86
2.3.3 Сравнительное и корреляционное исследования ностальгии и аутентичности в группах респондентов с различным уровнем приверженности загородной жизни.....	87
ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	89
3.1 Поисковые исследования.....	89
3.2. Смысловая структура жизненного мира бывших горожан	92
3.2.1 Предварительный этап исследования	94
3.2.2 Анализ литературных текстов (литературные источники 1774 – 1985 гг.)	95
3.2.3 Анализ самоотчетов в соцсетях (публикации 2018-2020 гг.).....	98
3.2.4 Анализ устойчивости – изменчивости смысловой структуры жизненного мира бывших горожан	106
3.2.5 Изучение отдельного случая на материале исторической автобиографии. Особенности переживания критической ситуации (эпидемии) приверженцами городской и загородной жизни	110

3.2.6 Изучение отдельного случая на материале самоотчетов в соцсетях. Онтологическая ностальгия и механизм опосредования переживания	114
3.3. Основной этап. Тематическое содержание ностальгических переживаний и аутентичность у бывших горожан	120
3.3.1 Исследование «Ностальгическое переживание, суверенность и удовлетворенность жизнью у приверженцев городской и загородной жизни»	121
3.3.2 Исследование «Ностальгическое переживание, аутентичность, непрерывность самовосприятия у приверженцев городской и загородной жизни»	136
ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ	151
ВЫВОДЫ	161
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	163
ПРИЛОЖЕНИЯ	185
Приложение А. Анализ литературных текстов	185
Приложение Б. Разделы анкеты «Ностальгические воспоминания» и «Суверенность»	207

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Стремительный рост мегаполисов, развитие агломераций привели к огромным изменениям человеческого жизнеустройства. Темп жизни, требующий все большей быстроты и мобильности, изменение характера и условий труда, разрушение привычного семейного уклада, окружающей среды – природной и культурной, способствуют нарастающему ощущению неопределенности и неудовлетворенности, невостребованности, утраты родного, аутентичного мира (Абрамов, 2012; Сапогова, 2019). Непрестанная переадаптация, вынужденная и добровольная миграция, социальная и психологическая уязвимость и неустойчивость, вызываемые транзитивностью жизненного пространства и сокращением временной перспективы, не только вызывают стресс и тревогу, ухудшают когнитивные функции и психоэмоциональное состояние у многих людей, но и могут способствовать экзистенциальным кризисам, связанным с утратой направленности и смысла жизни (Марцинковская, Полева, 2017; Хорошилов, 2021). Пандемии и вооруженные конфликты, которые неожиданно вернулись в мир цивилизованной европейской культуры, также внесли свой весомый вклад в дезинтеграцию значимых жизненных смыслов.

К перечисленным тенденциям и факторам, повышающим социальную значимость поставленных научных задач, апеллируют как современные работы по изучению ностальгии, так и работы, посвященные особенностям воздействия природной среды на психологическое благополучие, или феномену переезда горожан за город.

Степень разработанности темы исследования. Ученые отмечают значимость природы для восстановления внимания и снижения стресса (Kaplan, 1995, Ulrich et al., 1991 и др.), ее воздействие на эвдемоническое благополучие (Houlden et al., 2019), на способность человека совладать с психологическими проблемами и экзистенциальными кризисами (Чистопольская и др., 2017; Jordan,

Marshall, 2010; Jordan, Hinds, 2016; Pálsdóttir, 2016; Berger, 2016), на его самоотношение и мироощущение, моральные мотивы (Нартова-Бочавер, Мухортова, Ирхин, 2020; Клейтон, Ирхин, Нартова-Бочавер, 2019). Феномен переезда горожан за город интерпретируется исследователями как глубинная потребность в субъектности (Виноградская, 2018; 2019), идентичности (Галкова, Петров, Глазунов, 2020), жизненной перспективе (Quinn Deirdre, 2010).

Современные исследования ностальгии подчеркивают ее положительное воздействие на психологическое благополучие. Ностальгическое переживание способствует самоопределению человека (Vess et al., 2012) и непрерывности его самовосприятия (Batcho, Nave, DaRin, 2011; Iyer, Jetten, 2011), преодолению эмоциональных и социальных проблем, целеустремленности и позитивному отношению к своему опыту и к самому себе (Batcho, 2013; Cheung et al., 2013), оптимизму и открытости новому (Tilburg, Sedikides, Wildschut, 2015). Результаты исследований показывают, что ностальгия помогает справляться с одиночеством, становится ресурсом душевного равновесия (Zhou et al., 2008; Abeyta, Routledge, Kaslon, 2020), усиливает ощущение осмысленности жизни, собственной подлинности (Routledge et al., 2011; Baldwin, Biernat, Landau, 2015).

Объем и содержание полученных результатов свидетельствуют о том, что и ностальгическое переживание, и переживание, сопряженное с загородной жизнью, с миром природы не только восстанавливают душевное равновесие и благополучие, помогают преодолевать психоэмоциональные проблемы, но и могут способствовать экзистенциальной устойчивости, преодолению жизненных кризисов, давать ощущение смысла и подлинности бытия, аутентичности собственной жизни. Аналогичное содержание находит отчетливое выражение и интуитивное осмысление в культуре, прежде всего в литературе и кинематографе, встречается в современной публицистике и в сетевых заметках современников, декларирующих свою приверженность жизни за городом.

Научная проблема исследования. Исследования феномена переезда горожан за город или в сельскую местность, исследования воздействия природы

на человека и исследования ностальгии во многом пересекаются (темы исследований, выдвигаемые предположения, полученные эмпирические данные), однако связи между ними до сих пор не исследовались в психологии. Кроме того, феномен практически не изучался психологической наукой на бытийном уровне концептуализации контекста, с позиций психологии личности – как проявление поиска себя и смысла своего бытия, как совокупность значимых внутренних смыслов (Гришина, 2018), а сами бывшие горожане как носители переживания редко становятся объектом изучения, будучи значительно менее доступными для исследований, нежели приверженцы жизни в большом городе.

Обращение к бытийному уровню психологической реальности (Знаков, 2016) подразумевает исследование жизненного мира бывших горожан не как социальной группы, обобщаемой по признаку, формируемому объективными характеристиками (например, наличие загородного дома, его удаленность или длительность проживания в нем), а как изучение и обобщение субъективного опыта горожан, для которых жизнь вне большого города, связь с природой являются не только ресурсом восстановления, но прежде всего смыслообразующим пространством. Бытийный уровень открывается в переживаниях, в интенциональности бывших горожан, в конституируемой сознанием смысловой структуре, где довербальные «чувствуемые смыслы» преобразуются в вербализуемые «личностные смыслы», «которые люди придают предметам и событиям собственной жизни, и переживаниям, связанным с ними» (Улановский, 2016, с. 169).

Результаты настоящего исследования позволяют восполнить недостающее знание о смысловой структуре жизненного мира бывших горожан, о месте ностальгического переживания в этой структуре и его связи с другими психическими процессами и состояниями.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют идеи онтологии человеческой жизни С. Л. Рубинштейна, экзистенциальный и когнитивно-аффективный подход к исследованию ностальгии (С. Sedikides, К. I.

Batcho), представление об уровнях психологической реальности и концептуализации контекста в психологии (В. В. Знаков, Н. В. Гришина), субъектно-средовой подход к исследованию человека в природной и домашней среде, аспектов его суверенности и аутентичности (С. К. Нартова-Бочавер), субъектно-бытийный подход (З. И. Рябикина, В. В. Знаков), феноменологический подход к исследованию переживания и жизненного мира (M. van Manen, С. Willig, Н. П. Бусыгина, Д. А. Хорошилов, О. Т. Мельникова, А. М. Улановский).

Объект исследования – феномен загородной жизни как часть жизненного мира горожан.

Предмет исследования – ностальгические переживания в смысловой структуре жизненного мира бывших горожан.

Цель диссертационного исследования: выявление, описание и анализ структуры жизненного мира бывших горожан, изучение роли и значимости ностальгических переживаний в конституировании этой структуры.

Были поставлены следующие задачи:

Теоретические и методологические:

- 1) Рассмотреть теоретические и методологические основания психологического исследования жизненного мира бывших горожан в контексте современных представлений о категории «жизненный мир» в психологической науке.
- 2) Проанализировать психологические концепции ностальгии, рассмотреть результаты исследования, выявленные феномены ностальгии в русле проведенного анализа.
- 3) Провести обзор и анализ направлений современных исследований, изучающих средовые факторы и социальные феномены, корреспондирующие с переездом горожан за город, современных исследований ностальгии в психологии с целью выявления схожего тематического содержания и эмпирической проблематики,

выявить возможные общие основы (общую онтологию) смысловой структуры жизненного мира и ностальгических переживаний бывших горожан.

Эмпирические:

- 1) Выявить особенности жизненного мира горожан, для которых жизнь за городом и связь с природой имеют смысловую интенциональность, выделить и описать ключевые смысловые темы этого мира, изучить связи между ними и степень исторической устойчивости.
- 2) На основе релевантной объекту исследования методологии анализа переживания и жизненных смыслов разработать подход к обобщению качественных данных, выявляющий смысловую структуру жизненного мира бывших горожан и ее историческую устойчивость.
- 3) Исследовать особенности ностальгических воспоминаний бывших горожан, выявить содержание и функции ностальгии в смысловой структуре их жизненного мира, значимость опыта загородной жизни для ностальгических воспоминаний, феномен передачи переживания другому человеку через актуализацию ностальгии.
- 4) Установить, как различается тематическое и образное содержание значимых ностальгических воспоминаний горожан в зависимости от их приверженности загородной или городской жизни и от возраста.
- 5) Установить, как соотносится содержание значимых ностальгических воспоминаний бывших горожан с аутентичностью и иными коррелятами ностальгии.

Гипотеза исследования. Предполагается, что смысловая структура жизненного мира бывших горожан прототипична и имеет общее содержание с ностальгическим переживанием; коррелятами переживания ностальгии в жизненном мире бывших горожан выступает их опыт природы и загородной жизни, аутентичность личности.

Выдвинуты следующие эмпирические гипотезы:

1. Жизненный мир горожан – приверженцев жизни за городом имеет уникальную смысловую структуру. Интенциональность этой структуры связана со стремлением быть собой, ностальгическими воспоминаниями, ощущением свободы и подлинности своей жизни. Смысловая структура жизненного мира бывших горожан консервативна: малоизменяема во времени.

2. Смыслообразующее переживание, сопряженное с опытом загородной жизни, может передаваться другому в нарративе через актуализацию связанных с природой ностальгических воспоминаний.

3. Содержание значимых ностальгических воспоминаний горожан различается в зависимости от их приверженности загородной или городской жизни. Значимые ностальгические воспоминания бывших горожан связаны с опытом загородной жизни и природы.

4. Показатели аутентичности у приверженцев городской и загородной жизни различаются и коррелируют с содержанием значимых ностальгических переживаний и связанностью с природой.

Методология и методы исследования. Предмет и объект исследования подразумевают построение исследования на основе сочетания количественных и качественных методов. Для решения поставленных задач, связанных с изучением смысловой структуры жизненного мира, применялись: феноменолого-герменевтический анализ (Н. П. Бусыгина; А. Р. Giorgi, В. Giorgi; М. Van Manen, М. van Manen), качественный контент-анализ (Н. П. Бусыгина), рефлексивный тематический анализ (G. Terry и др.; V. Braun, V. Clarke), метод анализа случая (Н. П. Бусыгина, Н. Е. Харламенкова), экзистенциально-герменевтический анализ (С. Willig, А. Billin). Для выявления различий в уровне исследуемого признака и степени согласованности признаков использовались личностные опросники: «Тест смысло-жизненных ориентаций» (ТСЖО) Д. А. Леонтьева, «Опросник по ностальгии» К. Батчо (Nostalgia Inventory), «Шкала аутентичности» С. К.

Нартовой-Бочавер, «Краткая шкала диагностики субъективного благополучия» Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева.

Также для поисковых этапов и дополнительных целей исследования применялись методики или фрагменты методик: «Шкала аутентичности в отношениях и множественных контекстах» (Authenticity in Relationships Scale–Multiple Contexts), Тест Dispositional Awe Subscale, Шкала ностальгии Southampton Nostalgia Scale, Методика Self-Continuity items и др.; составлялись и использовались тематические опросники («Убеждения респондентов о перспективности и комфорте загородной и городской жизни», «Опыт и смыслы загородной жизни», «Суверенность» и др.).

Для формирования выборок собиралась следующая информация о респондентах: приверженность жизни в мегаполисе или загородной жизни, место жительства, пол, возрастная группа.

Достоверность полученных результатов обеспечивалась сочетанием количественных и качественных методов, адекватными способами формирования эмпирической базы, репрезентативностью выборок, проверкой полученных данных с помощью методов верификации и статистических процедур (уровень значимости в интервале от $p < 0,05$ до $p < 0,001$), сравнением полученных результатов с результатами других работ, выполненных в рамках данного исследования, и с эмпирическими работами других авторов.

Эмпирическая база исследования:

Опросы. Данные для сравнительного анализа и выявления корреляций собирались через проведение четырех опросов городских жителей. В двух поисковых опросах приняли участие 187 и 83 респондента соответственно, в двух основных опросах – 174 респондента и 122 респондента.

Текстуальные данные. Для выявления смысловой структуры жизненного мира бывших горожан и исследования ее исторической устойчивости и прототипичности были отобраны тексты о загородной жизни (176 фрагментов литературных текстов XVII-XX вв., написанных 28 авторами, 87 фрагментов

заметок в соцсетях периода 2018-2020 гг., написанных 45 авторами), а также тексты о переживании критической ситуации в условиях загородной жизни.

Научная новизна исследования

1. Впервые выявлена и описана смысловая структура жизненного мира горожан, для которых загородная жизнь является пространством бытия, жизненно-смысловой реальностью. Установлено, что смысловые темы жизненного мира бывших горожан малоизменяемы, сохраняют устойчивость в историческом времени.

2. Впервые рассмотрен вопрос о месте ностальгии в структуре жизненного мира бывших горожан и об онтологической схожести переживания ностальгии и других переживаний, конституирующих смысловую структуру этого жизненного мира.

3. Аргументирован способ обобщения анализируемых данных в исследовании жизненного мира. В методологию исследования введен исторический метод, позволяющий оценивать устойчивость и изменчивость смысловой структуры жизненного мира.

4. Представлена целостная картина того, как феномен загородной жизни раскрывается на различных уровнях психологической реальности: на уровне психических процессов, жизненного пространства, социального явления, жизненного пути, осмысленности жизни, а также связанность этих уровней.

5. Выявлено, что представления о благополучии и экзистенциальные задачи приверженцев жизни за городом отличаются от представлений и задач приверженцев городской жизни, анализ которых лежит в основе современных психологических концепций.

6. Впервые установлена связанность ностальгического переживания, аутентичности, опыта природы и загородной жизни и переживания благоговения, их значимость для конституирования жизненных смыслов у бывших горожан.

7. Введено понятие «онтологическая ностальгия», открывающее возможность перейти от изучения ностальгического переживания как сугубо

индивидуального опыта к изучению протофеномена, который обладает устойчивыми надиндивидуальными характеристиками.

Теоретическая значимость. Проведенное исследование вносит вклад как в научную концептуализацию феноменов ностальгии, так и в представление о жизненном мире в психологии. Выделено общее психологическое содержание и функции в ностальгическом переживании, в связанности человека с природой и в смысловой структуре жизненного мира бывших горожан: аутентичность, непрерывность самовосприятия, включенность в окружающий мир, значимость свободного труда, усиление ощущения смысла и др. Это позволяет объяснить связь ностальгического опыта и жизненного мира загородного жителя, восприятие загородной жизни как пространства «подлинной жизни», где можно «быть собой». Показано, что бытийный, экзистенциальный уровень ностальгии и жизненного мира бывших горожан не существует сам по себе, но включает психические процессы (внимание, память, переживание-аффект), средовые и социальные факторы. Установлено, что экзистенциальные задачи и представления о благополучии у загородных и городских жителей различаются; это позволяет расширить представление об экзистенциальных смыслах, которое в психологической науке ограничено масштабностью эмпирических исследований опыта респондентов-горожан. Вклад в психологию развития состоит в выявлении возрастной динамики значимых ностальгических воспоминаний и обозначении места воспоминаний о природе и загородной жизни в этой динамике. Дано теоретическое описание феномена онтологической ностальгии и процессу связанного с ней переживания, опосредуемого нарративом.

Практическая значимость. Результаты исследования имеют значение для консультационной и психотерапевтической практики, в первую очередь в русле работы с темами осмысленности жизни, смыслоутраты и отчуждения, аутентичности и идентичности, смены возрастных этапов, ностальгии, с проблемами психологического благополучия, формулируемыми в русле

проблематики социальной ситуации, жизненного пространства, жизненного пути личности. Выводы работы указывают на значимость опыта загородной жизни в формировании аутентичности, внутренней устойчивости и суверенности, привязанности к родным местам, стремления к независимому, инициативному и самостоятельному труду. Они могут быть использованы как обоснование в разработке направленности и содержания учебно-воспитательных программ, в решении вопросов, связанных с формированием социальной, культурной, градостроительной, экологической, трудовой политики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ современных психологических и социологических исследований, посвященных феноменам ностальгии, связанности человека с природой, загородной жизни современных горожан позволяет выделить аутентичность и смысл (бытие собой, подлинность бытия) как эмпирическую проблематику, связующую данные феномены.

2. Жизненный мир горожан – приверженцев загородной жизни имеет уникальную смысловую структуру. Ключевыми смысловыми темами этого мира являются аутентичность, ностальгия, суверенность, подлинность бытия. Смысловая структура жизненного мира бывших горожан прототипична, передаваема и узнаваема в нарративе, внутренне взаимосвязана и консервативна: малоизменяема в историческом времени.

3. Тематика значимых ностальгических воспоминаний у приверженцев городской и загородной жизни различается. Семантическая весомость ностальгических переживаний, сопряженных с воспоминаниями о природе и загородной жизни, коррелирует с желанием и намерением горожанина переехать жить за город или в сельскую местность и приверженностью загородной жизни как образу жизни. Значимые ностальгические переживания корреспондируют с задачами, которые личность решает на том или ином этапе онтогенеза; стремление к загородной жизни характерно для среднего возраста (45-65 лет).

4. Приверженность жизни за городом, благоговейное переживание природы, семантическая значимость загородной жизни и природы в ностальгических воспоминаниях бывших горожан коррелируют с показателями аутентичности, что в целом соответствует смысловой структуре жизненного мира бывших горожан, общую интенциональную направленность которого можно обозначить как «непрерывность себя в мире».

Соответствие научной специальности. Работа соответствует содержанию специальности 5.3.1. – общая психология, психология личности, история психологии, и направлена на изучение места ностальгического переживания и ностальгических воспоминаний (п. 14 и п. 12 паспорта специальности) в смысловой структуре жизненного мира, экзистенциальном опыте (п. 33 паспорта специальности), их роли в смысло-жизненном определении человека (п. 18 паспорта специальности), устойчивости смысловой структуры жизненного мира во времени (п. 37 паспорта специальности), связанности ностальгического переживания и личностной идентичности (п. 29 паспорта специальности).

Апробация результатов исследования. Теоретические и эмпирические результаты исследовательской работы обсуждались на заседаниях лаборатории психологии личности Института психологии РАН (2019-2022 гг.), на научном семинаре МГППУ «Качественные методы в психологии и социальных науках» (2021 г.). По результатам диссертационного исследования опубликовано 12 работ, в том числе 4 статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК. Анализируемые данные и выводы исследования были представлены на следующих 16 научно-практических конференциях: VI Научно-практической конференции с международным участием «Понимающая психотерапия: основы и пути развития» (Москва, 2018), VII Научно-практической конференции с международным участием «Границы понимания» (Москва, 2019), VIII Научно-практической конференции Общества человекоцентрированного подхода (Москва, 2019), Всероссийской научной конференции, посвященной 130-летию со

дня рождения С.Л. Рубинштейна «Восприятие природы: чувство Родины и духовно-нравственные аспекты» (Москва, 2019), VII Международной научно-практической конференции «Психология третьего тысячелетия «Актуальные вопросы современной психологии» (Дубна, 2020), IX Научно-практической конференции Общества человекоцентрированного подхода (Москва, 2020), Международной научной конференции, посвященной 65-летию со дня рождения В.Н. Дружинина «Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен» (Москва, 2020), VIII Международной научно-практической конференции «Психология третьего тысячелетия «Актуальные вопросы современной психологии» (Дубна, 2021), X Научно-практической конференции Общества человекоцентрированного подхода (Москва, 2021), I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Психология города: актуальное состояние и перспективы» (Самара, 2021), IX Международной научно-практической конференции «Психология третьего тысячелетия «Актуальные вопросы современной психологии» (Дубна, 2022), International online conference «Heidegger and the Neuroscience» (Meßkirch, 2022), XI Научно-практической конференции Общества человекоцентрированного подхода (Москва, 2022), III международной научно-богословской конференции «Бог-человек-мир» (Москва, 2023), XII Научно-практической конференции Общества человекоцентрированного подхода (Москва, 2023), Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.В. Брушлинского (Москва, 2023).

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, обсуждения результатов, выводов, заключения, списка использованной литературы, приложения. Объем текста диссертации без приложений составляет 184 страницы и содержит 15 таблиц, 11 рисунков. Список литературы составил 233 наименования, из них 120 работ на английском языке.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НОСТАЛЬГИЧЕСКИХ ПЕРЕЖИВАНИЙ И СВЯЗИ С ПРИРОДОЙ В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ БЫВШИХ ГОРОЖАН

1.1. Особенности и методологические обоснования построения обзора теоретических и эмпирических работ в соответствии с темой исследования. Контекстуальный уровень «жизненный мир» в исследовании психологических феноменов загородной жизни

Изучение феномена загородной жизни как части жизненного мира современных горожан, который обнаруживает себя и в переживаемой тоске по природе, по родным природным уголкам, и в решении переехать за город на постоянное жительство, требует многопланового подхода. Поскольку феномен мало исследовался в психологии, важно обратиться к научному знанию смежных гуманитарных дисциплин и к разнообразию и эвристичности теоретических и эмпирических работ в психологии, предметная направленность которых близка теме нашего исследования, независимо от того, обращены ли эти работы напрямую к бытийной, экзистенциальной проблематике.

Кроме того, «жизненный мир» как объект исследования уже включает в себя феномены других контекстуальных уровней. На первый взгляд психологическое исследование такого современного явления, как увеличение интереса горожан к постоянному или длительному проживанию за городом или в деревне, подразумевает обращение к теоретической и содержательной рамке психологии среды или социальной психологии. Однако, предмет и объект нашего исследования определены нами в иной системе координат. И психология среды, и социальная психология могут включать в исследовательское поле переживание личности, но фокус внимания, оптику исследователя будут определять средовые или социальные факторы. Жизненный мир бывших горожан подразумевает исследование не внешнего, «примыкающего» к человеку мира (Umwelt),

природных условий, окружающей среды (environment) или социо-культурных условий (milieu), а уровня психологической реальности, на котором происходит поиск оснований личностного бытия, интегрируются смыслы, направленность человеческой жизни (Знаков, 2016; Гришина, 2018).

Если исходить из трехуровневой модели, предложенной Н. В. Гришиной (Рис. 1) в качестве методологического инструментария, наше исследование обращено к «бытийному» контексту. В то же время автор модели подчеркивает, что многомерности жизненного мира могут быть присущи феномены, которые также выявляются и на других контекстуальных уровнях (Гришина, 2018), что дает основание включить в наш обзор работы, которые обращены к феноменам, близким к содержанию нашего исследования, но рассматривают эти феномены в ином контекстуальном ключе.

Рисунок 1. Уровни концептуализация контекста (Гришина, 2018)

Уровни контекста	Область психологии	Концепт описания
Ситуационный контекст	Психология среды	Концепт «ситуация»
<i>Переходная зона: критические ситуации</i>		
Жизненный контекст	Психология повседневности	Концепт «социальная ситуация»
	Психология жизненного пути	Концепт «жизненное пространство»
<i>Переходная зона: пограничные ситуации</i>		
Бытийный контекст	Психология человеческого бытия	Концепт «жизненный мир»
	Экзистенциальная психология	

Таким образом, изучение теоретических и эмпирических предпосылок данного исследования задается целью не только провести аналитический обзор литературы, освещающей изучаемую проблему, рассмотреть теоретические

понятия и концепции, тематизировать результаты эмпирических трудов, но и выявить возможные связи, общие тенденции в психологических исследованиях жизненного мира, связи человека с природой, ностальгического переживания.

1.2. Концепт «жизненный мир» и междисциплинарные подходы к его изучению

1.2.1 «Жизненный мир» в феноменологии и психологической науке

Понятие «жизненный мир» берет свое начало в феноменологической философии Э. Гуссерля (Гуссерль, 2006, 2013). Жизненный мир, *Lebenswelt* – открываемый в субъективности мир повседневного опыта, очевидностей, которые невозможно концептуализировать методами естественных наук. Именно здесь, в жизненном мире, зарождается любая проблематика и рефлексия, необходимая для обретения смыслов, конституируется смысловая структура мира, переживание которого является разделяемым с другими переживанием (Мотрошилова, 2003; Шюц, 2003).

Гуссерль считается основателем феноменологии как философского направления, вдохновленного идеями Ф. Brentano (и в определенной оппозиции его «психологизму») и К. Штумпфа. Однако, современный философ К. Свасьян считает важным обратить внимание не столько на предшественников, сколько на иных мыслителей, чьи идеи были семантически чрезвычайно схожи с идеями Гуссерля, но имели большую глубину и перспективу (Свасьян, 2010), а именно на И. В. Гете и Р. Штайнера, которые подчеркивали «допознавательность» восприятия феноменов жизненного мира, их самодостаточность, рассматривали переживание как горизонт восприятия жизненного мира. «Гетевское учение о протофеномене исчерпывающим образом предвосхищает» положения, выдвигаемые Гуссерлем (Там же, с. 64). Естественнонаучный, опытный взгляд на мир, внимание к явлениям природы, к человеческому переживанию, реалии человеческого бытия служили основой для феноменологической и онтологической концептуализации в их научных воззрениях.

А. Н. Кричевец также подчеркивает, что концепт жизненного мира у Гуссерля, нарочито сведенный к абстрактному, тем не менее, содержит значимый потенциал для изучения реального человеческого бытия (Кричевец, 2009). Хотя Гуссерль не рассматривал жизненный мир как культурный, эстетический, социальный, психологический феномен (Кожевников, 2006); тем не менее сам конструкт жизненного мира задал множество перспектив для подобного рассмотрения.

Становление понятия «жизненный мир» продолжилось в XX веке, и не только в русле феноменологии, но и онтологии и экзистенциализма как философских направлений, а также через разработку этого понятия в социологии, антропологии и психологии; мыслители находят опору не только в трудах самого Гуссерля, но и в предметно близких работах его современников. Работы Э. Кассирера (Кассирер, 1998) выводят понятие жизненного мира к полноте человеческого опыта, А. Бергсон пишет об интуитивном схватывании, в котором восприятие и бытие едины (Свасьян, 2010), М. Шелер описывает жизненный мир как ценностно-сущностный мир, определяющий доступное познанию бытие, как раскрывающийся смысловой универсум (Шелер, 1994). У Х. Ортеги-и-Гассета (Ортега-и-Гассет, 1994, 1997) жизненный мир обретает экзистенциальные черты схватки с действительностью.

Значительное место жизненному миру уделено в работах А. Щюца (Щюц, 2004, 2003), принявшего во внимание идеи своих предшественников и задавшегося целью синтезировать идеи Гуссерля и социологические концепты. Понимание жизненного мира у Щюца весьма широко; это мир жизненно-практический, мир множественности переживаний, собственных и переданных, мир изначально intersubjectivного опыта. Представления Щюца о структурах жизненного мира попытался развить его ученик Т. Лукман (Дреер, 2011; Бергер, Лукман, 1995).

Идеи о том, что знак, символ, язык «пред-сознательно» отображают и конституируют жизненный мир индивидуальный и мир intersubjectivный, увлекали многих мыслителей середины XX века. В этом отношении «картина

мира» Витгенштейна оказывается близка понятию «жизненный мир» (Витгенштейн, 2010; Шумкова, 2012). На социальном, intersубъективном аспекте жизненного мира и значимости языковых интерпретаций акцентировал внимание Ю. Хабермас (Хабермас, 2011). М. Мерло-Понти смещает проблематику классической феноменологии, а вместе с ней и ключевые понятия, в сторону онтологии и герменевтики; толкуя учение Гуссерля с позиций экзистенциальных данностей, но пытается отыскать иное основание, определяющее способ бытия в мире; таким основанием становится телесное бытие, восприятие (Мерло-Понти, 1992, 1999).

В работах Мартина Хайдеггера не используется понятие *Lebenswelt*, но присутствует понятие мира и мирности – как подручное понятие для возобновления вопроса о смысле бытия. Как пишет А.Б. Паткуль, у Хайдеггера нет мира вне человеческого бытия (Паткуль, 2018). Бытие-в-мире, *In-der-Welt-Sein*, обозначает неопределенную и изменчивую реальность, наиболее изначальный мир, в котором человек (он же *присутствие*, *Dasein*) себя находит и в котором находится, соотнося себя с миром (Хайдеггер, 2013). А.В. Ямпольская отмечает, что для Хайдеггера важно превзойти субъект-объектное отношение в понимании соотнесенности человека и мира, да и само понятие «субъект» в том числе. «*Dasein* в качестве «кто» трансцендирования не замкнуто, размыто, между ним и миром нет четкой границы» (Ямпольская, 2013, с. 45). В контексте нашего исследования интерес представляет сопоставление Хайдеггером сельского мира и мира городского, внимание к культурно-земледельческой и исторической бытийности – «аграрный консерватизм», как называл его критик Хайдеггера Р. Миндер (Свасьян, 2010). «Немецкий лес – то место, откуда берет начало философствование Хайдеггера», пишет А.В. Михайловский (Михайловский, 2009, с. 115). Телесно-феноменологический опыт леса, родной земли – вот что определяет его способ размышления о бытии, о мире, за оригинальными философскими понятиями автора нередко скрываются феномены сельского мира. Вопросы бытия собой, подлинно своего места бытия у Хайдеггера оказываются сущностно связанными с размышлениями о земле и укорененности, о

пространстве, где все на своем месте, об уединении и поэзии, о труде, о сердечности и неотступности (Михайловский, 2009, 2018). В размышлениях философа находят опору многие современные специалисты, в область исследовательских интересов которых входят феномены сельской и загородной жизни, ностальгическое переживание, личностная идентичность, и в том числе актуальный для нынешнего времени феномен переезда горожан в сельскую местность.

Плодотворность и разнонаправленность в осмыслении и развитии идеи «жизненного мира» (природный, социальный, трансцендентный, intersубъективный, телесный и другие модусы) помогают решать задачу получения целостного знания о человеческом бытии. Для гуманитарных наук категории «жизненный мир», «переживание», «опыт», «смысл» – стали привычным методологическим инструментом в описании, понимании, объяснении явлений в русле феноменолого-герменевтического подхода; а для психологии бытия и экзистенциальной психологии – ключевыми теоретическими понятиями. За время своего существования в статусе научных категорий они претерпевали не только развитие и переосмысление, обусловленное развитием теоретического подхода или научной позиции того или иного исследователя, но и интерпретирование, вызванное тесными историческими и предметными связями смежных областей знания в психологии, социологии, антропологии, философии, культурологии, когда теоретические разработки в одной области приспособлялись под объяснительные необходимости той или иной области методологических и практических исследований.

Понятие «жизненного мира» не только позволяет изучать соположенные явления в едином концептуальном поле, но и расширить научное понимание каждого из этих явлений. Кроме того, это понятие все чаще используется в работах отечественных и зарубежных психологов для описания и понимания внутреннего мира субъекта, динамики личностных изменений, и прежде всего процессов переживания и смыслообразования. В своем исследовании истории становления понятия «жизненный мир» в психологии Л. В. Меньшикова и Е. В.

Левченко обращают внимание на значимость и перспективность этого понятия для науки, отмечая, что оно решает важные интегративные задачи, позволяет изучать интенциональность и жизненные смыслы человека в их неразрывной связи с реальным бытием, «открывает принципиально новый подход к пониманию стратегий поведения человека в пространстве повседневной жизни и особенностей его личностного развития» (Меньшикова, Левченко, 2015, с. 5).

В большинстве случаев исследователей привлекают отдельные феномены жизненного мира, их «альянсы» с изучаемыми психологическими явлениями и процессами, которые могут принадлежать к разным уровням контекста, что несет в себе риск утраты экзистенциальной глубина понятия «жизненный мир». Но чаще происходит обратное: феномены жизненного мира придают исследуемым явлениям экзистенциальное измерение. Е.Е. Сапогова в своей работе, посвященной роли субъективной онтологии в становлении содержания жизненного мира личности, приводит ряд теоретических концептов, развитие которых не обошлось без привлечения в исследуемое поле жизненного мира личности: жизненный путь личности, жизненное пространство личности, жизненный план личности, жизненные стратегии (Сапогова, 2019). Выделение и описание жизненных миров как «вариантов жизни» представлено у В.Н. Дружинина: «жизнь как творчество», «жизнь как достижение», «жизнь как сон» и другие варианты (Дружинин, 2010).

В несколько ином ракурсе концептуализирует явления, имеющие отношение к жизненному миру, клиническая психология. Здесь бытийность, жизненность, внутренний мир личности изначально уязвимы, экзистенциально напряжены (Баранников, 2006; Коптева, 2013; Шумский, 2008). В фокусе внимания исследователей – онтологическая уверенность/неуверенность (Н.В. Коптева), онтологическая реальность (А.С. Баранников), онтологическое направление в экзистенциальной психотерапии (В.Б. Шумский) и др. Клинические психологи, психиатры экзистенциального направления издавна содействуют становлению и развитию понятия «жизненный» мир в психологической науке, усматривая в нем высокий объяснительный потенциал

для исследуемых явлений и клинической практики. Если феноменология легла в основу методологии экзистенциальной психотерапии, то онтологические концепты наряду с персоналистическими формировали ее понятийное содержание. Основатель Dasein-анализа Л. Бинсвангер, М. Босс, их последователи, представители современной североамериканской и европейской экзистенциальной психологии в своих теоретических построениях обращаются к онтологической (М. Хайдеггер) и экзистенциальной (С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс) философии как к ресурсу, позволяющему исследовать и концептуализировать феномены человеческого бытия.

Отдавая должное вкладу клинической психотерапии в изучение жизненного мира личности, нельзя не отметить, что направленность исследований во многом сформирована урбанистическими представлениями о мире человека и ценностно-смысловом уровне его бытия и мало затрагивает феномены, имеющие отношение к жизненному миру людей, для которых смысловое пространство сопряжено с телесно-феноменологическим опытом природы – загородной, сельской жизни.

1.2.2. Методологические разработки и исследования жизненного мира в отечественной психологии

Отечественными психологами концепт жизненного мира используется как в контексте исследований и методологических разработок, связанных с психотерапевтической практикой и клинической психологией, так и в общепсихологическом ключе. К бытийному измерению жизни человека, к проблематике его изучения обращались многие отечественные исследователи (С. Л. Рубинштейн, Л. И. Анцыферова, В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Н. В. Гришина, Ф. Е. Василюк, М. И. Воловикова, Д. А. Леонтьев, В. А. Петровский, Е. Е. Сапогова и другие). Некоторые авторы видят в этом связь с идеями русской философии начала XX века, где личность рассматривается в ее сопряженности с Первореальностью, ««когда она «размыкается», с одной стороны, в Мир, а с другой – в собственную личностную глубину. При этом личность включается в

контекст бытия прежде всего на уровне душевно-духовных, а не социальных (внешних для личности) процессов» (Миненко, Ильина, 2007, с. 49).

Н.В. Гришина также отмечает интерес к бытийному контексту, к феноменам жизненного мира у отечественных исследователей; возвращение целостной личности в психологическую науку рассматривается как насущная необходимость (Гришина, Костромина, Мироненко, 2018).

Труд С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» остается теоретико-методологической опорой для отечественных специалистов, изучающих феноменологию «человека в мире», человеческое бытие. Научные взгляды Рубинштейна представляют собой гениальное схватывание гармонии мира, присущих ему взаимодействий между явлениями, процессами. Уделяя должное внимание активности и деятельности человека (которая, по Рубинштейну, также включает созерцание), Рубинштейн не раз обращается к значимости природы, к эстетическому в жизни человека. Природа существует «как нечто, что значимо для человека и само по себе, «в себе», причем сам человек тоже часть природы в этой форме своего существования» (Рубинштейн, 2012, с. 124).

Опираясь на идеи Рубинштейна и развивая психологию человеческого бытия, В. В. Знаков и Н. В. Гришина привлекают в поле научного рассмотрения концепт жизненного мира, в том числе уточняя его понятийное содержание. Оба ученых в своих работах исходят из представления о многомерности мира, об уровнях реальности человека, о многоплановости человеческого бытия. Экзистенциальный уровень реальности включает в себя и другие уровни, однако, задает совершенно иное основание для понимания жизненных событий и ситуаций человека. Субъект бытийного уровня – это и индивидуум, и универсальный носитель человеческого, «он потенциально воплощает в себе группу, содружество эмпирических субъектов» (Знаков, 2016, с. 11). Предметом исследования в психологии бытия, с точки зрения Знакова, являются не психические процессы или свойства, а смысловые образования, аксиологические факторы.

В. А. Петровский и А. В. Петровский также выстраивают матричную систему психологических категорий, где вышестоящие категории развивают предшествующие, вбирают и преодолевают их содержание, в качестве завершающей и высшей категории кластера описывают «Эйкумену» – пространство, которое вбирает и связывает множество жизненных миров, многомирную целостность (Петровский, Петровский, 2014). В работах Д. А. Леонтьева поддерживается представление о жизненном мире как об объективной действительности субъекта, с которой субъект связан жизненными отношениями, поддерживается Д. А. Леонтьевым (Леонтьев, 1999). В обзорной статье Д. А. Леонтьев последовательно рассматривает методологический, онтологический, структурный и феноменологический аспекты жизненного мира (Леонтьев, 2019). Представляя собственную типологию жизненных миров, Леонтьев отдает предпочтение следующим критериям: «структура времени, соотношение индивида и общества и соотношение сущего, должного и возможного как ценностных критериев» (Там же, с. 31), выделяя таким образом традиционалистский, гедонистический и прогрессистский жизненные миры. Ученого привлекает возможность «заземлить» понятие жизненного мира, превратить его в более удобный и практичный исследовательский инструмент. Типологии А. В. Петровского Д. А. Леонтьева обращены в большей степени не к бытийному уровню человеческой реальности, а к ее социокультурному пласту.

Типология жизненных миров, разработанная Ф. Е. Василюком и впервые представленная в его монографии «Психология переживания», представляет собой композиционные варианты, образуемые сочетанием измерений внешнего и внутреннего мира. Четыре жизненных мира: инфантильный, реалистический, ценностный и творческий, соответствуют четырем типам критических ситуаций (стресс, фрустрация, конфликт, кризис), четырем типам переживания, связанного с преодолением критической ситуации, четырем типам активности (Василюк, 2005).

Решая задачу соотнесения с отечественной научно-психологической традицией, Василюк избирает теорию деятельности Леонтьева как основную и

достаточную для обоснования и построения типологии жизненных миров, представления об онтологии жизненного мира. Спустя время автор рассматривает культурно-деятельностную психологию с введенными в нее категориями «жизненный мир» и «образ мира» как содержащую потенциал для экзистенциального и феноменологического мышления и соглашается рассматривать психологию человеческого бытия С. Л. Рубинштейна как методологию для реализации этого потенциала (Василюк, 2008). Присутствие в более поздних публикациях отсылок к Хайдеггеру, Гадамеру также говорит о том, что феноменологическому измерению, включая типологизацию жизненного мира, неизбежно придается все больший вес.

Е. Е. Сапогова рассматривает понятие «жизненный мир» в контексте становления взрослости и зрелости, онтогенеза среднего и старшего возраста. Исследователь отмечает, что для понимания этих процессов развития недостаточно исходить из динамики психических функций, социальных ролей, изменений в поведении, и обращает внимание на современную востребованность методологии, которая будет способствовать познанию бытийной реальности человека, его смысловых поисков, и новой терминологии, которая позволит ввести в поле психологического исследования такие явления внутренней жизни человека как целостное принятие своей жизни, выработка личной жизненной философии, авторство жизни, процесс самосозидания, полнота существования и многие другие (Сапогова, 2019).

На наш взгляд, разработанные концепции, с одной стороны, стремятся сохранить и использовать феноменологическое представление о многомерности жизненного мира. Во многих конструктах, типологизациях внимание уделяется в первую очередь внутреннему миру личности и социокультурной реальности, динамическому напряжению между ними, характерному для персоналистического подхода. В то же время в отечественной психологической науке заложены основы, позволяющие изучать жизненный мир в русле феноменологического «схватывания», характерного для онтологического подхода, что открывает

возможности для изучения связанности смысловой структуры жизненного мира с особенностями природной среды, бытийного уровня связи человека и природы.

1.2.3. Теоретико-методологические основы и проблематика психологического исследования жизненного мира бывших горожан

Изучение жизненного мира в психологии, и в частности, изучение жизненного мира бывших горожан требует прояснения ряда методологических вопросов. Некоторые из них сопряжены с широкой трактовкой, неопределенностью, динамическим разнообразием научных понятий в психологической науке. Концепт «жизненный мир» может обладать мнимой понятийной очевидностью, заслоняющей имплицитное или даже неосознаваемое толкование этого понятия (Холодная, 2012). Теоретические основания, на которые опирается исследователь, способствуют различиям в избираемой оптике: жизненный мир может рассматриваться и как мир личности (индивидуальный мир), и как мир людей (коллективный мир), как мир внешний или как мир внутренний. Теоретические конструкты, направляющие исследования, могут выстраиваться в русле субъектности, субъектных отношений, отношения «субъект – объект», намеренного избегания субъект-объектной тематики, субъективности и пр.

Методологический подход к изучению жизненного мира должен учитывать и уровень избираемого контекста (Гришина, 2018). Семантическая многомерность и гибкость понятия «жизненный мир» приводят к тому, что оно используется без внимания к тому, какой уровень психологической реальности имеет место, что создает трудности для сравнения и интерпретации результатов, получаемых при исследовании жизненного мира или связанных с ним психологических феноменов.

Согласно определению Н. В. Гришиной, жизненный мир – это «обобщенная психологическая характеристика, интегрирующая смыслы, ценности, направленность человеческой жизни в их неразрывной связи с реальным бытием» (Гришина, 2018, с. 17). Жизненный мир бывших горожан – это бытийность

загорода или деревни (включая также и городской опыт бывшего горожанина), с которой сопряжены жизненные смыслы, направленность жизни – для бывшего горожанина именно «загородный» жизненный мир является онтологически наиболее значимым. Избираемый уровень контекста («смыслы») представляется очевидным; для нашего исследования прояснения скорее требует вопрос о том, подразумевается ли в данном случае изучение индивидуального опыта и переживания, или мы обращаемся к коллективному опыту? Каким образом решается задача обобщения данных, получаемых в психологическом исследовании жизненного мира?

В работах, где жизненный мир является предметом исследования, либо понятие жизненного мира задействуется для описания или объяснения тех или иных психологических феноменов, ученые рассматривают жизненный мир главным образом через оптику смыслового опыта и переживания личности, хотя этот опыт может также включать межличностное взаимодействие и взаимодействие с внешним миром. Концепция жизненных миров Ф. Е. Василюка обращена к психологической реальности индивида, к личностному переживанию критических ситуаций (Василюк, 1984). В трудах Л.А. Анцыферовой жизненный мир предстает как пространство становления, в котором человек обнаруживает свои личные жизненные смыслы, где он обретает суверенность и направленность своего жизненного пути (Анцыферова, 1993). В ракурсе индивидуального рассматривается значение субъективной онтологии, которая выстраивает субъективный жизненный мир (Сапогова, 2019). В работах Н. В. Гришиной пространство всеобщего бытия – это изначальное пространство личного смыслового поиска и становления, преобразуемое личностью в свой «собственный жизненный мир» (Гришина, 2018, с. 16). Анализируемые Д. А. Леонтьевым научные представления и разработанные концепты об устройстве жизненного мира могут включать внешнее, интерсубъективное, надиндивидуальное, однако личность остается центральной фигурой этих представлений и, собственно, их анализа (Леонтьев, 2019). Поскольку проблематика поиска смысла, исследование опыта и переживания, связанных с

этим поиском – это проблематика психологии личности, представляется вполне закономерным тот факт, что психологическая наука, обращаясь к жизненному миру, подразумевает, что носителем этого мира является индивидуальный (Сергиенко, Знаков, Харламенкова, 2018). Однако это делает невозможным обращение к концепции коллективного субъекта (Журавлев, 2018) для изучения жизненного мира бывших горожан: их смыслообразующий опыт или рефлексия опыта не является коллективными, получаемыми в совместности и взаимосвязанности.

Методологическим ресурсом для обобщения, описания и интерпретации данных, получаемых в психологическом исследовании жизненного мира, являются методы качественных исследований, берущие свое начало в феноменологии. Феноменолого-герменевтический качественный анализ позволяет выявлять, давать описание и истолкование наиболее значимых для личности жизненных смыслов, переживаний, которые конституируют ее жизненный мир, получить целостное, объемное представление об этом мире. Современная методология такого анализа и качественных исследований в целом представляет собой выверенную систему методов для каждого этапа исследовательской работы, от подготовки исследования до оценки и верификации полученного знания. Эпистемологический подход и принцип обобщения здесь иной, отличный от работы с количественными данными; исследователь обращается не к поиску причинно-следственных связей, не к выявлению общих тенденций и признаков у исследуемой группы, а к феномену и его концептуальному осмыслению, к прототипичному в изучаемом опыте (Бусыгина, 2009а).

Основания для обобщения данных, получаемых в результате исследования переживаний личности, и для экстраполяции полученного знания на более широкие контексты, формулируются учеными и с позиций культурно-исторического подхода. Предполагается, что человек заимствует, делает своими коллективные переживания, они оказываются вписаны в его личную историю (Хорошилов, Мельникова, 2019). Для исследований переживаний, опыта,

жизненного мира феноменологический подход по-прежнему остается наиболее релевантным, при этом при анализе полученных данных учитывается возможное культурное, социальное влияние, воздействие массового сознания на то, какие смыслы конституируют жизненный мир; в переживании личности отражается макроуровень общественного. Таким образом анализ отдельного случая или обобщение результатов анализа нескольких случаев позволяют получить представление о смыслах, представленных не только в жизненном мире личности, но в жизненном мире людей, социально объединенных этими смыслами; с позиций контекстуальных уровней эти методологические основания в большей степени соотносятся с «социальной ситуацией».

Бытийный уровень контекста, на наш взгляд, предполагает соотнесение не только с возможным культурно-историческим влиянием; здесь в первую очередь важно уделить внимание возможному общему онтологическому основанию, которое проявляется в субъективно значимых переживаниях людей, обратиться к прототипичности опыта, который конституирует смысловую структуру жизненного мира. Изучение жизненного мира бывших горожан подразумевает, что выявленные в процессе анализа качественных данных уникальные личностные смыслы людей, разделяющих определенный способ бытия, в той или иной мере будут обнаружены в опыте всех участников исследования. То есть, мы изначально ориентируемся на общение, на поиск общего и вариативного в анализируемых данных.

Психологическая реальность жизненного мира бывших горожан тесно связана с домом, садом, природой и при этом отличается от бытийности, сопряженной с «дикой» природой. Критерии, которые позволяют нам провести необходимое для исследования различие, лежат в том числе в области знаний, созданных психологией среды и социальной психологией.

1.3. Исследования феноменов жизненного мира бывших горожан в психологии среды. Связь человека с природой

Перейти от экзистенциального уровня в феноменологии «загородного» жизненного мира к рассмотрению феноменов этого мира через призму факторов среды или особенностей психологического пространства не столь проблематично, как это может показаться на первый взгляд. Согласно Хайдеггеру, не фактическое существование человека формирует некий мир; мир не может существовать вне структур бытия. Следуя за мыслью Хайдеггера, А. Б. Паткуль отмечает, что «феноменологическое исследование структуры мирности мира как такового может быть осуществлено только на примере окружающего мира (*Umwelt*)» (Паткуль, 2018, с. 278); между структурой окружающего мира и структурой жизненного мира есть связь. Более того, подступиться к прояснению смысла бытия невозможно без адекватного анализа бытийного устройства сущего, способного понимать бытие. В координатах нашего исследования это означает, что понимание жизненного мира бывших горожан невозможно без понимания аспектов психологического пространства, человека-в-мире, человека в его плотной сущностной связи с окружающими миром, средой.

В психологической науке понятие среды складывалось и продолжает складываться под влиянием разных дисциплин и психологических подходов (У. Джеймс, К. Левин, К. Лоренц, А. Н. Узнадзе, Д. Р. Михайлов, Е. А. Маралова, Н. Б. Шкопоров, Ю. Круусвал, Р. Баркер, У. Бронфенбреннер, И. Альтман, Дж. Лансинг, Л. М. Раудсепп, В. А. Ясвин, С. К. Нартова-Бочавер, В. И. Панов и другие). Среди различных психологических теорий мы также, как и С. К. Нартова-Бочавер, хотели бы выделить актуальное для объекта нашего исследования понимание среды, предложенное М. Черноушек (Черноушек, 1989), в котором подчеркивается действие среды как единого целого, отсутствие в среде фиксированных временных и пространственных рамок, ее связанность с деятельностью человека и ряд других факторов. На наш взгляд, такая трактовка среды позволяет не сосредотачиваться на противостоянии субъекта и объекта, но исследовать феномены жизненного мира бывших горожан одновременно и как

феномены среды, жизненного пространства, и как феномены смыслообразующего пространства.

Аспекты загородной и природной среды, рассматриваемые в современных эмпирических исследованиях

Тема связи человека с природой в гуманитарных науках исторична, как и многие другие темы в науке: она обретала определенное звучание в переломные 20-30 годы XX века и затем на волне гуманитарного кризиса 60-70 годов. На протяжении прошлого века внимание к внегородской (загородной, природной, сельской) среде со стороны психологической науки оставалось незначительным; психология развивалась и развивается как «городская» наука, оперирующая данными городского мира, средовые особенности сельского мира нечасто привлекали внимание исследователей. Однако в последние десятилетия интерес к таким исследованиям заметно вырос благодаря экологической проблематике и процессам глобализации.

По своему содержанию исследования в области психологической науки нередко пересекаются с исследованиями в смежных науках – социологии, антропологии, педагогике, культурологии. Работы в области ландшафтного дизайна, урбанистики, архитектуры, экономики в свою очередь могут обращаться к психологической реальности человека. Наиболее часто под «природной» средой или ее элементами подразумеваются те или иные формы «растительного» мира: дикая заповедная природа, естественная природная среда, загородные и городские парки и сады, озеленение и садоводство, комнатное садоводство, цветы и растения в помещениях. Наибольшую выраженность в пространстве современных исследований находят следующие темы:

- воздействие природной среды на психические функции и процессы;
- воздействие загородной и природной среды на психологическое благополучие и витальность человека;
- идентичность и аутентичность личности в контексте природного ландшафта;
- психологическое пространство дома, сада, окружающего мира;

- территориальность, приватность, суверенность загородной и сельской среды;
- средовая мотивация, моральные и ценностные установки, связанные с загородной, сельской средой, средой дикой природы;
- эстетическое воздействие природной и загородной/сельской среды;
- сопоставление и противопоставление городской и загородной/сельской среды;
- загородная/природная среда и психотерапия.

Обзор эмпирических исследований природной среды позволяет заметить, что наибольшей референтностью в этой области обладают теория восстановления внимания и психоэволюционная теория. Согласно *теории восстановления внимания* (Kaplan, Kaplan, 1989; Kaplan, 1995) внимание восстанавливается, когда человек психологически дистанцируется от задач, достижения целей и всего того, на что он обычно вынужден направлять внимание. Восстановлению способствует увлеченность окружающей природной средой. «Завладевая» вниманием человека, она успокаивает когнитивный механизм, который активно препятствует человеку переключать внимание на вещи, которые ему более интересны, чем поставленная задача. Природная среда дает ощущение согласованности и сбалансированности между тем, что человек хочет делать, должен делать и может делать в окружающей среде.

Психоэволюционная теория (Ulrich, 1993; Ulrich et al., 1991) рассматривает влияние природной среды на снижение стресса. Природная среда, которой присущи такие характеристики как умеренная сложность, наличие фокуса, естественное содержание, может вызывать положительные эмоции, поддерживать непроизвольное внимание, ограничивать негативные мысли и уменьшать физиологическое возбуждение.

Концептуальную направленность современных исследований среды в основном формирует либо *экологический подход*, близкий естественно-научным представлениям о мире и человека, где человек рассматривается как объект, либо

субъектно-средовой подход, где человек рассматривается как субъект, личность, а среда – как пространство бытийности человека.

Психологическое благополучие: рекреационный ресурс и компенсаторные факторы природной среды

В литературном обзоре, посвященном результатам эмпирических исследований природного воздействия (Bringslimark, Hartig, Patil, 2009) отмечается, что в целом они соответствуют доминирующим теориям восстановления внимания и психоэволюционной теории. Присутствие растений влияет на утомляемость и сосредоточенность, на производительность труда и решение задач (Shibata, Suzuki, 2001; Shibata, Suzuki, 2002), на эмоциональное состояние человека (Adachi, Rohde, Kendle, 2000), переносимость стресса (Kim, Mattson, 2002) и боли (Park, Mattson, Kim, 2004), что, по мнению авторов, может иметь под собой культурные и эволюционные основания – личный опыт или опыт поколений, трансформированные в символы, ценности и убеждения.

Контент-анализ текстуальных данных, представленных в письменных самоотчетах (заметки в интернете) (Koblet, Purves, 2020) показал, что природные виды, звуки, запахи вызывают позитивные чувства (радость, спокойствие, наслаждение), в то время как элементы «урбанизма» в природном ландшафте вызывают негативные реакции. Авторы исследования убеждены, что значительный объем письменных текстов от первого лица, извлеченных из интернета, являются эффективным источником информации о восприятии ландшафтов: природный ландшафт побуждает человека сосредоточиться на чувствах, которые вызывает пейзаж, облечь в слова свое переживание.

Садоводство сочетает в себе пассивное воздействие средовых факторов и деятельность человека. Установлено, что садоводство входит в группу рекреационных занятий с наивысшими значениями уровня эмоционального благополучия (субъективный уровень счастья и осмысленности) (Ambrose et al., 2020). Участие в садоводстве в наибольшей степени определяется индивидуальным стремлением восстановить свое психологическое и физическое состояние и лишь отчасти такая деятельность обращена непосредственно к

результатам садоводства (Home, Vieli, 2020). Устойчивость совместной садоводческой деятельности придают люди, в жизни которых уже присутствует многолетний опыт эмоционального удовлетворения от занятия садоводством (Lee, Matarrita-Cascante, 2019).

Не только деятельность, но и само присутствие зеленых насаждений способствует эвдемоническому благополучию, при этом важна непосредственная близость природной среды от жилища (Holden et al., 2019). Эмпирическое исследование влияния вида из окна на психологическое благополучие (Kaplan, 2001) показало, что природный пейзаж способствует удовлетворенности своей жизнью и психологическому благополучию. Виды строений за окном, напротив, негативно влияют на удовлетворенность. Значимость природы для психологического здоровья человека подтверждается многими исследованиями, однако критический анализ научных публикаций (Lee, Maheswaran, 2011) отмечает, что говорить об их прямой взаимосвязанности не получается, так как эта взаимосвязь сложна.

В своем эмпирическом исследовании, проведенном на масштабной выборке (15000 респондентов) Сатоши Канадзава и Норман Ли (Li, Kanazawa, 2016) обнаружили, что сельские жители намного счастливее загородных жителей, а загородные – значительно счастливее горожан. Была выявлена положительная корреляция между дружбой и удовлетворенностью жизнью в общей популяции, и отрицательная корреляция в выборке респондентов с высоким интеллектом: более умные люди испытывали большую удовлетворенность жизнью при меньшей частоте контактов с друзьями, им не требовалась насыщенная социальная жизнь для того, чтобы чувствовать себя счастливыми.

Экотерапия и психотерапия

Значительное количество эмпирических исследований посвящено экотерапии – оздоровительному и реабилитационному потенциалу природной среды, которая улучшает психическое состояние, оказывает психотерапевтический эффект, содействует социализации. Так, общенациональное популяционное исследование в Дании (Engemann et al., 2018)

показало, что урбанизация может способствовать развитию шизофрении у детей. Значимым фактором является наличие или отсутствие зеленой среды в раннем детском возрасте непосредственно возле места проживания.

Психологическое воздействие природных факторов через их связывание с экзистенциальной проблематикой человека, вопросами прихода в мир и существования в мире, духовными вопросами, позволяет использовать их в паллиативной помощи (Kelly, 2016), в лечении психических расстройств, сложных эмоциональных состояний, связанных с выгоранием, депрессией, травматическим опытом, жизненным кризисом. В терапии задействуются цикличность и символизм природных явлений, связанные с природой метафоры и культурные ритуалы, способствующие продуктивному переживанию, позволяющие придать смысл страданию, болезни, смерти (Pálsdóttir, Berger, 2016). Природа рассматривается как особое, «сакральное» пространство, территория «социальной тишины», предоставляющее возможность невербального общения, восстановления «духовных связей».

Исследователи также придают значение особому сеттингу экотерапии, в которой отсутствуют традиционные рамочные ограничения (Jordan, Marshall, 2010), где границы внешнего и внутреннего, терапевтического и социального пространства размыты. Неопределенность и непредсказуемость внешних условий сами по себе могут становиться факторами терапии. Природа становится «отчетливым живым третьим», который благотворно воздействует на состояние пациентов.

Значимые места

Посещение, воспоминание или воображение значимых мест улучшает настроение, способствует эмоциональной и когнитивной саморегуляции и восстановлению. Анализ описаний испытуемыми любимых и нелюбимых мест свидетельствует, что любимые места, способствующие восстановлению и саморегуляции – это как правило уголки природы (Korpela et al., 2001). Исследование мозговой активности добровольцев, вызванной предъявляемыми изображениями нейтральных и личностно значимых мест (Gatersleben et al., 2020)

показало, что вид мест или воспоминание о значимых местах улучшает настроение и поддерживает хорошее самочувствие. Виды значимых мест вызвали наибольшую реакцию в миндалине, связанную с обработкой эмоций. Аналогичная высокая активность была обнаружена для медиальной префронтальной коры, связанной с обработкой самореференций, эмоциональной оценкой и обработкой воспоминаний; значимые объекты или нейтральные места такой активности не вызывали. Повышенная активность в области парагиппокампа также наблюдалась при демонстрации изображений лично значимых мест. Исследование «чувства места» (Sense of Place) показало многомерность этого понятия, которое включает убеждения об отношениях между собой и местом, чувства по отношению к месту, особое поведение, связанное с местом (Jorgensen, Stedman, 2001).

Вопрос о семантическом «весе» той или иной среды, его связанности с лично значимыми местами человека остается открытым. В частности, остается неясным, обретает ли тот или иной уголок природы свою значимость, будучи частью прошлого опыта, или он наделяется особым смыслом «заранее», с прицелом на будущее. Исследователи отмечают, что значимые места вызывают более интенсивные эмоциональные реакции, чем объекты, имеют символическую, духовную, социальную и личную ценность. Людей тянет к значимым для них местам, а утрата лично значимых мест может негативно влиять на благополучие. Связанность людей со значимыми для них местами, влияют на поддержку (или сопротивление) планированию и политическим решениям (Gatersleben et al., 2020), защитное поведение и сопротивление изменениям.

Средовая идентичность

Значимые, любимые места регулируют не только эмоциональное и физическое состояние, психические функции, но самовосприятие человека: значительное число современных исследований посвящено связи между самоидентичностью и аутентичностью человека и факторами природной среды. Для обозначения этой связи используются понятия «идентичность места» (Proshansky, Fabian, Kaminoff, 1983), «привязанность к месту» (Altman, Low, 1992)

– исследуется эмоциональная связь человека с местом, которая развивается с течением времени благодаря получаемому в данном месте опыту.

Учеными предпринимаются попытки установить, с каким типом места люди склонны себя идентифицировать наиболее часто, определить характеристики такого места и формы идентификации себя с местом. Скэннел и Гилфорд (Scannell, Gifford, 2017) отмечают важность попыток подобной типологизации и одновременно – их безуспешность. Их собственное исследование позволяет увидеть объемную картину взаимосвязей между личностным опытом людей, характеристиками места и факторами благополучия, но также не позволяет сделать однозначный вывод о том, каким образом «привязанность к месту» создает личностное благополучие. 54,7% названных респондентами мест исследователи отнесли к местам природного ландшафта; наиболее часто упоминались дом, церковь, тропа на берегу озера и подобные им. Частный дом, включая чей-либо нынешний дом, дом детства или дом кого-то другого, были наиболее распространенным типом привязанности. Наиболее часто благотворность места респонденты связывали с воспоминаниями (69%), чувством принадлежности (54%), релаксацией (49%), эмоциями (38%), а также деятельностью, комфортом и безопасностью, личностным ростом, свободой.

Теоретические постулаты экотерапии подразумевают, что особенности природной среды способствуют идентичности, осознанности собственного Я, что влияет на психическое здоровье (Doherty, 2016). Опыт природы и загородной жизни в раннем возрасте, конституируя образную сферу личности, может снижать делинквентное поведение у подростков (Сухарев, Грачев, 2010). Природная среда играет важную роль в личностном самоопределении (Clayton, Orotow, 2003) – в общении с природой возникает особая идентичность, альтернативная господствующей идентичности, связанной с культурой потребления. Это влечет за собой также установление и новые социальные отношения и социальные роли.

Ряд исследователей обращается к проблеме сохранения национальной идентичности, что особенно актуально в контексте вынужденной или добровольной миграции. Мир растений способствует сохранению национальной

идентичности и чувства родины, что в свою очередь важно для психологического благополучия в неблагоприятных психологических обстоятельствах, связанных с утратой родных мест (Roze, 2018). Сады, выращивание привычных растений – это не просто создание эстетического окружения или вопрос пропитания, но поддержание самоуважения и сохранение памяти о родной земле, которое помогает обрести свое место в чужом окружении.

Природа и мировоззрение

Исследования, направленные на изучение связи между отношением человека к природе и его моральными мотивами, экологическими решениями, мировоззрением в целом, свидетельствуют о том, что связь людей с природой, осмысление своей сопричастности природному миру способствует более глубокому пониманию жизни в целом (Печин, 2008); (Нартова-Бочавер, 2019). Личностная связанность с природой (средовая идентичность) влияет на проэкологическое поведение и принятие экологических решений (Freed, 2015). Понимание природы свойственно людям, демонстрирующим целостность своего мировоззрения, рефлексию, смысловую связанность в восприятии и осмыслении реальности, чувство красоты (Andringa, Angyal, 2019).

Тема семантического измерения садов в жизни людей представлена как отечественными, так и зарубежными учеными. Садоводство рассматривается как интимный и длящийся во времени разговор с живым миром, выделяется особенность взаимодействия человека с динамичным, «самостоятельным», «живым» пространством природы, преобразование человека в диалоге с садом. Подчеркиваются особенности садоводства как вида деятельности, который, в отличие от подавляющего большинства видов человеческой деятельности, не имеет конечного результата, характерного для деятельности по созданию культурных объектов. Главной заботой садовника является рост, развитие, причем сам процесс роста, изменений, неопределенности – это мощная, считываемая человеком метафора, что придает садоводству философское измерение (Raxworthy, 2018).

Приведенные в обзоре эмпирические исследования обращены прежде всего к средовым аспектам загородной и природной среды, но можно заметить, что субъектно-средовой уровень исследуемой психологической реальности включает в себя как социальные компоненты (сопоставление с городской средой, включенность значимых других в воспоминания, связанные с жизнью за городом, взаимодействие с сообществом), так и смысловое измерение: благотворное воздействие природы и загородной жизни на способность человека ощущать смысл своей жизни (полноту бытия, связанность с миром), семантический вес значимых мест, воспоминание о которых или пребывание в которых сопряжено с самовосприятием, с опытом подлинного Я.

1.4. Феномены жизненного мира бывших горожан в современных исследованиях социальной динамики «город – деревня»

Аналогичным образом ученые, работы которых связаны с изучением социальных аспектов загородного, сельского, природного мира, нередко обращают внимание и на психические процессы человека, и на факторы среды – как на этапе изначальных предположений, гипотез, так и на этапе анализа дополнительных результатов. Применение социально-средового подхода все чаще имеет место в антропологических, педагогических, социально-психологических исследованиях, среди которых также есть работы, затрагивающие аспекты динамики «город – деревня».

В социологической науке динамические процессы, связанные с урбанизацией, контрурбанизацией, обратной миграцией, активно исследуются с девяностых годов. Современные ученые обращают внимание на сложность картины, не позволяющей делать однозначных выводов о доминировании того или иного процесса. Можно выделить следующие темы, к которым исследователи обращаются наиболее часто:

- социальная динамика дачной и сельской жизни, «умирание деревень» и «возрождение села», деиндустриализация и индустриализация сельских территорий;

- феномен «жизни на два дома»;

- горожане в загородной и сельской среде: установки, отношения, вклад в социальную жизнь;

- «дауншифтинг»;

- мотивы переезда горожан за город;

- индивидуализм и коллективизм в загородной и сельской жизни;

- уничтожение частного фермерского хозяйства в советскую эпоху, его подавление в эпоху глобализма, агломерация как антипод суверенности малых форм хозяйствования;

- экопоселения, общины и прочие объединения горожан, переезжающих в сельскую местность;

- загородная/сельская среда и образование;

- загородная/сельская среда и социальное благополучие;

- использование загородной/сельской/природной среды в социальной реабилитации;

- использование природных факторов и элементов в поддержании благополучия городской среды;

- социальная доступность природной/загородной среды;

- территориальность, приватность, суверенность загородной и сельской среды (с позиций социально-средового исследования).

Проблема категоризации миграционных процессов в эпоху транзитивности

Феноменология социальных исследований высвечивает множество аспектов, которые задают контекст для изучения особенностей жизненного мира бывших горожан. Изучаются представления людей о доме и их трансформация, (Angelova, 2010; Ильин, 2017), новые «загородные» стили жизни и гибридные идентичности, возникающие в связи с процессами дезурбанизации

(Макшанчикова, Никишин, Попов, 2019). Дихотомия «городское – сельское», опора на критерии постоянства проживания, видов хозяйствования, удаленности от города, на устаревшие представления о «селе», «даче», «ферме», «городе» оказываются камнем преткновения для понимания современного многообразия внегородских форм жительства, возникающих сообществ, многообразия хозяйственных, социальных укладов, стилей жизни и взаимодействия с окружающими миром. Внегородские пространства сегодня (за исключением территорий с низкой плотностью населения) – это сельско-городской континуум, пространства смешанной идентичности, городской экспансии, конкурентной борьбы сообществ, каждое из которых обладает своим набором установок, смыслов, культурных концептов; в частности, горожане могут привносить гуманистические смыслы, налаживать связанность с городской средой, но одновременно формировать культуру, неукорененную в локальной среде. Загородные жители реинтерпретируют сельское пространство в русле новой сельско-городской логики, создавая совершенно новый образ жизни и новый символический образ пространства, наделяя элементы среды новыми, конкурирующими смыслами, отличными от смыслов сельских жителей.

В критическом анализе процессов деиндустриализации и индустриализации сельского хозяйства отмечается их деструктивное воздействие на социальное и психологическое благополучие. Деиндустриализация ранее индустриализованных сельских территорий влечет за собой разрушение инфраструктуры, потерю рабочих мест, разрушение сельского быта. О разрушительных последствиях для домохозяйств пишут и зарубежные, и отечественные исследователи, отмечая возникающее у людей чувство отчаяния, заброшенности, предательства; речь идет о ситуациях, когда людей привлекали на хорошо оплачиваемую работу, предоставляли им возможности для устройства (частные дома, инфраструктура), побуждая их к переселению и вовлеченности в наемный труд (Cowie, Heathcott, 2003). Исследователи отмечали также и случаи изначального сопротивления индустриализации в сельской среде, когда сельские жители отдавали предпочтение бедной, но свободной жизни, и отказывались от хорошо

оплачиваемой наемной работы на открываемых в регионе предприятиях. Социальные проблемы создают и современные процессы индустриализации сельского хозяйства. Агропромышленные комплексы вытесняют фермерство и небольшие сельские хозяйства, а роботизация ведет к сокращению рабочих мест в сельском хозяйстве. Сельские угодья превращаются в социальные пустыни (Родионова, 2018).

Многие исследователи отмечают, что статистические данные о месте жительства дают упрощенное представление о миграционных процессах населения и формах миграции; для понимания этих процессов важно учитывать характерную для современности мобильность, сезонные перемещения, жизнь «на два дома». С одной стороны статистика показывает концентрацию населения в крупных городах и вокруг них и продолжающуюся потерю населения в отдаленных сельских районах. Однако в действительности динамика численности городского и сельского населения представляется более сложной, для ее описания и понимания следует применять различные исследовательские подходы (Adamiak, Pitkänen, Lehtonen, 2016). Интерес исследователей вызывает феномен «второго дома»: современные технологии и инфраструктура, способствующие, с одной стороны, мобильности горожан, а с другой – ведению автономного хозяйства в сельской местности, приводят к тому, что горожане живут «на два дома», обустраиваются за городом, не отказываясь от городской жизни, квартиры, городских контактов и работы в городе (Quinn Deirdre 2010; Gallent, 2014). Изучаются связанные с феноменом средовые и социальные факторы (Аверкиева, Антонов, Кириллов и др., 2016); нередко «вторые дома» становятся источником недовольства сельских жителей и бывших горожан, воспринимаются ими как угроза благополучию, территориальное посягательство, нарушение уединенного образа жизни, что особенно остро дало о себе знать в период пандемии.

Вклад пожилых горожан в социальную жизнь и экопоселения

Феномен переезда горожан за город рассматривается в том числе в контексте возрастной динамики сельского населения (Currie, Philip, 2019). Принято считать, что стареющее население в сельской местности составляет

проблему для государственных экономик, истощая такие ресурсы, как услуги здравоохранения и социального обеспечения. Однако современные исследования оспаривают этот взгляд, предлагая не ограничиваться экономическим уровнем. Пожилые выходцы из городов, приезжающие в сельские районы с профессиональным и управленческим опытом, энергией и инициативностью, приносят с собой социальный капитал, который может быть использован в интересах их нового сообщества. В ряде стран и регионов волонтерство бывших горожан старшего возраста лежит в основе предоставления многих основных услуг, а показатели волонтерства в сельских районах превышают показатели в городских районах.

Предметом отдельных исследований является проблематика и потенциал экопоселений бывших горожан (Хомякова, 2013; Кулясов, 2004; Шубин, 1998; Позаненко, 2016). Члены общин экопоселений как правило вдохновлены теми или иными декларируемыми ценностями общинной жизни (пермакультура, экотуризм, вальфдорские школы и др.) и другими социальными идеями: даже будучи успешными в своей самостоятельности и устойчивости по отношению к большому внешнему миру, поселения порой не выдерживают натиска внутренних конфликтов в поселении и со своими сельскими соседями; непросто решаются вопросы лидерства, идеологии и личной свободы.

Социальная доступность природной/загородной среды

Констатируя значимость открытого пространства как восстановительного ресурса, которую обосновывают эволюционная теория и теория восстановления внимания и подтверждают многочисленные эмпирические исследования, Т. Хартиг считает важным обозначить такую проблему, как доступность природного пространства для людей, и поставить ряд вопросов, связанных с этой проблемой (Hartig, 2007). С одной стороны, городское планирование подразумевает создание парков и зеленых зон в качестве заботы о физическом и психологическом здоровье жителей. Однако, приносят ли они ту же самую пользу, что и естественные природные условия? Как оценивать благотворность воздействия той или иной формы зеленого пространства на ту или иную группу людей в

долговременной перспективе? И главный вопрос, которым задается ученый: как распределяется создаваемое зеленое пространство в зависимости от социально-экономического положения, и не способствует ли это распределение увеличению социального неравенства. Таким образом тема благотворного воздействия природной среды получает социальное измерение, связанное с вопросом о том, в каких социальных условиях это благотворное воздействие будет иметь место, а в каких – оставаться институциональным решением, не отвечающим действительным потребностям человека.

Садоводство и земледелие как опора для автономности и метод в реабилитации

Частное сельское хозяйство способствует автономии в хозяйственной деятельности и в социальной жизни: исследование женщин, занимающихся садоводством в деревнях, показало, что садоводство – это не только способ добывания пропитания, но и способ сохранить и выразить свою автономию и ценность в условиях деревни, свою самодостаточность (Moreno-Black, 1996). Важность такого рода независимости возрастает по мере того, как люди все больше вовлекаются в денежную экономику и участие в экономических операциях. Одновременно садоводство играет значительную роль в поддержании коммуникаций (обмен посадочным материалом, обсуждение садовых работ).

Садоводство используется с целью социальной и личностной реабилитации: в исправительных учреждениях существуют комплексные программы реабилитации, где участники программ знакомятся с основами земледелия и садоводства и занимаются садовыми работами на практике. В основе такого подхода к реабилитации лежит идея о том, что садоводство – это не просто разновидность труда и возможность освоить профессию, которая пригодится на свободе. Оно способствует переосмыслению жизни, пониманию жизненного контекста, моральных обязательств, преодолению кризиса. Исследование, основанное на смешанной методологии, показало, что освоение навыков садовода, работа в саду могут менять моральные представления, ценностные

установки, а после завершения программы помогать ее участнику находить свое место в окружающих его условиях, социализироваться (Benham, 2014).

Природное/сельское пространство и образование

Исследования, посвященные роли природной, сельской среды в образовании, воспитании, личностном становлении детей, имеют давнюю традицию в истории, которая периодически возвращается в дискуссионное пространство современного образования. Топос мегаполиса и тоπος маленькой отдаленной деревни противопоставляются: городское пространство олицетворяет современную цивилизацию, сельское символизирует природу и более естественное состояние жизненного мира человека. В русле цивилизационной критики сельская среда оценивается как благоприятная с педагогической точки зрения. Подчеркивается созерцательность, эстетичность природной среды, и даже трудности сельского труда интерпретируются как хорошие условия для физического и психологического развития ребенка, для стабильности и уравновешенности. Отмечается, что дети в сельской среде не подвергаются большому количеству влияний в своей социализации, легко интегрируются в социальные структуры и рабочие процессы. Среди негативных аспектов сельских школ – опасность природного пространства и физического труда для жизни и здоровья детей, проблемы с соблюдением гигиены, амбивалентность «естественности» (Göttlicher, 2020). В историческом обзоре, посвященных роли и проблематике природы в образовании, не только приводятся наиболее значимые взгляды и дискуссии, выделяются позитивные и негативные факторы образования «на природе»; но и подчеркивается само историческое наличие и значимость идеального образа, в котором воспитание и природная, сельская среда гармонично взаимосвязаны, а также сложность переосмысления и реинтерпретации привычных ожиданий благотворного воздействия природы на воспитание в современном контексте (Caruso, 2020).

Переезд за город, дауншифтинг: мотивы и смыслы

Предпринимаются попытки типологизировать мотивацию переезда горожан за город или в сельскую местность (Звягинцев, Неуважаева, 2015; Нефедова,

Покровский, Трейвиш, 2015), в которых исследователи, отталкиваясь от мотивационной типологии Митчела и других ученых (Mitchell, 2004) и сопоставляя западные и отечественные реалии изучаемого явления, отмечают его многофакторность, разнонаправленность, изменчивость и межтипovou текучесть, что создает значительные трудности для обобщения наблюдаемых феноменов. В исследовании мотивов и смыслов переезда горожан за город или долгого проживания на «дальних дачах» предлагается опираться на феноменологический анализ жизненного мира. По мнению исследователей, жизненный мир бывших горожан – многоуровневая ментальная конструкция, переживание пространственной удаленности от мегаполиса, уединения, «заброшенности», эстетического чувства; подобный опыт по своей сути отличен от опыта сельского туризма (Покровский, Николаева, Демидова, 2019). В этом жизненном мире важна «укорененность», обретение Дома; старый деревенский дом или постройка собственного дома получают экзистенциальное измерение. Постоянное или долгое проживание в загородном или деревенском доме рассматривается и как попытка преодоления внутреннего кризиса, связанного с городом, как опыт идентичности, самости, и одновременно как определенная форма эскапизма.

Разнонаправленными предстают и исследования дауншифтинга. Его понятие неоднозначно, атрибутируется различным психологическим и социальным феноменам. Так, это понятие может подразумевать и переезд в сельскую местность, и выбор «работы по душе» в ущерб заработку и социальному положению, и отказ от карьеры ради семьи и детей без перемен в трудоустройстве, и переезд в слаборазвитую страну (Барков, Маркеева, 2019). Дауншифтинг рассматривается как феномен постмодернизма, как жизненная стратегия поиска новых возможностей и счастья, как альтернативная модель успешности (Завражин, Карманов, 2017; Торотоева, 2020; Прихидько, 2008; Мерзлякова, 2008). Результаты психологического анализа и категоризация мотивов являет собой довольно сложную картину; намерение или решение может быть вызвано самыми разными факторами: кризисом среднего возраста,

особенностями биоритмов организма, выгоранием, ролевым или ценностным конфликтом (Трухан, 2020).

В исследованиях О. Я. Виноградской отмечается значимость смысловых аспектов переезда горожан за город; жизненная направленность – не эскапизм, а движение навстречу осмысленной, подлинной жизни. Центральной для исследований является тема утраты – обретения субъектности. Мотив переезда – не только надежда на экологичное и более просторное жилище, здоровый образ жизни, но прежде всего нежелание быть «винтиком» огромного мегаполисного механизма с его гарантиями труда и социальной заботы, стремление к свободе и автономности (Виноградская, 2018). На наш взгляд, проблема субъектности и суверенности городского жителя и переезд за город как ее решение дает о себе знать в содержании большинства рассмотренных нами работ, независимо от того, обращается ли автор к этой проблеме напрямую.

В. Г. Виноградский, отмечая пестроту и близорукость в изучении процессов контрурбанизации и сельского мира в гуманитарных науках, задается вопросом об уровне обобщения или контекста для изучения феномена переезда горожан за город или в сельскую местность. Избыточность близкой оптики загораживает суть исследуемых явлений: для их понимания необходима дальняя оптика, феноменологическое «схватывающее выявление» (Виноградский, 2021).

Даже при всем понимании сложноустроенности сельско-городского континуума, миграционных процессов, мотивов переезда горожан за город целостное схватывание, взгляд сверху, которые способствовали бы принципиально новому пониманию феномена, остаются трудной задачей для исследователей. Большой объем разнонаправленных исследований, выполнен с использованием качественных и количественных методов и направлен на изучение социальной и мотивационной динамики сельских жителей и бывших горожан, что отчасти восполняет знание о психологической реальности негородских жителей и дает объемную и многоплановую картину «видимой» части феномена – социальных форматов и процессов, в которых он может себя являть. Однако форматы и процессы сами по себе не дают ответа на вопрос о

бытийном уровне феномена, о том, какие личностные смыслы сопряжены со стремлением горожан оставить мегаполис и переселиться за город или в деревню. Тем не менее, результаты исследовательских работ указывают на значимость аутентичности, суверенности, потребности в Доме, в укорененности, на психологическую связанность с опытом природы и загородной жизни, на избрание жизни за городом как способа преодоления жизненного смыслового кризиса.

1.5. Ностальгия: психологическое содержание и экзистенциальная направленность переживания

1.5.1. Социальная обусловленность модусов понимания ностальгии в психологической науке

Ностальгия как предмет исследования находится в поле зрения психологов со времени возникновения психологической науки. Ведущие исследователи ностальгии (К.И. Vatcho, С. Sedikides и другие) рассматривают историю психологических концепций ностальгии как движение от негативного оценивания ностальгических переживаний, их воздействия на психику человека, на его становление и социализацию, к позитивному представлению о ностальгии, к изучению тех ее сторон, которые способствуют душевному здоровью, психологическому благополучию людей. Ностальгия в психологии рассматривалась как личностная особенность, как переживание, характерное для жизненной ситуации, для этапа жизненного пути личности, как явление, вызываемое социальными изменениями в обществе; в последнее время все чаще можно встретить обращение к экзистенциальному уровню в рассмотрении феномена ностальгии. История изучения ностальгии в психологии – это также история дифференциации обыденного понимания и использования слова «ностальгия» и научного представления о ностальгическом переживании, различения психологического концепта ностальгии и понимания ностальгии в

других областях научного знания – в области медицины, психиатрии, социологии и других гуманитарных наук.

Ностальгическое переживание с давних времен присутствует в человеческом опыте; ностальгический опыт, сопряженный с самоидентичностью, любовью к родине (природе, ландшафту, родному дому и родным людям), верностью отражен в литературных источниках наряду с другими значимыми человеческими переживаниями. Тоска по дому рассматривалась как норма и доблесть. Тем не менее, впервые (1688 г.) в классической европейской науке понятие ностальгии было сформулировано Дж. Хофером как медицинский термин, опровергающий представление о ностальгии как о естественном и здоровом переживании. Греческие слова «Nostos» (возвращение на родину) и «Algos» (страдание или горе), были использованы, чтобы обозначить симптоматику, наблюдаемую у швейцарских солдат-наемников, тоскующих по родным сельским местам; схожие симптомы отмечались и у военнослужащих из других стран, а также у американских солдат Гражданской войны. К. Батчо (Batcho, 2013) в своем психолого-историческом исследовании отмечает, что термин обозначил лишь одно из проявлений феномена, а сам Хофер, избрав клиническую трактовку ностальгии, не заметил, что она отвечает задачам своего времени – началу эпохи, в которой привязанность человека к дому перестает быть ценностью и становится препятствием, от которого необходимо избавиться: тоска по родным местам не должна мешать человеку выполнять свою работу вдали от дома.

В конце XIX века благодаря развитию и ускорению транспортных коммуникаций ностальгия, вызванная пребыванием вдали от дома, ослабевает как явление и уходит из поля зрения психиатрии. В XX веке интерес к ностальгии возникает в психоанализе, где трактуется как разновидность депрессии, как реакция на процесс индивидуации (Neumann, 1970), нерешенные проблемы близости и сепарации (Peters, 1985), как печаль прощания с детством и тоска по доэдиповой матери (Kaplan, 1984). Значительное внимание в психоаналитической традиции уделяется трактовке ностальгии как горько-сладкой эмоции.

Сладость воспоминаний, удовольствие сопряжены с идеализацией и романтизацией детского опыта себя как опыта совершенства, что на переходных этапах способствует сохранению чувства собственного достоинства, становится поддержкой. Горечь сопряжена с утратой, тревогой, разочарованием, ощущением необратимости времени при стремлении удержать время, что образует классический для психоанализа конфликт. Психодинамическая сила ностальгии, по мнению теоретиков, состоит в том, что она помогает преодолевать потери, свойственные переходным периодам в жизни человека, и двигаться вперед.

В ранних психологических исследованиях (конец XIX начало XX вв.) ностальгия рассматривается и как определенная реакция на внешние раздражители, имеющая психические последствия и телесные проявления, свойственная определенному типу личности (Kline, 1898). Утрата привычного, появление нового и непривычного, ограничение свободы, существенное изменение образа жизни – основные причины, вызывающие ностальгию. Личностные черты, способствующие подверженности или противостоянию ностальгии, рассматриваются в социальном ракурсе: противопоставляются «любовь к дому», трудолюбивый провинциал с его консервативными взглядами и мелкими общественными интересами и «миграционный импульс», мигрант-космополит, с его широтой интересов, умением сходитья с людьми и находить выгоду в самых разных ситуациях. В тридцатые годы благодаря расширению тематики эмпирических исследований понятие ностальгии выходит за пределы «тоски по дому», вбирая переживания, связанные с местами, людьми, временами, символами. Интерес к изучению клинических случаев падает, осмысливается роль ностальгии в социальных и личностных процессах. Концепции ностальгии в целом весьма чувствительны к требованиям исторической эпохи: так, в работе 1933 года (Ruml, 1933) утверждается, что ностальгия способствует укреплению семьи и патриотизма, а в работе 1941 года (McCann, 1941), когда вновь актуальны государственные задачи военного времени, а скорость и интенсивность географических перемещений в очередной раз увеличиваются, звучит старинный призыв лечить от ностальгии, предотвращать или снижать эмоциональную

фиксацию или привязанность индивида к своему дому, к домашней обстановке; в послевоенной работе 1954 года (Martin, 1954) ностальгическое переживание вновь предстает как заслуживающее уважения и поощрения.

К началу XXI века представление о позитивной роли ностальгического переживания превалирует в психологической науке, ностальгия рассматривается как неотъемлемая и значимая часть личностного опыта. Содержание этого понятия в психологии, и подходы к ее изучению продолжают расширяться. Ностальгия все в меньшей степени ассоциируется с тоской по дому, и все больше с тоской по детству и добрым старым временам, трактуется как универсальный аффект, который приводит к приподнятому настроению, связанному с особыми воспоминаниями о прошлом (Davis, 1979; Kaplan, 1984), рассматривается в контексте взаимодействия когнитивных и аффективных процессов. Уделяется внимание роли, которую ностальгические воспоминания играют в поддержании и развитии личностной идентичности, включающей как устойчивость, опору на старый опыт себя, так и развитие, принятие нового (Batcho, 2013). Обращение к психоаналитическим теориям ностальгии способствовало интеграции представления о «ностальгическом» конфликте, связанном с переходом на новый жизненный этап, и когнитивно-аффективной интерпретации ностальгии, и дало новый импульс изучению особенностей ностальгии, характерным для определенного возрастного этапа (Cavanaugh, 1989). Исследования ностальгии в русле, актуальном для психологии развития, внесли свой вклад в психологию старения и подростковую психологию, способствовали развитию прикладных исследований, включая исследования клинических случаев и терапевтических аспектов ностальгического переживания.

Тем не менее, прежнее представление о ностальгии как о болезненном дезадаптивном переживании возвращается в поле психологических исследований, как только возникают соответствующие такому представлению социальные ситуации, в которых отчетливо превалирует миграционная тематика (добровольная миграция в другие страны, беженцы из зон вооруженных конфликтов, переселение из сельской местности в большие города и другие

формы миграции, связанные с поиском профессионального и социального устройства, безопасности, вызванные разрушением дома и привычной окружающей среды); хотя, возможно, именно особые социальные события и процессы становятся причиной «болезненности» связанной с ними ностальгии.

Акцент на «преодолении» ностальгии можно встретить в отечественных исследованиях ностальгии, выстраиваемых на материале консультирования пациентов, переживающий кризис, связанный с географической или культурно-исторической утратой «родного» (Фенько, 1994; Зинченко, 2009). Независимо от того, обосновывается ли ностальгическое переживание психоаналитической теорией (А. В. Зинченко) или гуманистическо-экзистенциальными представлениями о человеке (А. Б. Фенько), ключевую роль в преодолении негативного воздействия ностальгии играет осознанная работа с воспоминаниями, ведущая к новому пониманию себя и мира.

В исследовательских работах последних десятилетий проводятся различия между такими формами как личная (по собственному прошлому) и историческая (по общему историческому прошлому) ностальгия (Batcho et al., 2008), личная (переживаемая индивидуумом) и коллективная (переживаемая группой, общностью) (Wildschut et al., 2014) ностальгия; каждая из форм имеет свои особенности и требует определенного исследовательского подхода. Выделяются такие особые формы ностальгии, как ностальгия без памяти (Сапогова, 2019), предвосхищающая ностальгия (Batcho, Shikh, 2016). В отличие от личной ностальгии предвосхищающая ностальгия, с одной стороны, способствует переоценке настоящего и приданию ему большей значимости, но с другой, усиливает чувство печали и беспокойства, препятствующее получать удовольствие от настоящего. К. Батчо также проводит различие между предвосхищающей и ожидаемой ностальгией; последняя, представляет собой интересный когнитивный процесс, которые не обязательно включает в себя аффект, переживание утраты (Batcho, 2020). Е. Е. Сапогова обращает внимание на фоновое мифологическое содержание в переживании ностальгии, связанное с неудовлетворяющим переживанием себя в настоящем и отсутствием информации

о своем прошлом. Ностальгия может быть обращением не к имевшему место прошлому, а к тому, что в этом опыте отсутствовало, или к вымышленному опыту, который человек может конструировать в своих грезах, используя элементы чужой жизни, заимствованных из фильмов, книг, рассказов других людей (Сапогова, 2019).

История психологических исследований ностальгии показывает, что на первых порах ученые в своей концептуализации ностальгии редко выходили за ее «географические» координаты: видение и рассмотрение феномена изначально было более узконаправленным, чем сам феномен. Несмотря на то, что в настоящее время ностальгия и как переживание, и как предмет исследования в меньшей степени оказывается привязана к географическому «дому», теплые воспоминания о доме и родных местах, тоска по дому по-прежнему значимы в личностном опыте; возвращение «домой» в плане целостной внутренней устремленности человека – это прибытие туда, «где я был как дома» или «где я мог бы быть как дома». Переживаемый опыт такого возвращения отличается от физического возвращения в оставленный дом или родные места; физическое возвращение «на то же самое место» само по себе не гарантирует удовлетворения, избавления от ностальгической тоски. Ностальгия подразумевает не только невозможность оказаться там, где был счастлив в прошлом, но и потребность двигаться в будущее, к новому опыту «своего дома» и личностному становлению.

В психологической науке ностальгия изучается как самостоятельный конструкт, однако, в настоящее время отсутствует согласованность в ее теоретизации, что сопряжено с ее сложноустроенностью; в настоящее время предлагается концептуализировать ностальгию как нечеткую категорию, включающую множество свойств. Современные исследователи относят ностальгию к сложным переживаниям (С. Sedikides, Е. Hepper, С. Batcho); она включает аффективные (радость, горечь), когнитивные (воспоминание, воображение), мотивационные (стремление вернуться к себе) процессы и определяется как переживание, связанное с воспоминаниями о счастливом и утраченном опыте себя в мире, направленное на интеграцию чувства

собственного Я в прошлом, настоящем и будущем и включающее имплицитное суждение о себе и своей жизни.

1.5.2. Содержание ностальгии, ее восстановительная и социальная функции в современных эмпирических исследованиях

За последнее десятилетие значительно возросло количество эмпирических исследований, посвященных особенностям ностальгического переживания. Изучаются причины и содержание ностальгии, ее внутренняя структура и функции, связанность с другими психическими процессами, состояниями и функциями. Ностальгия исследуется в ее взаимосвязи с идентичностью и аутентичностью, эмоциями, мотивацией, социальными факторами. Предпринимаются попытки тематического обобщения ностальгических воспоминаний (значимый другой, жизненный этап, значимые места, утрата близких), тематические вариации в возрастных группах (Madoglou, 2017).

Анализ современных исследований указывает на устойчивость позитивного представления о ностальгии в психологии; предлагается рассматривать позитивные аспекты ностальгии как более репрезентативные для феномена (Nepper at al., 2012). Ностальгия воспринимается и интерпретируется в различных культурах сравнительно одинаково, что позволяет говорить о том, что она является «панкультурной эмоцией», о ее прототипичности (Nepper at al., 2014). Ностальгия – воспоминание о прошлом, в котором отчетливо выступает сам человек, его содержание может включать близких других и значимые события. Ностальгическое переживание наряду с позитивными (радость, счастье) может включать и негативные чувства (утрата, горечь, разочарование), но как правило последовательность передачи ностальгического переживания адресату в нарративе такова, что позитивное восприятие прошлого опыта является завершающим, подытоживая прошлый опыт в положительном ключе (Wildschut at al., 2006). Ученые допускают, что именно сложный, амбивалентный характер ностальгического переживания в конечном счете продуцирует благотворный психологический эффект ностальгии (Stephan at al., 2014).

Наиболее частый триггер ностальгии – негативные ситуации и связанные с ними переживания: плохое настроение, подавленность, одиночество, социальная изоляция, разрыв между прошлым и настоящим, отсутствие смысла (Wildschut at al., 2006; Stephan at al., 2014; Seehusen at al., 2013; Routledge at al., 2011). Ностальгические воспоминания интенсифицируются при такого рода переживаниях и одновременно помогают справиться с негативными ситуациями, восстановить душевное равновесие и пережить превратности судьбы (Davis, 1979) через обращение и эмоциональное воспроизведение опыта, когда человек чувствовал себя уверенным и счастливым.

Формированию «помогающих» ностальгических воспоминаний способствует внимание, сфокусированное на наслаждении настоящим моментом. Такое «упреждающее» запечатление текущего опыта создает основу для ностальгических воспоминаний, которые, в свою очередь, способствуют более светлому видению своего будущего (Biskas at al., 2019). Ностальгия смягчает возможные пагубные последствия, связанные с угрозой самооценке в ситуации неудачи; ностальгические грезы усиливают доступность положительных самооценок, их когнитивную активацию. Отмечается, что такое воздействие имеет место даже при краткости погружения в ностальгию и при отсутствии конкретного указания испытуемым размышлять о положительных воспоминаниях о себе (Vess at al., 2012). Эксперименты, в которых сравнивались психологические и нейрофизиологические показатели, подтвердили полезность ностальгических воспоминаний для физического здоровья пожилых людей (Fleury at al., 2022).

Обращение к ностальгическим воспоминаниям помогает справляться с одиночеством, смягчая сопряженные с одиночеством негативные чувства и мотивацию (Abeyta, Routledge, Kaslon, 2020). Ностальгические воспоминания оживляют опыт прошлого, воспоминания о былой уверенности и социальной связанности; возникающее чувство одиночества непосредственно влечет за собой ощущение отсутствия социальной поддержки, однако, косвенно, через возникающие ностальгические переживания, эта поддержка ощущается; такой механизм совладания также коррелирует с жизнестойкостью (Zhou at al., 2008).

Фактически, результаты исследования указывают на связанность ностальгического переживания с автономностью и суверенностью личности.

Ностальгия способствует саморегуляции, социальной связанности, позитивной самооценке и самоуважению, что в свою очередь способствует оптимизму и открытости новизне (Tilburg, 2015). В культуре сложилось представление о ностальгии как о консервативном, традиционалистском чувстве, возвращающим человека к его доброму прошлому; тем не менее, исследования показывают, что ностальгия увеличивает креативность (Petratou, 2021), создает ресурсы саморегуляции для перехода от осторожной и сдержанной позиции к исследовательской или предприимчивой, связанной с риском, что отражает открытость взаимодействию с новым (Tilburg, 2015). Исследование нарративов о ностальгических событиях показали, что повествование о ностальгическом опыте по своей сути оптимистично, нередко ориентировано в будущее и рисует субъективно более радостное будущее (Cheung at al., 2013).

Ностальгические воспоминания повышают готовность инициировать взаимодействие и отношения, способствуют просоциальному поведению (Li, 2015). Участники исследования, которые были погружены в ностальгические воспоминания, продемонстрировали меньший уровень тревоги и избегания привязанности, более высокую самооценку и уровень положительных эмоций. Также их показатели свидетельствовали о большей уверенности в своей способности инициировать взаимодействия и отношения, раскрывать личную информацию и оказывать эмоциональную поддержку (Wildschut at al., 2006). В другом более позднем исследовании экспериментальное индуцирование мотивации избегания привело к усилению ностальгии, а индуцирование ностальгии вызвало усиление мотивации сближения (Stephan, Wildschut, Sedikides, 2014), что свидетельствует о положительном влиянии ностальгического переживания на социальную мотивацию.

Повышая способность к установлению социальных связей, ностальгия снижает стремление к деньгам: в состоянии ностальгии люди меньше ценят деньги и готовы приложить меньше усилий для получения денег (Lasaleta,

Sedikides, Vohs, 2014). Другие исследования показали, что ностальгия усиливает эмпатию, способствуя благотворительным намерениям и поведению, включая волонтерство (Zhou at al., 2012), помогает справляться с низкой процессуальной справедливостью, ослабляя пагубное воздействие несправедливых действий властей и организаций на имеющее место сотрудничество с ними (Dijke at al., 2015).

Исследователи ностальгии выдвигают предположение о том, что благотворное воздействие ностальгии на социальные отношения связано с тем, что в ностальгическом воспоминании другие люди, представляющие социальные группы, оказываются включены в собственное Я, в позитивное переживание. Так, ностальгические воспоминания, включающие опыт общения с психически больным человеком, улучшают отношение к психически больным людям в целом (Turner at al., 2013). Установлено, что ностальгия является положительным предиктором интернализации моральных ценностей в Я-концепции; исследователи допускают, что эмоциональная регуляция внутри ностальгического переживания сопряжена с интеграцией себя и открытостью другим, что в целом способствует переосмыслению и укреплению моральной позиции (Etemaad, Dabbagh, Jowkar, 2019).

Характерное для современной психологии смещение акцента с личностных черт на исследование динамических процессов и состояний актуально и для исследований ностальгии. Личностная предрасположенность к ностальгии принимается во внимание как фактор, который влияет на степень благотворности ностальгического переживания, однако все чаще в фокусе внимания само пространство переживания, его содержание и внутренний динамизм. Динамика ностальгического переживания во многих работах рассматривается через призму гомеостатического эффекта: индуцированный негативный фактор, воздействующий на том или ином уровне психологической реальности (ситуационный дискомфорт внешней среды, социальная угроза, отсутствие смысла и жизненных перспектив) повышает уровень ностальгии, а затем интенсифицированная, набравшая силу ностальгия помогает справиться с

негативным воздействием индуцированного фактора. Это создает трудности в выявлении причинно-следственных связей: например, получить ответ на вопрос о том, запускается ли ностальгическое переживание позитивным опытом домашней среды или наоборот, ностальгическое переживание «выискивает» позитивное в опыте домашней среды, «решая задачу» преодоления психологических трудностей. Таким образом, для методологии исследования ностальгии релевантным оказывается системный принцип, который позволяет рассматривать явления в их сопряженности, а не только устанавливать связи между отдельными факторами этих явлений.

1.5.3. Онтологический потенциал ностальгии: аутентичность и непрерывность я во времени

К. Седикидес и его коллеги в своих ранних работах, посвященных связанности ностальгии и аутентичности, выделили два основных проявления взаимодействия самости и аффекта, которые, на их взгляд, формируют ностальгическое переживание: взаимодействуют настроение и сосредоточенное на себе внимание, настроение и представление о себе (Sedikides, 2006). Обращаясь к теоретическим работам, посвященным самоосознаванию, исследователи задаются вопросом об особенностях регулятивного процесса ностальгического переживания. Подчеркивается, что ностальгия одновременно является рефлексивной и социальной эмоцией; фокус внимания направлен как внутрь себя, так и вовне, за пределы внутреннего мира и настоящего момента. Способность к временному мышлению как способность одновременно проецировать себя в прошлое, настоящее и будущее помогает людям размышлять о своем прошлом, «извлекая» из него ностальгическое переживание.

Результаты эмпирических работ показывают связанность ностальгии с более высокой аутентичностью и меньшей внешней самофокусировкой: ностальгия открывает доступ к оцениванию своей подлинности – к тому, кем люди считают себя на самом деле. Внешние факторы, препятствующие

переживанию подлинного Я, выступают как препятствие для ностальгии, и тем самым усиливают ностальгию (Baldwin, Biernat, Landau, 2015).

Ностальгическое самоотнесение вызывается не только эмоциональными триггерами, но и сенсорными – зрительными, ольфакторными, слуховыми, осязательными факторами, мгновенно пробуждающими воспоминаемые образы себя и своей жизни. Исследователи также обратили внимание на отличие вызываемой сенсорными факторами самореферентной ностальгии от автобиографических воспоминаний и ностальгических неавтобиографических воспоминаний: ностальгия о себе характеризовалась более высоким уровнем положительных эмоций, самооценки, уверенности в себе, оптимизма, социальной связанности и смысла жизни, и даже большей терпимостью к вредному холоду (Reid et al., 2014; Sedikides, 2006; Zhou et al., 2012). Еще одно выявленное отличие ностальгии от других связанных конструкций также сопряжено с аутентичностью: ностальгия дифференцируется от позитивных воспоминаний и обычных автобиографических записей о прошлом за счет уникальной аффективной характеристики: в ностальгии присутствует чувство утраты, которое дает ощущение подлинности (Herper et al., 2012).

Исследуя связанность ностальгии с песнями (лирической ностальгии), К. Батчо приходит к выводу, что личная (самореферентная) ностальгия зависит не от того, насколько счастливыми, грустными, значимыми или понравившимися являются тексты песен, но от субъективного ощущения того, как песня подчеркивает влияние прошлого на идентичность. Результаты участников эксперимента, которые в большей степени ностальгировали по историческому прошлому, подобной связанности не показали; что, как отмечает ученый, соответствует более ранним исследованиям, выявившим связь исторической ностальгии с менее благоприятным мнением о человеческой природе, неудовлетворенностью настоящим, ощущению социальной разделенности. В личной ностальгии переживается имевший место опыт, который воспринимается как «вплетенный» в собственное Я и одновременно как помощь в развитии собственной уникальности и независимости. Таким образом переживание личной

ностальгии способствует временному континууму собственного Я, субъективной «живости» безвозвратного прошлого (Batcho et al., 2008).

Важным этапом в изучении ностальгии представляется обращение к теме утраты непрерывности сознания Я, разрыва индивидом своей нынешней личной идентичности с прошлой идентичностью или прерывание, вызванное внешними обстоятельствами. Ностальгия – ресурс, который отчасти срабатывает как реакция на прерывание самовосприятия (self-discontinuity) и одновременно является источником непрерывности Я (self-continuity). По сравнению с обычными автобиографическими воспоминаниями, она усиливает самосохранение и самоподдержку. Негативные жизненные события, прерывающие самовосприятие, вызывают ностальгию, которая, в свою очередь, запускает механизм психологической саморегуляции (Sedikides et al., 2015). Вызываемое ностальгией чувство непрерывности Я, в свою очередь, обеспечивает эвдемоническое благополучие, операционализируемое как субъективная жизнеспособность (ощущение жизненности и энергии) (Sedikides et al., 2016); авторы данного исследования в очередной раз обращают на особенность ностальгии как саморегулирующейся системы.

Также ностальгия способствует глобальной непрерывности Я (global self-continuity), целостному восприятию, в котором прошлое настоящее и будущее Я взаимосвязаны. В основе когнитивного механизма этого воздействия лежит целостное мышление и интерактивная причинность (множество причин взаимодействуют друг с другом, влияя на поведение объекта) (Hong, Sedikides, Wildschut, 2020). Более того, ностальгическое переживание способно создавать не только личный континуум, но и континуум между поколениями. В результате эксперимента, в котором молодые люди читали ностальгические тексты, написанные пожилыми людьми, их собственная ностальгия увеличилась, и также выросли показатели социальной связанности, длительности собственного Я, смысла (Wildschut, Sedikides, Robertson, 2018).

Воздействуя на восприятие человеком себя во времени, ностальгия оказывается поддерживающим переживанием при переходе с одного возрастного

этапа на другой (Hepper et al., 2021). Ностальгия смягчает ощущение предельности времени; исследователи приходят к выводу, что человеческая способность переживать ностальгию может снизить тревогу и страх, связанный с ограниченностью временного горизонта жизни и обеспечить одну из стратегий в психологическом инструментарии людей для содействия успешному старению, включая буферизацию сознания собственной смертности. Серия экспериментов, в которых сравнивались результаты участников с рассеянным склерозом и участников контрольной группы, подтвердила предположение о том, что ностальгия смягчает экзистенциальную угрозу – страх утраты идентичности и страх собственной смерти. Участники с рассеянным склерозом при низком уровне склонности к ностальгии демонстрировали более высокие, чем в контрольной группе, показатели страха, вызываемого сознанием собственной смертности (Juhl et al., 2010). С одной стороны, когнитивная способность мыслить себя во времени, связывать прошлое, настоящее и будущее, создает потенциал для изнуряющей тревоги, связанной с грозящим ужасом собственной смерти. С другой стороны, эта способность несет в себе потенциал для того, чтобы сохранять спокойствие, задействовать психологические механизмы, которые смягчают страх смерти, наполняют жизнь порядком и смыслом; к таким механизмам авторы исследования относят и ностальгические переживания.

В данном исследовании обращает на себя внимание эстетический аспект благотворного воздействия ностальгии (в противовес деструктивному воздействию воспоминания и воображения физиологических, «реалистичных» сцен, связанных с болезнью и смертью); эстетический аспект ностальгии анализируется в работе Дж. Фунчиона, где он в частности размышляет о значении эстетики окружающей природной среды для того, чтобы воспоминания стало ностальгическими воспоминаниями о родном доме и о себе (Funchion, 2008). Исследование переживания благоговения (переживания, зачастую связанного с созерцанием природы, ее красоты и величия), как вызова, который требует выхода за рамки сложившихся когнитивных структур индивидуума, самотранценденции, показало, что благоговение стимулирует стремление к

подлинному Я. Несмотря на то, что благоговение способствовало оцениванию респондентом себя как маленького и незначительного, одновременно оно способствовало подлинному стремлению к себе (Jiang, 2021).

Ученые отмечают, что аутентичность, связанность Я во времени как продукты ностальгического переживания требуют обращения к качественной методологии, прежде всего к феноменологическому подходу (Sedikides et al., 2019). Качественные методы, прежде всего качественный контент-анализ текстов все чаще присутствуют в методологическом арсенале исследователей ностальгии наряду с тестами и экспериментами, повышая научную ценность текстуальных данных, содержащих описание ностальгического опыта. Представляется значимой проведенная в исследовательских работах дифференциация автобиографических и ностальгических воспоминаний. В то же время не проведено различие между психологическими целями, которые преследуются в мифологизации автобиографических воспоминаний и ностальгических воспоминаний; на наш взгляд, далеко не каждое ностальгическое переживание, следуя интенции совладания, задается целью создания целостного мифа, завершенных образов прошлого, родины, дома. Работа ностальгического переживания не ограничивается обращением к прошлому; фактически, это философское настроение, устремленное в будущее, которое в той или иной степени интенсивности сопровождает человека всю его жизнь. «Туда, к бытию в целом, тянет нас в нашей ностальгии. Наше бытие есть это притяжение... Но «нас тянет» – это значит нас одновременно неким образом что-то тащит назад» (Хайдеггер, 2013, с. 29).

Особое восприятие времени, характерное для ностальгии, неоднократно представлено в психологических исследованиях, тем самым подтверждая идею философа Сильвианы Агачински о том, что время ностальгии (многомерное) и время современности (воспринимаемое как линейное) онтологически разнятся и даже выступают как противоположности. В контексте этой идеи дифференциация, связанная с рассмотрением личной и исторической (социальной) ностальгии как особых форм ностальгии, представляется спорной

для мыслителей, подчеркивающих историчность и целостность сознания человека (Funchion, 2008). Размышления в этом направлении имеют место в смежных областях гуманитарного знания (социологии, философии, литературоведении), однако, могут быть продуктивными и для психологической науки. Прежде всего это касается вопроса о том, требует ли «успешная» работа ностальгического переживания сосредоточения на личностном переживании, отделения от исторической/социальной ностальгии, или напротив, эта работа подхватывает (или должна подхватывать) психологическое содержание непережитого в непосредственном опыте, и тем не менее, присутствующего в психологическом мире личности.

1.5.4. Экзистенциальная направленность работы ностальгического переживания

Современные эмпирические исследования, раскрывая богатый ресурсный спектр ностальгии в контексте совладания с негативными чувствами, жизненными трудностями и задачами, не часто обращаются к экзистенциальной направленности ностальгического переживания напрямую, тем не менее тематика бытийного уровня отчетливо проступает во многих исследовательских работах через темы аутентичности, временности, одиночества, смерти, жизненного смысла.

Экзистенциальная функция ностальгического переживания представлена в работах исследовательской группы К. Седикидеса как одна из четырех главных функций: ностальгия не только вызывает позитивные чувства и переживания, поддерживает и увеличивает самоуважение и самооценку, укрепляет социальные связи, но также уменьшает экзистенциальную тревогу и наполняет жизнь смыслом (Sedikides et al., 2008). С недавних пор исследователи начали рассматривать ностальгию как более широкий экзистенциальный ресурс, который не только помогает людям справиться с проблемами смертности, но и помогает им в целом в усилиях по достижению и сохранению чувства смысла жизни. Ностальгия усиливает чувство смысла жизни (Routledge, Arndt, 2005; Sedikides et

al., 2006). Исследование динамической связи между ностальгией и смыслом жизни выявило их достоверную корреляцию (Routledge et al., 2011; Routledge et al., 2012).

По мнению отечественных исследователей, тот факт, что переживание ностальгии становится более частым и обнаруживает новые грани, свидетельствует о неудовлетворенности людей текущей жизнью, о жизненных кризисах, связанных с неспособностью и нежеланием их вписываться в новые социально-экономические и культурные траектории развития общества (Сапогова, 2019; Абрамов, 2012).

Ностальгия «разрушает» связь между низким уровнем ощущения жизненного смысла и снижением витальности, к которому обычно приводит дефицит смысла, и становится ресурсом жизненной силы (Routledge et al., 2013). Однако, ностальгия в психологическом плане – не просто эмоция, вызванная ностальгическим воспоминанием, или эмоциональное состояние. Ностальгия в своей целостности – это переживание, которое разворачивается во времени, воздействие ностальгии может зависеть от когнитивной оценки, которая направляет чувства и мысли, возникающие во время ностальгического эпизода. (Bacho, 2020). По своим характеристикам ностальгия – это переживание, которое соответствует двум видам переживания у С.Л. Рубинштейна (и позднее у Ф.Е. Василюка): переживание как аффект и переживание как деятельность (Рубинштейн, 2020; Василюк, 1984). Ностальгическое переживание способствует опыту осмысленного и ценного существования, ностальгия способна привести в жизнь человека ощущение непреходящего смысла. Благодаря ностальгии течение времени, где прошлое позитивно взаимосвязано с настоящим и будущим, воспринимается как имеющее направленность, что выравнивает экзистенциальное восприятие, утешает, укрепляет значимость связанности жизненного опыта. Парадоксальным образом глубокие теоретические исследования ностальгии как экзистенциального переживания не спешат отдать должное ностальгии как переживанию, которое благотворно само по себе. Как правило они сфокусированы на клинических случаях и задействуют старинное клиническое

представление о ностальгии как о состоянии, требующем преодоления; процесс обретения смысла лежит не внутри ностальгического переживания, он встроен в работу по преодолению ностальгии.

А. Б. Фенько, опираясь на концепцию переживания Ф. Е. Василюка и культурно-историческую теорию Л. С. Выготского, рассматривает конструктивную внутреннюю работу ностальгического переживания как направленную на восстановление непрерывности личной истории и целостности. По мнению исследователя, возникновение ностальгии обусловлено разрывом первичных уз, утратой единства с окружающей природной и социальной средой. Терапевтической задачей процесса ностальгического переживания выступает совладание с реальностью – осознание безвозвратности прошлого, примирение с судьбой, принятие своей жизни через создание цельных и завершенных образов Дома, Родины, Прошлого. Критерием «успешности» переживания является достижение равновесия между повседневной реальностью и реальностью мифа. Нарушение этого равновесия приводит либо к вытеснению из сознания текущей реальности, либо к игнорированию прошлого (Фенько, 1994). А. В. Зинченко подчеркивает иллюзорность ностальгического мироощущения и делает акцент на необходимости выхода за пределы ностальгического опыта к опыту самопознания (Зинченко, 2009). Для отечественных работ, посвященных психологии ностальгии, характерно подчеркивание социокультурных, моральных аспектов ностальгического переживания, рассмотрение ностальгического воспоминания как когнитивного «мифа». Отчетлив акцент на чувстве собственной недостаточности, неудовлетворяющим переживанием себя в настоящем, связанным с недостатком свободы мышления (Е. Е. Сапогова), которое преодолевается конструктивной работой ностальгического переживания (А. Б. Фенько) по переводу аффекта и убеждений в сознавание, знание (А. В. Зинченко), и требует в том числе моральной рефлексии (Е. В. Новиков).

С точки зрения Е. Е. Сапоговой, разрыв первичных и привычных связей с окружением – не единственная причина ностальгии. Подчеркивается ее роль в ревизии опыта и смыслоизвлечении, потребность в которых возникает при

переходе с одного жизненного этапа на другой, при принятии смысложизненных решений с необратимым итогом (Сапогова, 2019). Современные процессы урбанизации и технологизации, разрушение института большой семьи, консьюмеризм создают экзистенциальную угрозу, которая в первую очередь отражается в психологической проблематике аутентичности и идентичности, личностного становления. Ностальгия рассматривается как форма отражения (жизненные кризисы, отсутствие жизненного смысла, непринятие собственной идентичности, отсутствие жизненной перспективы) и сопротивления (потребность сохранить себя через отказ вписываться в социокультурные траектории развития общества, поиск подлинного Я).

Экзистенциальный уровень рассмотрения ностальгии – это прежде всего отношения человека с самим собой, ориентированные на самопонимание, самоинтерпретацию и самотрансценденцию (Там же). В плане переживания может иметь место и тоска по несбывшемуся Я, и устремленность к преодолению экзистенциальной неопределенности, стремление «максимально «высветить» и исполнить возможности своего бытия-в-мире» (Там же, с. 37).

В представленном обзоре обращает на себя внимание присутствие контекстуальных уровней, аналогичных тем, что были нами рассмотрены в обзоре исследований связанности с природой и социальной динамики «город-деревня». Ностальгия помогает преодолевать негативные эмоции и состояния (ситуационный контекст), укрепляет социальную связанность и поддерживает при переходе с одного жизненного этапа на другой (жизненный контекст), наполняет жизнь смыслом, способствуя непрерывности сознания Я во временном континууме, переживанию аутентичности (бытийный контекст). Тот факт, что ностальгия определяется в психологии как «переживание», и ее плотная связанность с такими конструктами как аутентичность/самость, жизненные этапы, экзистенциальная угроза, жизненный смысл, предполагает ее значимую роль в «обобщающем» конструкте – в жизненном мире человека.

1.6. Выводы по первой главе

Феноменология загородного, природного, сельского мира широко представлена в современных исследованиях, которые все чаще уделяют внимание смысловой, экзистенциальной реальности этих миров и могут включать в себя элементы анализа феноменов жизненного мира бывших горожан; данные и выводы таких исследований принципиально важны с учетом того, что целенаправленные психологические исследования загородной жизни как части жизненного мира современных горожан, исследования, ориентированные на бытийный контекст, не проводились.

Научные работы о связи человека с природой и социальной динамике «город – деревня» указывают на целесообразность обращения к бытийному контексту с учетом средового и социального контекста. В свою очередь обращение к жизненному миру дает возможность использовать открытия ученых в области психологии среды, психологии жизненного пути, интегрируя их в изучение смыслового уровня этого явления (Кретьева, 2021а), что способствует целостному пониманию феноменов, которые могут по-разному открывать себя на том или ином уровне. Такое целостное рассмотрение подразумевает и средовые аспекты, связь человека с природой, со своим домом и садом, и социальную проблематику, и смыслообразующее переживание, связанное с поиском своего пути и смысла своего бытия.

Многоуровневое рассмотрение – как чрезвычайно значимое для решения теоретических и практических задач психологии – применительно к своей предметной области аргументирует, в частности, и С. К. Нартова-Бочавер: «...обозначение и назначение некоторых реалий внешними или внутренними иногда препятствуют тому, чтобы оценить их вклад в контекст индивидуального бытия... Человек – это телесно-территориально-психо-экзистенциальная единица» (Нартова-Бочавер, 2008, с. 8-9).

Современная психологическая наука обладает весомым методологическим инструментарием для изучения жизненного мира человека, и в том числе

жизненного мира бывших горожан; в отечественной психологии заложены основы как для изучения отношения смысловой структуры жизненного мира и связанности человека с природой, для исследования прототипичности опыта, который находит отражение в индивидуальных личностных смыслах. В то же время современные концепты жизненного мира в психологии фокусируются на личностной и социальной проблематике и редко учитывают смыслообразующую роль природной среды, оценивают значение опыта природы в жизни человека в конституировании смысловой структуры.

Многие эмпирические работы, посвященные благотворному воздействию природной среды на психологическое здоровье, обусловлены урбанистическими задачами планирования, строительства и благоустройства; для исследовательской позиции характерна близкая фокусировка, сосредоточенность на факторах и механизмах природной среды, компенсирующих негативное влияние городской среды. Городская среда имплицитно предстает как данность и необходимость, городской житель здесь изначально «лишен» субъектности, его психическими процессами «управляют», формируя условия, поддерживающие его жизнедеятельность в мегаполисе. Проблема субъектности встает на уровне субъектно-средовых исследований, где ученые задаются вопросами о влиянии средовых факторов на идентичность, моральные мотивы, ценности. Даже когда урбанистический запрос звучит не столь отчетливо, контекст исследований, теоретическая призма рассмотрения, терминология, выборки испытуемых формируются на «городском» материале, что не дает возможности получить знание о различиях между показателями приверженцев жизни в городе и загородных жителей и вызывает необходимость постановки такой исследовательской задачи. Проблематика субъектности и наемного труда в социологических исследованиях звучит более отчетливо, однако не рассматривается в связи с их психологическими коррелятами – аутентичностью и суверенностью.

Исследования среды как природно-психологического пространства нередко включают и социальную среду, и среду как пространство смыслов: намечается

цельная и взаимосвязанная картина, где природные факторы (восстановление внимания, значимые места и др.), социальные процессы (дезурбанизация, второй дом и пр.) вплетены в экзистенциальный поиск человека, в его жизненно-смысловую реальность. Результаты обзора и анализа эмпирических работ показывают, что изучаемые в психологии среды и в социальной психологии аутентичность и идентичность, субъектность и суверенность, внимание и воспоминания, событийность природе могут иметь особый семантический вес в жизненном мире бывших горожан. Признаком присутствия бытийного контекста в этих работах выступает обращение к качественной методологии, анализ текстуальных данных в эмпирических исследованиях, переход к которому востребован при изучении состояний, опыта, переживаний человека, смысловых конструкций. Несмотря на то, что феноменология загородной жизни широко представлена в современных исследованиях, она не тематизируется и не получает развернутого описания на уровне жизненных смыслов и работы переживания.

Наш обзор современных эмпирических исследований ностальгии задавался традиционной целью: составить общее представление о состоянии исследований и полученных результатов, обозначить тематическую направленность, тенденции в уточнении и переосмыслении понятия ностальгии, методологические предпочтения в ее исследовании; с учетом того, что в отечественной психологии мало работ, посвященных ностальгии, представляется особо актуальным проанализировать накопленное теоретическое и эмпирическое знание по этой теме. Но прежде всего мы решали задачу соотнесения эмпирических исследований, имеющих отношение к жизненному миру бывших горожан (связь с природой, динамика социальная «город-деревня»), и исследований ностальгии на уровне контекстуальной и тематической представленности: обращаются ли исследователи к схожим уровням психологической реальности и к схожим феноменам, задействуются ли для описания и объяснения одинаковые или близкие психологические конструкты.

В целом феноменологический паттерн ностальгического переживания и психологические конструкты, которые наиболее часто звучат в контексте

ностальгии – память, внимание, значимые места, аутентичность, стабильность и др., демонстрируют сходство с переживанием, характерным для жизненного мира бывших горожан. Тем удивительнее, что специалисты в области психологии ностальгии практически игнорируют их сходство, вероятное онтологическое родство, и не предпринимают попыток исследовать ностальгическое переживание в контексте загородного, природного, сельского мира; в ностальгических воспоминаниях прежде всего подчеркиваются роль значимых социальных отношений (связи со значимыми другими) вне средового контекста. Обратный интерес со стороны психологии среды, социальной психологии и социологии более заметен, также это касается психологии ландшафта и психологии маркетинга. Например, делаются попытки привлечь внимание к необходимости учитывать особенности ностальгического восприятия при ландшафтном планировании и развитии территорий (сохранение узнаваемости, привлечение в места, ассоциируемые с ностальгическими воспоминаниями) (Cole, 2015).

Традиционной остается проблема выборки; в большинстве исследований испытуемыми являются магистранты психологии, слабо представлены разновозрастные выборки, психологический мир сельских и загородных жителей традиционно не исследуется, нет данных, позволяющих оценить особенности ностальгического переживания у бывших горожан или сельских жителей.

Для современных исследований ностальгии характерно внимание к позитивному воздействию ностальгии на психологическое благополучие человека. В плане методологии исследований наблюдается смещение акцента с личностных черт на исследование динамических характеристик, в связи с чем исследователи отмечают значимость использования качественных методов в изучении ностальгии.

Результаты многих исследований указывают на гомеостатическую функцию ностальгии: негативный фактор продуцирует ностальгию, ностальгическое переживание снижает воздействие негативного фактора. Это в целом характерно для переживания и указывает на необходимость опираться не на принцип каузальности, но на принцип системности в изучении ностальгии.

Ностальгия – воспоминание о бытийности, незыблемости, которые не только онтологически близки опыту загородной жизни, переживанию природы; феноменология природного, сельского мира вписана в ностальгический опыт людей. Спектр исследований, посвященных ностальгии, позволяет отметить обращенность исследователей к различным уровням концептуализации контекста, в том числе к бытийному контексту. Богатство феноменологии ностальгии, представленное в исследованиях, указывает на онтологическое в ностальгии – на ее бытийность, трансвитальность, на психологическую потребность человека в незыблемости, черпаемой в воспоминаниях прошлого и полагаемым как основание будущего.

Образы окружающего мира в ностальгическом переживании вплетены в чувственную ткань ностальгических воспоминаний. Феноменологический паттерн ностальгического переживания и психологические конструкты, которые задействуются в изучении ностальгии (память, внимание, аутентичность и др.) указывают на онтологическое сходство ностальгии с переживанием, характерным для жизненного мира бывших горожан, однако, эта связь практически не исследуется.

Ностальгия оказывается связующим звеном между благотворным воздействием природного или загородного мира и опытом, состоянием подлинности, которое человек жаждет вернуть. Это дает основание рассматривать загородную жизнь бывших горожан и как свойственную ностальгии идеализацию и одновременно как доступную возможность возвращения аутентичности, а регулятивный характер связи с природой и ностальгического переживания как обеспечивающий доступ к смыслу, к переживанию осмысленной жизни и собственной подлинности.

С учетом вышеизложенного представляется необходимым, в качестве объекта исследования избрать феномен загородной жизни как части жизненного мира современных горожан и выстроить сравнительное и корреляционное исследование, выделив группы респондентов (выборки) в зависимости от их приверженности городской или загородной жизни, где приверженность

загородной жизни (бывшие горожане) предполагает связь с конституируемой личностью смысловой структурой.

Тематизация наиболее значимых смыслов в структуре жизненного мира бывших горожан, в которой, как мы предполагаем, аутентичность, ностальгия, суверенность, связь с природой и ряд других факторов имеют наибольший семантический вес, позволит выявить внутренние связи между смысловыми темами. Связь значимых или родных природных мест и аутентичности, ностальгического переживания и аутентичности, выявляемая в современных эмпирических исследованиях, дает основания поставить вопрос о существовании связи между значимыми природными местами и ностальгическим переживанием (казалось бы, очевидной, но не изучаемой и не подтвержденной в психологических исследованиях) и об аутентичности как о возможном основании такой связи. Таким образом, как предмет исследования мы выделяем ностальгические переживания в смысловой структуре жизненного мира бывших горожан и выдвигаем гипотезу о том, что смысловая структура жизненного мира бывших горожан прототипична и имеет общее содержание с ностальгическим переживанием; коррелятами переживания ностальгии в жизненном мире бывших горожан выступает опыт природы и загородной жизни, аутентичность личности.

ГЛАВА 2. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1 Методологические подходы, модель и эмпирическая база исследования

И для объекта, и предмета нашего исследования феноменолого-герменевтический подход является наиболее релевантным; работы специалистов, связанные и изучением жизненного мира и переживания, как правило выстроены в русле этого подхода, что обусловлено общей онтологией жизненного мира и качественных методов, применяемых в психологии и социологии (Бусыгина, 2015). Качественная методология располагает выверенным инструментарием для анализа и интерпретации получаемых качественных данных, верификации получаемых результатов. В то же время концептуальная сложноустроенность предмета и объекта исследования, поставленные исследовательские задачи подразумевают сравнение показателей в выборках для выявления возможных различий, установление корреляционных связей и стало быть, обращение к сочетанию количественных и качественных «наводящему мосты» между различными областями психологического знания. Наш подход к исследованию опирается также и на принцип системности, позволяющий изучать взаимосвязи соположенных феноменов и давать им описание.

Принцип построения и логическая организация нашего исследования традиционны и предусматривают следующие стадии работы:

- 1) поисковые исследования: сбор и обработка данных методом статистического анализа и качественного контент-анализа для формирования дизайна и направленности основных исследований, подбора конкретных методов и методик;
- 2) обобщающие исследования смысловой структуры жизненного мира бывших горожан и исследование отдельного случая (case study) в русле феноменолого-герменевтического подхода;

- 3) сравнительное и корреляционное исследования ностальгии и аутентичности в группах респондентов с различным уровнем приверженности загородной жизни.

Поисковые исследования позволяют выдвинуть предположения о смысловой структуре жизненного мира бывших горожан – «отправные пункты» для качественного исследования текстуальных данных, и дают ориентиры для конкретизации показателей, которые предположительно будут различаться в группах респондентов. Заключительные исследования (выявление связей и различий) помимо решения собственных задач также направлены на верификацию выводов, полученных в качественном исследовании текстуальных данных.

Эмпирическая база исследования. Исследование базируется на двух *типах данных*, которые позволяют:

- сопоставлять показатели трех выборок респондентов: приверженцев городской жизни, бывших горожан и горожан, которые хотели бы переехать за город, но не планируют переезда (*статистические и текстуальные данные*, полученные в результате заполнения респондентами анкет);

- выделять и структурировать смысловые категории, давать насыщенное описание смыслам, конституирующим жизненный мир бывших горожан, проводить сравнительный исторический анализ (*текстуальные данные*, отобранные из литературных источников и самоотчетов современников).

Общие сведения о респондентах. Опросы проводились в социальных сетях. Приглашение принять участие в исследовании и ссылка на анкету размещались в группах, позволяющих получить ответы от респондентов, принадлежащих к разным возрастным группам и, что особенно важно, получить сбалансированные выборки, включающие как приверженцев городской жизни, так и тех, кто отдает предпочтение загородной жизни (группы дачников, садоводов, переехавших жить в деревню и т.д.). Значимой для задач исследования также была добровольность, безвозмездность и мотивированность участия в опросе – готовность откликнуться, поделиться своим отношением к теме

исследования, идентифицировать себя с той или иной группой респондентов; 68% респондентов оставили свои электронные адреса для получения кратких результатов исследования, что позволяет предполагать их интерес к теме исследования, эмоциональный отклик на вопросы анкеты. Общие сведения о респондентах включали следующие данные: пол, возрастная группа, место проживания, отношение к городской/загородной жизни. Предлагалось четыре варианта ответа для формирования основных выборок:

1) *Я настоящий городской житель. Я могу наслаждаться загородным отдыхом, красотой природы, но это не повод уехать из города навсегда. В городской жизни для меня много ценного и важного.* (Приверженцы жизни в мегаполисе).

2) *Я живу в городе, хотя городская жизнь все больше мне не нравится. Меня привлекает жизнь за городом: в деревне, на даче и пр. Быть может, когда-нибудь я перееду за город или в деревню – пока не планирую.*

3) *Я родился и\или прожил в городе много лет – провёл здесь годы юности, середины жизни. Возможно, когда-то мне нравилась городская жизнь, но не теперь. Я переехал жить за город\ в сельскую местность либо готовлюсь к такому переезду.* (Приверженцы загородной жизни).

4) *Я живу в сельской местности и у меня нет многолетнего опыта городской жизни.* (Эта выборка как крайне малочисленная была исключена из анализа данных).

Сравнение показателей приверженцев городской и загородной жизни было направлено на выявление различий в тематическом содержании наиболее значимых ностальгических воспоминаний, аутентичности, суверенности, благоговения, которые, как предполагалось, имеют важное характеризующее значение в смысловой структуре жизненного мира бывших горожан, а также возможных различий в смысло-жизненных ориентациях и уровне субъективного благополучия. Сравнение показателей приверженцев загородной жизни и тех, кто любит загород, но не планирует переезд, было направлено на выявление показателей, где сходство или различия позволяют сделать выводы о том, какие

особенности личностного опыта, переживания, самовосприятия могут корреспондировать с отсутствием решимости, готовности откликнуться на «зов бытия» (Хайдеггер) и перебраться жить за город – о недостаточной смысловой значимости загородной жизни для этой группы респондентов.

2.2 Обоснование используемых методов и методик

2.2.1 Методы и методики психологических измерений и анализа данных

Критерием подбора релевантных опросников и тестов для исследования являются факторы, характеризующие предмет и объект исследования: жизненно-смысловую сферу, ностальгические воспоминания, аутентичность и др. Анализ выявляемых различий в выборках и корреляций позволяет соотносить полученные данные с результатами качественного анализа, направленного на выявление смысловой структуры жизненного мира бывших горожан и ее внутренних связей.

«Тест смысло-жизненных ориентаций» (ТСЖО) Д. А. Леонтьева (адаптированная методика *Purpose-in-Life Test (PIL)* Дж. Крамбо и Л. Махолика, разработанный на основании теории стремления к смыслу В. Франкла) является традиционным для оценивания смысловой сферы респондентов. Оценивается целенаправленность, процесс жизни, удовлетворенность самореализацией, локус контроля-Я, управляемость жизни (Леонтьев, 2000).

Краткая шкала диагностики субъективного благополучия Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева: «Шкала удовлетворенности жизнью» (ШУЖ) и «Шкала субъективного счастья» (ШСС) (адаптированные *Subjective Happiness Scale* С. Любомирски и *Satisfaction with Life Scale* Э. Динера) позволяют измерить уровень «жизненности» в жизненно-смысловой реальности респондентов (Осин, Леонтьев, 2020).

Тест смысло-жизненных ориентаций и Краткая шкала диагностики субъективного благополучия использовались для выявления различий между выборками респондентов, выявления возможной связи избираемого горожанином

образа жизни (жизнь в городе или переезд в сельскую местность) с тем, в какой степени респондент удовлетворен своей жизнью, считает ее осмысленной и управляемой, счастливой.

Опросник по ностальгии представляет модифицированный нами опросник К. Батчо (*Nostalgia Inventory*), который широко используется в эмпирических исследованиях ностальгии. Оценивается уровень значимости и интенсивности ностальгических воспоминаний. Вопросы теста обращены к тематическому содержанию ностальгических воспоминаний и семантически просты, что предполагает легкость понимания и однозначную интерпретацию респондентами (Batcho, 1995). С помощью опросника выявлялось, какие темы ностальгических воспоминаний наиболее значимы в каждой из выборок, устанавливалось, существует ли связь между избираемым образом жизни и значимыми ностальгическими воспоминаниями, анализировалась возрастная динамика тематического содержания значимых ностальгических воспоминаний.

«*Шкала аутентичности*» С. К. Нартовой-Бочавер (адаптированная методика *Authenticity Scale* А. М. Вуда) применяется для оценивания диспозициональной аутентичности, что позволяет составить представление о способности человека быть самим собой и противостоять внешнему влиянию. Опросник включает шкалы «Аутентичная жизнь», «Подверженность внешнему влиянию», «Самоотчуждение» (Нартова-Бочавер, Ирхин, Резниченко, 2020). Методика применялась для сравнения уровней диспозициональной аутентичности в выборках, их корреляции с темами значимых ностальгических воспоминаний и другими показателями.

Дополнительно для решения поисковых задач либо с целью получения исходных или дополнительных статистических данных использовались следующие методики, фрагменты методик или их концептуальные основания:

Шкала аутентичности в отношениях и множественных контекстах (*Authenticity in Relationships Scale–Multiple Contexts (AIRS-MC)*) – модификация методики *Authenticity in Relationships Scale*) (Lopez, Rice, 2006) (Robinson et al., 2013) оценивает аутентичность в контексте отношений. Вопросы методики

использовались для выявления возможной связи между приверженностью жизни за городом или в городе и «реляционным модусом» переживания аутентичности.

Тест *Dispositional Awe Subscale* из опросника *Dispositional Positive Emotions Scale* (Shiota, Keltner, John, 2006; Jiang, Sedikides, 2021), измеряет интенсивность переживания благоговения в соотнесении со способностью и необходимостью следовать подлинному Я.

Шкала ностальгии Southampton Nostalgia Scale (SNS) (Barrett et al., 2010; Routledge et al., 2008) учитывалась при подборе метода исследования ностальгического переживания у респондентов.

Методика *Self-Continuity items* К. Седикидеса (Sedikides et al., 2015), направленная на оценку непрерывности самовосприятия во времени, и модифицированный тест *Self-continuity Scale*, устанавливающий степень связанности с прошлым или будущим в контексте непрерывности самовосприятия (Callizo-Romero, 2022; Ersner-Hershfield, 2009; Rutt, Löckenhoff, 2016) применялись для анализа связи между переездом за город и непрерывностью самовосприятия.

Опросник «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер (Нартова-Бочавер, 2005) учитывался при подборе метода исследования суверенности у респондентов.

Пилотажные и дополнительные исследования включали тематические опросники «Ценности загородной жизни», «Убеждения о перспективности и комфорте загородной и городской жизни», «Опыт и смыслы загородной жизни», «Мнение респондентов о степени своей актуализации/самоактуализации», «Суверенность респондентов», составленные нами с целью выявления факторов, предположительно определяющих ценности и смыслы жизненного мира бывших горожан.

Способом обработки полученных данных являлись методы математико-статистического анализа; использовалась программа SPSS Statistics 17.0. Достоверность полученных результатов обеспечивается использованием адекватных задачам взаимодополняющих методов, репрезентативностью

выборок, проверкой полученных данных с помощью статистических процедур (уровень значимости в интервале от $p < 0,05$ до $p < 0,001$), сравнением полученных результатов с результатами, полученными в эмпирических работах других авторов.

При статистической обработке данных применялись методы:

непараметрический критерий Манна-Уитни (U), выявление различий между двумя выборками по уровню исследуемого признака;

непараметрический критерий Краскелла-Уоллиса (H), сравнение нескольких выборок по уровню исследуемого признака;

альфа Кронбаха (α), оценка внутренней согласованности субшкал;

коэффициент корреляции Спирмена (R_s), наличие корреляционной связи между исследуемыми признаками;

сравнение средних, описательная статистика исследуемых переменных в выборках (средние значения, медиана).

2.2.2 Методы и методики качественного описания и интерпретации – релевантные методы исследования жизненного мира и переживания

В методологии качественных исследований феноменологический подход и феноменолого-герменевтический анализ текстов (самоописаний, художественных текстов, дневников, расшифровок интервью и пр.) рассматриваются как релевантный способ исследования жизненного мира, его ключевых смыслов (Улановский, 2016). Количественный контент-анализ, который из-за возможностей квантификации данных часто используется для анализа текстов, не соответствует задачам нашего исследования: этот метод анализа данных не позволяет учитывать контекст, выявлять имплицитные смыслы, которые может скрывать социально и культурно обусловленная речь автора, а квантификация требует упрощения в понимании содержания (Бусыгина, 2013).

Феноменологическая установка подразумевает понимание, «идущее из живого опыта чтения» (Бусыгина, 2009в, с. 55). Эта установка предполагает внимательное прочтение, редукцию, фокусировку на переживании, рефлексии,

повторные обращения к тексту с целью целостного видения смыслов, обыденный язык в описании.

Организация исследования: планирование, отбор данных, анализ, интерпретация, валидизация, описание полученных результатов, соответствовали применяемым методам качественного исследования (Бусыгина, 2015; Мельникова, Хорошилов, 2015).

Процедурно-техническая сторона, прaxis феноменологического метода и качественного контент-анализа опирается на следующую последовательность:

- 1) прочтение отобранных текстовых фрагментов, фиксация общего впечатления, выдвижение гипотез;
- 2) выделение смысловых единиц (с учетом направленности исследования);
- 3) «конденсация смысла» выделенных единиц;
- 4) выделение и обозначение категорий (в контексте соотнесения со всем исследуемым текстовым материалом);
- 5) целостное концептуальное описание предмета исследования, включающее феномены, внутренние связи, динамику и т.д.

Для анализа данных использовались следующие методы:

Рефлексивный тематический анализ (Terry et al., 2017; Braun, Clarke, 2021) – выделение смысловых тем через «укрупнение» результатов качественного контент-анализа, выявление центральных тенденций или смысловых паттернов содержания), их группировка и визуализация в виде сети, описание каждой темы, выявление и описание тематической вариативности, целостное концептуальное описание предмета исследования. Метод использовался для выявления ключевых тем смысловой структуры жизненного мира бывших горожан.

Метод анализа случая (Бусыгина, 2009а; Харламенкова, 2010) – феноменолого-герменевтический анализ жизненного мира личности, включающий концептуализацию выявленных феноменов и процессов в координатах «явление – сущность», учитывающий доступные контекстуальные данные на этапе интерпретации. Метод применялся для изучения феноменов жизненного мира бывших горожан на примере двух развернутых во времени (от

решения о переезде до основательного обустройства за городом) самоотчетов индивидов.

Феноменолого-герменевтический анализ (Бусыгина, 2009б; Giorgi, Giorgi, 2008; Van Manen, 2021): этап аналитического отбора подразумевает «наращивание» отражающих исследуемый феномен данных до «смысловой насыщенности», этапы анализа – последовательность феноменологического и интерпретативного модусов понимания. Метод использовался как аналитический инструмент для отбора материала для исследования, а также для описания и интерпретации полученных результатов.

Экзистенциально-герменевтический анализ (Willig, 2012; Willig, Billin, 2011) – выявление модусов переживания (например, модус социальной значимости и модус подлинности жизни), в том числе экзистенциального модуса в текстовых данных, их интерпретация. Анализ применялся в работе с отдельными случаями для изучения экзистенциальной направленности переживания, сопряженного с опытом загородной жизни.

Историко-психологический метод, направленный на выявление сохранности и вариативности ключевых смыслов в текстуальных данных и смысловой структуры исследуемого жизненного мира. Схема анализа была разработана и применена нами в рамках поставленных исследовательских задач. Текстуальные данные были распределены по группам в хронологическом порядке, была составлена таблица, где фиксировались присутствие или отсутствие выявленных ключевых смыслов и смысловых категорий в тот или иной период времени, и анализировалась степень их устойчивости и вариативность. Отдельно, в русле тематического анализа, анализировалась устойчивость – изменчивость (прототипичность) тем смысловой структуры жизненного мира, их вариативность.

Все исследовательские процедуры в своем построении учитывали *критерии валидизации и качества исследования* (Мельникова, Хорошилов, 2015). Концептуальная рамка для категоризации задавалась темой исследования и исследовательским вопросом; выделенные категории повторно сверялись с

исходными данными. План исследовательской работы учитывал следующие, традиционные для качественных исследований стратегии валидации: экспертную и коллегиальную сверку-обсуждение полученных данных, триангуляцию, анализ негативных случаев. На этапе качественного контент-анализа к работе привлекались эксперты, обладающие соответствующей квалификацией и опытом (филологи – кандидаты наук, литературоведы). Триангуляция процедурно совпадала с историко-психологическим анализом, в рамках которого результаты тематического анализа текстуальных данных современников подтверждали данные, полученные в исследовании текстов XVII-XIX веков.

Выводы, подразумевающие *обобщение* – распространение результатов исследований жизненного мира, полученных на отобранном эмпирическом материале и в исследовании случаев, опирались на методологию обобщения в качественных исследованиях и исследованиях случая, пояснение которой было дано нами в первой главе.

Общие сведения о материалах исследований. Основанием отбора текстовых фрагментов для качественных исследований являлось наличие описания переживания загородной жизни и природы в тексте автора, смысловая значимость этого переживания для автора (или его героя), смысловая значимость опыта загородной жизни, бытийный, онтологический фокус или контекст описания.

Отбирались тексты, в которых загородная жизнь, сад, природа не являются лишь фоном, «декорациями» для рассказа или сюжета, а сопряжены переживанию и опыту рассказчика, его мироощущению, составляют с ними целое. Фрагменты текстов могли значительно различаться по объему: выбор определяла значимость содержания фрагмента в контексте всего анализируемого материала, а не объемность и подробность описания в рамках одного фрагмента текста.

Источником данных о переживаниях загородных жителей были выбраны заметки современников в соцсетях; потребность изложения авторами своего

опыта, значимых смыслов, процесс его осмысления при написании текста, обращенность к читателям соответствовали замыслу исследования.

Для выявления смысловой структуры жизненного мира и исследования ее исторической устойчивости и прототипичности были фрагменты текстов, содержащие описание переживания, связанного с природой и загородной жизнью (176 фрагментов литературных текстов XVII-XX веков, написанных 28 авторами, общим объемом 10,1 авторского листа; 87 фрагментов заметок в соцсетях периода 2018-2020 гг., написанных 45 авторами, общим объемом 2,8 авторского листа), а также о переживании эпидемии в контексте городского и загородного мира (71 фрагмент, написанных 24 авторами – приверженцами городской и загородной жизни, общим объемом 5,1 авторского листа).

Для исследования отдельных случаев были отобраны фрагменты автобиографического произведения XVII века и фрагменты современных записей бывшего горожанина, переехавшего в деревню на постоянное жительство.

2.3 Дизайн исследования

В соответствии с общей моделью исследования была выстроена последовательность эмпирических исследований, ориентированных на решение поставленных задач.

2.3.1 Поисковые исследования

Поисковые опросы в соцсетях

Цель опросов: получить данные о возможной семантической направленности смысловой структуры жизненного мира бывших горожан, разработать анкету для пилотажного исследования.

Пилотажный опрос «Жители мегаполиса и загородная жизнь: интерес, опыт, смыслы»

Задачи исследования: выявить, какие аспекты опыта загородной жизни определяются респондентами как значимые. Выделить смыслы, связанные с

загородной жизнью – ее «смысловые факторы», установить уровень их корреляции друг с другом. Выявить различия между группами респондентов в зависимости от желания и готовности жить за городом постоянно. С учетом полученных результатов разработать дизайн основных исследований.

2.3.2 Обобщающие исследования смысловой структуры жизненного мира бывших горожан

Общая структура исследования представлена в таблице 1.

Таблица 1. Структура и методы исследования смысловой структуры жизненного мира бывших горожан

Отбор текстуальных данных для исследования Качественный контент-анализ	
Тематический анализ литературных текстов XVII-XX вв.	Изучение случая (на материале автобиографии А. Болотова, XVII в.)
Тематический анализ тестов современников (самоотчеты в соцсетях, 2018-2020 гг.)	Изучение случая (на материале самоотчетов бывшего горожанина, 2019-2020 гг.)
Психолого-исторический анализ: устойчивость/изменчивость смысловой структуры жизненного мира	Экзистенциально-герменевтический анализ переживания

На предварительном этапе исследования отбирались авторские тексты, где предположительно мог быть отражен личностный опыт загородной жизни и связанные с ним переживания, выстраивался дизайн исследования, формулировались исследовательские вопросы.

На основном этапе сначала был проведен анализ фрагментов литературных текстов XVIII-XX веков и изучение отдельного случая на историческом автобиографическом материале, а затем аналогичным образом были изучены отобранные фрагменты самоотчетов современников (2018-2020 гг.) и проведен анализ случая на современном материале. Обобщающая стадия этапа включала сопоставление полученных данных, общий анализ выявленной смысловой

структуры жизненного мира бывших горожан и анализ отдельных феноменов. Исследование было направлено на решение следующих эмпирических задач:

- выявить особенности жизненного мира горожан, в котором жизнь за городом и связь с природой имеют смысловую интенциональность, выделить и описать ключевые смысловые темы этого мира, изучить связи между ними и степень исторической устойчивости;

- на основе релевантной объекту исследования методологии анализа переживания и жизненных смыслов разработать подход к обобщению качественных данных, выявляющий смысловую структуру жизненного мира бывших горожан и ее историческую устойчивость.

Анализ отдельных случаев был направлен как на верификацию и уточнение полученных результатов, так и для решения отдельной эмпирической задачи:

- исследовать особенности ностальгических воспоминаний загородных жителей, выявить содержание и функции ностальгии в смысловой структуре жизненного мира бывших горожан, значимость опыта загородной жизни для ностальгических воспоминаний, феномен передачи переживания другому человеку через актуализацию ностальгии.

2.3.3 Сравнительное и корреляционное исследования ностальгии и аутентичности в группах респондентов с различным уровнем приверженности загородной жизни

В исследованиях решались следующие эмпирические задачи:

- установить, как различается содержание значимых ностальгических воспоминаний горожан в зависимости от их приверженности загородной или городской жизни и от возраста, какие образы их конституируют;

- установить, как соотносится содержание значимых ностальгических воспоминаний бывших горожан с аутентичностью и иными коррелятами ностальгии.

В исследовании «Ностальгическое переживание, суверенность и удовлетворенность жизнью у приверженцев городской и загородной жизни» мы

задавались целью получить представление о том, какое значение в жизненном мире бывших горожан имеют ностальгические переживания, связанные с природой и загородной жизнью, выявить различия в тематическом содержании значимых ностальгических воспоминаний, показателей удовлетворенности жизнью, аспектов суверенности между выборками приверженцев городской и загородной жизни, выявить возрастные и иные тенденции в содержании значимых ностальгических воспоминаний.

Исследование «Ностальгическое переживание, аутентичность, благоговение, непрерывность самовосприятия у приверженцев городской и загородной жизни» было направлено на получение данных о сопряженности ностальгического переживания, аутентичности, благоговения у городских и загородных жителей, верификацию результатов предыдущего исследования, сравнение показателей аутентичности, благоговения, непрерывности самовосприятия в выборках, а также на выявление возрастных и иных тенденций в полученных результатах.

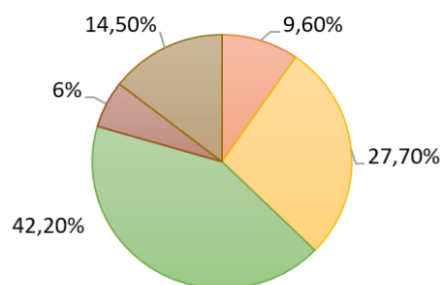
ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1 Поисковые исследования

С помощью *поисковых опросов в соцсетях* (N = 187) были получены данные о возможной семантической направленности смысловой структуры жизненного мира. Для экспликации смыслов, сопряженных с жизнью за городом, нами были размещены короткие опросники в сетевых сообществах, где участникам сообществ предлагалось ответить, чем для них важна загородная жизнь (сад, образ жизни и пр.). По итогам опроса была разработана анкета для *пилотажного исследования*, целью которого было получить данные о возможной связи между стремлением горожанина к загородной жизни и представлением о себе в мире, экзистенциальных и духовных переживаниях, жизненной устойчивости.

В пилотажном исследовании приняли участие 83 респондента (21 мужчина и 62 женщины, из которых 30,1 % отнесли себя возрастной группе от 30 до 45 лет и 60,2 % к группе от 45 до 65 лет; 6,0 % – старше 65 лет и 3,7 % младше 30 лет.

Рисунок 2. Группы респондентов по степени приверженности городской и загородной жизни (N = 83)

- Группа 1. Живу в большом городе, загородного/деревенского дома или дачи нет, жить за городом не хочу
- Группа 2. Живу в большом городе, охотно провожу время на даче или в загородном/деревенском доме, жить за городом не хочу
- Группа 3. Живу в большом городе; мечтаю, но не имею возможности жить за городом постоянно
- Группа 4. Живу за городом (в загородном/деревенском доме, на даче) постоянно, но, быть может, снова переберусь в город
- Группа 5. Живу за городом (в загородном/деревенском доме, на даче) постоянно, это избранный мною образ жизни

Респондентам было предложено соотнести себя с одной из групп по степени своего интереса и приверженности загородной жизни (Рис. 2). Вопросы анкеты были распределены по субшкалам – факторам, предположительно связанным с приверженностью жизни за городом. Показатель Альфа Кронбаха для субшкал варьировался следующим образом: «Духовность и Смысл» – 0,900; «Бытие собой» – 0,854; «Ностальгия» – 0,858; «Сад и Природа» – 0,850; «Обитель и покой» – 0,808; «Творчество и Энтузиазм» – 0,651; «Другие люди и Внешний мир» – 0,651 (Кретьева, 2020а).

Расчет коэффициента Спирмена выявил положительную корреляционную связь между значимыми смысловыми факторами загородной жизни (Табл. 2). При попарном сравнении второй и четвертой группы с пятой группой расчет критерия Манна-Уитни обнаружил статистически значимые различия между показателями субшкал в сравниваемых выборках (Табл. 3). Также результаты пилотажного исследования выявили статистически значимые различия в убеждениях о загородной жизни между приверженцами городской и загородной жизни.

Таблица 2. Корреляционная связь факторов загородной жизни

N=83	Бс	Н	ДС	СП	ТЭ	ОП	ДВм
Бытие собой	1	0,753**	0,856**	0,740**	0,857**	0,622**	0,673**
Ностальгия	0,753**	1	0,833**	0,902**	0,823**	0,788**	0,712**
Духовность и Смысл	0,856**	0,833**	1	0,900**	0,858**	0,845**	0,765**
Сад	0,740**	0,902**	0,900**	1	0,833**	0,899**	0,724**
Творчество/ Энтузиазм	0,857**	0,823**	0,858**	0,833**	1	0,732**	0,755**
Обитель и покой	0,622**	0,788**	0,845**	0,899**	0,732**	1	0,714**
Другие /Внешний мир	0,673**	0,712**	0,765**	0,724**	0,755**	0,714**	1

Бс – Бытие собой, Н – Ностальгия, ДС – Духовность и Смысл, СП – Сад и Природа, ТЭ – Творчество и Энтузиазм, О – Обитель и покой, ДВм – Другие люди и Внешний мир.

Примечание. ** – $p \leq 0,01$

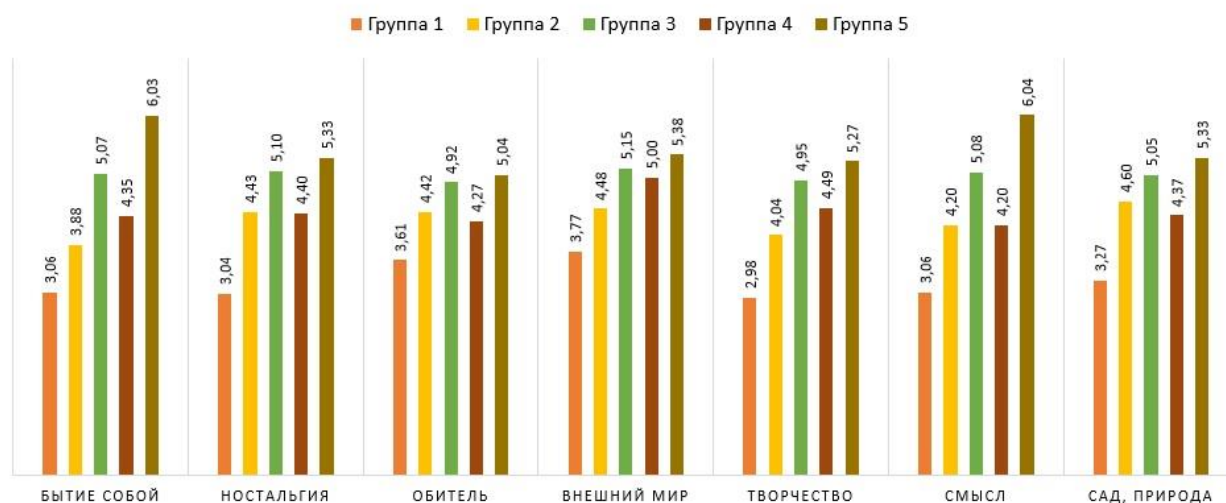
Таблица 3. Оценка различий показателей значимости факторов загородной жизни между группами

Сравнение групп:	Группы 2 и 5		Группы 4 и 5	
	U Манна-Уитни	p	U Манна-Уитни	p
Бытие собой	19,000	0,000**	3,500	0,005**
Ностальгия	77,000	0,034*	13,500	0,082
Обитель и покой	83,500	0,058	18,000	0,203
Другие люди и Внешний мир	70,000	0,018*	20,000	0,290
Творчество и Энтузиазм	46,000	0,001**	13,000	0,072
Духовность и Смысл	37,500	0,000**	5,500	0,010*
Сад и Природа	79,000	0,040*	15,500	0,154

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,005$

Среднее значение показателей по субшкалам было наименьшим в группе респондентов, которые не имеют дачи и не планируют переезжать за город, и росло в соответствии с уровнем интереса и приверженности загородной жизни (Рис. 3). При этом показатели группы 4 (живут за городом постоянно, но готовы вернуться в город) ниже, чем в группе 3 (горожане, которые хотят, но не имеют возможности перебраться за город, и приближаются к показателям группы 2 (приверженцы городской жизни, у которых есть дача или загородный дом).

Рисунок 3. Распределение средних значений в анализируемых выборках

Результаты сравнения показателей тематических субшкал позволяют предположить, что значимость загородной жизни для респондентов сопряжена с устройством их жизненного мира, в котором вопросы жизненного смысла, ностальгия, аутентичность, суверенность, включенность в пространство бытия – природу и сад, играют значимую, и возможно, основополагающую роль и связаны друг с другом. Результаты сравнения показателей приверженцев жизни за городом и тех, кто допускает свое возвращение в мегаполис, указывают, что приверженность загородной жизни связана со стремлением к аутентичности и с экзистенциальным переживанием.

Пилотажное исследование позволило получить «набросок» жизненного мира бывших горожан для планирования и формирования основного исследования его смысловой структуры, значения ностальгического переживания и его связи с другими коррелятами в этой структуре. В то же время был сделан вывод о необходимости переформулировать вопросы, определяющие формирование выборок, с учетом того, что приверженцы загородной жизни (группа 5) и те, кто живет за городом, но допускает свое возвращение в город (группа 4) имеют статистически значимые различия в оценивании смысловых факторов загородной жизни. Смыслообразующим пространством загородная жизнь является не для всех горожан, перебравшихся жить за город, а для тех, кто позиционирует свою приверженность загородной жизни.

3.2. Смысловая структура жизненного мира бывших горожан

Эмпирические гипотезы диссертационного исследования:

1. Жизненный мир горожан – приверженцев жизни за городом имеет уникальную смысловую структуру. Интенциональность этой структуры связана со стремлением быть собой, ностальгическими воспоминаниями, ощущением свободы и подлинности своей жизни. Смысловая структура жизненного мира бывших горожан консервативна: малоизменяема во времени.

2. Смыслообразующее переживание, сопряженное с опытом загородной жизни, может передаваться другому в нарративе через актуализацию связанных с природой ностальгических воспоминаний.

В психологии развита методологическая традиция исследовать и анализировать опыт, выраженный в авторском тексте. Художественные и автобиографические тексты, дневниковые записи, художественная литература, передающая мироощущение автора, создают доступную для исследования историческую ретроспективу. Такие данные «содержат очень важные интуиции, богатые и чуткие описания душевной жизни человека, которые могут указывать на специфические характеристики, компоненты, состав переживаний» (Улановский, 2016, с. 209). Писатели как правило – внимательные феноменологи, и в то же время обладают способностью, даром передавать опыт своих наблюдений, причем «строгим» образом: стремясь к точной, аккуратной передаче своего опыта. Это опыт наблюдений себя, окружающего мира, и более широкого мира, выходящего за рамки собственного.

В исследуемых нами текстах автор может выражать свое мировосприятие и миропонимание непосредственно, в автобиографическом или публицистическом материале, или опосредованно, в тексте классического художественного произведения, вплетая их в ткань авторского повествования. Для смыслообразующей работы переживания автора и соответственно, для целей данного исследования, не имеет значения, воскрешает ли автор пережитое от собственного имени или от имени своего героя. Герменевтический этап анализа текстуальных данных подразумевает в том числе контекстуальную чувствительность исследователя: внимание к возможным акцентам, искажениям, обусловленным историческим, социальным, ситуационным контекстом, личной жизненной историей автора (Мельникова, Хорошилов, 2013). Здесь «объективизации» данных способствует разнообразие собранного материала, образующее множественность случаев, которые в совокупности дают объемное представление об исследуемых феноменах (Бусыгина, 2009а). Но главной исследовательской задачей остается не объективная картина о фактах и событиях,

а картина внутреннего переживания, представление о жизненном мире, что включает помимо прочего субъективность автора.

В описаниях переживаний, связанных с загородной жизнью и природой, прослеживаются разные уровни контекста. Авторы художественного слова легко переходят с одного уровня на другой, что само по себе можно рассматривать как работу переживания, связывающую контекстуальные уровни (Кретьева, 2021б).

Различные уровни контекста видны и в текстах современников, где авторы делятся своим опытом загородной жизни. Современники нередко прибегают к художественным образам, чтобы выразить свое переживание – как если бы бытийный контекст требовал поэтичности языка. Для нашего исследования важно рассмотреть, зачем человек включает описание природы, связанные с ней переживания в свой текст, какую задачу переживания человек решает через описание опыта загородной или сельской жизни, какие смыслы открывают себя в таком описании.

Исследовательские вопросы, поставленные к тексту и направляющие исследование, были сформулированы следующим образом: «Если автор текста пишет о переживаниях и опыте, связанных с загородной жизнью и природой, то что собой представляют эти переживания и опыт? О чем они? С чем связаны? Каким образом выражена эта связь? Какое значение они имеют для автора, какие смыслы передают? Что собой представляет жизненный мир загородного жителя?» (Там же).

3.2.1 Предварительный этап исследования

На этом этапе мы просматривали художественные и автобиографические произведения, интервью с бывшими горожанами и статьи специалистов в СМИ, страницы бывших горожан в соцсетях, отбирали материалы, отражающие опыт загородной жизни, связанные с ней смыслы и переживания, оценивали представленность исследуемых психологических феноменов в выбранных текстах. Использовалось традиционное для качественных методов «наращивание» данных до необходимой степени насыщенности (Бусыгина, 2013,

Квале, 2003): привлечение нового материала в исследование опиралось на результаты категоризации, полученные при работе с предыдущим объемом отобранных текстов.

В процессе работы мы приняли решение не использовать в исследовании материалы СМИ и профессиональную публицистику, поскольку их интенциональность (Павлова, Гребенщикова, 2017) – например, задача обратить внимание на проблемы села и связанный с ней пересказ истории бывшего горожанина – может вступать в противоречие с нашими исследовательскими задачами. Такие тексты интенционально отличаются от текстов, произвольно созданных носителями опыта загородной жизни и содержащих описание *переживания личности*, что создает препятствие для описания и интерпретации данных в едином методологическом ключе.

Предварительный этап завершался повторным прочтением и отбором материала (фрагментов текста), отвечающего сформулированным критериям.

3.2.2 Анализ литературных текстов (литературные источники 1774 – 1985 гг.)

В результате исследовательской работы с текстами, передающими переживание горожанина, для которого загородная или сельская жизнь является смыслообразующим пространством, используя метод тематического анализа мы выделили следующие смысловые темы:

«При-бытие. Описание переживания, связанного с прибытием в родные места, домой, или на место, которое может стать родным домом. Ожидание встречи, которое автор наделяет особым, онтологическим смыслом: «преддверье подлинного бытия».

Окружающий мир как Другой, диалогичность. Окружающий мир – природа, дом, сад становятся Другим, который «обращается» к сущностному в человеке, ведет с ним «диалог».

Труд и образ жизни. Труд соответствует цикличности загородного образа жизни. Он вписан в бытие собой и со-бытие, размыкает рамки деятельности,

задаваемой онтическими целями. Важно отметить и суверенный, внутренне детерминируемый характер труда.

Созерцание и умиротворенность, забвение. Работа переживания близка работе созерцания. Исходный момент переживания-созерцания – внимание малому и всякому в природном мире, включая мельчайшие перемены в нем.

Со-бытие. Включенность в мир, со-бытийность явлениям природы, смене времен года дает ощущение подлинности бытия и жизненного пути, становится внутренним переживанием своей собственной бытийности.

Ностальгия. Онтологический опыт, прерывание которого вызывает тоску по утраченному. Обращают на себя внимание три модуса переживания, обусловленных исходной позицией обращения к ностальгическому переживанию, которые можно обозначить как ностальгия *обретения*, ностальгия *утраты* и ностальгия *бытия*.

Бытие собой. В онтологичности связанного с природой мира человек обретает самого себя. Опыт бытия собой в переживании может быть сопряжен с радостью свободы, непосредственностью, удовольствием уединения. Утрата себя переживается как выпадение из бытийности, встроенности в родной или ставший родным мир.

Становление. Опыт детских лет сопряжен с особенностями сельской, усадебной, загородной жизни и описывается, с одной стороны, в категориях «легкости бытия»: как опыт безмятежности, самодостаточности, а с другой – в категориях «развития»: авторы отмечают воспитание мужества и воображения, познавательный интерес, обретение самостоятельности.

Анти-город. Бегство в деревню – бегство из анти-города, из города, где бытие человека захвачено и подчинено чуждому, чуждому его бытийности.

Добросердие. Добросердие (это практически исчезнувшее из современного языка слово мы заимствовали из текстов Иммануила Зиедониса) атрибутируется людям старшего возраста и связывается с мудростью, прожитостью жизни, избавлением от наносного, «шелухи». Оно проявляется как «случайная» помощь в распознавании красоты и радости бытия, утешение» (Кретьева, 2021б).

В выделенных категориях обнаружилась смысловая взаимосвязанность. К примеру, сжатые смыслы, выстраивающие тему суверенности, соответствуют смысловому содержанию других тем: бытия собой (взаимообусловленность суверенности и бытия собой), становления, труда (свободный самостоятельный труд, доставляющий радость и удовлетворение), при-бытия, анти-города (Рис. 4). Суверенность присутствует и в теме событийности природе (событийность как ресурс суверенности, удовольствие уединения на природе как проявление суверенности и др.).

Мы также отметили, что переживание ностальгии в литературных текстах передается авторами не только в «житейских» терминах ностальгии как тоски по родным местам или как счастливые детские воспоминания о загородной/сельской жизни, но и через ностальгический модус личностной бытийности: переживания бытия собой, бытия в мире как тоски по себе настоящему, по подлинному бытию (Кротова, 2021б).

Рисунок 4. Тематическая сеть смысловой структуры жизненного мира

28 авторов XVII-XX вв.

19 авторов в соцсетях 2018-2020 гг.

3.2.3 Анализ самоотчетов в соцсетях (публикации 2018-2020 гг.)

Анализ текстов современников опирался на тематическую структуру, выявленную при анализе художественных и автобиографических текстов, с ней соотносились новые данные. В процессе работы было важным выявить как смысловую близость, совпадения, так и возможные отличия, вариации. При описании тем мы сосредотачивались на модификации смысловых паттернов и на новых смысловых тенденциях в текстах современников:

«При-бытие. За описанием поездки в деревню на отдых нередко стоит переживание прожитой и проживаемой жизни, переживание себя: «Путешествие в деревню, как путешествие к своим истокам, к себе самой, такой, какой хотелось бы себя видеть, но, к сожалению, никогда не будешь».

Прибытие может описываться и как окончательная остановка в контексте жизненно важного решения о себе и своей жизни. Новый мотив, который вырисовывается в текстах современников – значимость родового, семейного; переживание, связанное с посещением родных мест, память о которых – ностальгическое воспоминание – передана опосредовано, через воспоминания другого поколения:

«...недалеко от Ливен родился мой папа... Папа не помнил это место: семья в спешке сорвалась из родового гнезда, когда он был совсем маленьким. Грозило раскулачиванье... Мысли о том, что надо бы успеть на все запланированные встречи, еще роились в моей голове, когда Ливны появились на горизонте. И сердце мое - замерло. Мне показалось, что это самый красивый ландшафт русского Черноземья, который мне приходилось видеть... Это странное состояние - то ли души, то ли головного мозга... Понятно, что я ничего не могла помнить: я была здесь впервые. Но... - я вспоминала!».

Окружающий мир как Другой. Современники чаще выделяют опыт тишины, чем беседы, однако, и у современников мы видим присутствие окружающего мира в их жизни как Другого, общение с Ним: *«Внезапно по кронам сосен пронёсся слабый вздох. Лес ответил на мой вопрос. Печально побрела я дальше...».*

Манящая сила загородного бытия может восприниматься и как угроза возвращению к привычной городской целеустремленности: *«опасность...оказаться насекомым, пойманным янтарем и променявшим суетную временность на неожиданную вечность, облениться и уйти с ранее намеченной дороги».*

Нередко авторы обрисовывают свои отношения с садом в терминах заботы о живом существе, с которым надо находиться рядом, уделять внимание, отзываться на потребности, и которое «отвечает» взаимностью: *«Прислушиваешься к природе, чувствуешь, как все вокруг засыпает. Словно сидишь у кроватки ребенка и дышишь в такт его ровному спокойному дыханию», «...эти зелёные зверьки растут и радуются, угадывать, чего им хочется, и видеть, как они отвечают на заботу».*

И хотя во всех случаях диалогичность и опыт Другого весьма условны, «субъективны», тем не менее, они вызывают у автора потребность слушания, внимания и отклика – деятельного ответа, будь то внутренняя работа переживания или поступок, действие, совершаемое во внешнем мире.

Труд и образ жизни. Для современников характерны размышления о «вживании» в новый процесс труда, несвойственные их предшественникам; в работе переживания происходит осмысление самой сути деятельности, снижение притязаний, размышления о связи труда и жизни человека, о влиянии труда на отношения с другими людьми, на отношение к жизни – прежде всего в категориях принятия трудностей и непредсказуемости жизни.

«Было тяжело. Но сейчас совсем по-другому смотрю на все. Городские проблемы перестают существовать... Я никогда не боялась работы или труда. Тяжело было найти свой ритм или войти в деревенский стиль жизни. Здесь все неторопливо, а я всю жизнь бежала. Трудно было остановиться».

Авторы подчеркивают диссонанс между «работой для города» и трудом на своей земле. Работа для города – *«море энергии и привычка вечно бежать»*, действовать «здесь и сейчас». Работа в саду, на земле, в своем доме соответствует очевидной необходимости (что дает ощущение легкости, радости труда), а не

внешним требованиям, чужим ожиданиям. Важное человеку переживание смысла труда рождается не из опыта поставленной и достигнутой цели (мы видим, что авторы скорее сознают невозможность конечного результата), а из близости бытию, природе, себе, «настоящести» физического труда, прямой, очевидной связи между усилием в труде и тем, что получается. Созерцательность труда, особый род сонастраивающего внимания и погружения не только приносит умиротворение, но и настраивает на иное мировосприятие жизни, отношение к себе и другим людям: *«Прополка (как и любая работа с землей), это без сомнения, философское занятие, где тебя ждет успокоение, ясность мысли... Копаясь в грядках и в своей душе, я поняла, что совершенно ни на кого не держу обид, никому не завидую и не на кого не злюсь. Мало того, я не нашла причин в чем-то корить свою судьбу».*

Созерцание и умиротворенность, забвение. Тема созерцания и умиротворения тесно связана с темой труда и образа жизни – ее замедления, неспешности, тишины, особого ритма. Авторы отмечают неторопливость мысли, открытость произвольным размышлениям, смену фокуса внимания как то, что налаживает их жизнь, способствует устойчивости и помогает ощущать связь с бытием, со смыслом жизни.

«Косил газон – первый раз в сезоне. Любимое мое занятие. Совсем другой вид у поместья. Яблони в цвету. Мысли в таком пейзаже текут непринужденно, плавно. Мысли ни о чём – что и нужно человеку».

«Хожу недалеко. Созерцание, процесс фоновый и в тоже время главный. Внутри идёт новое осмысление... Пришла ясность и четкость».

Созерцание и «безмыслие» в тишине – сада, внешнего природного мира – внимание малому не утомляет и не надоедает: *«Вот смотрю за окно и вижу картину, которую видел тысячи раз: дорога, за дорогой лес, за лесом Ока, за Окой простор до горизонтом... И не надоедает. А ведь одно и то же».*

Ещё один ракурс созерцания в загородной жизни – совладание с негативными чувствами, их «рассеивание» в труде, окружающем мире, возникающее понимание, принятие: *«...тяжко на сердце. Было тяжело. Побродил*

по снежному лесу – рассеялось. Природа спасает», «Отпускает боль и приходит безмятежность, в которой нет ни прошлого, ни будущего».

Со-бытие. Перемены в окружающем мире, их последовательность, цикличность природы принимаются с интересом и удовлетворением:

«Погода меняется каждый день. Но все время какие-то позитивные изменения, то огурцы подросли, то помидоры пережили холода и жару, растут... ирис готов распуститься», «Интересно что к ледяному дождю удалось особенно во второй раз испытать полное принятие. Ну дождь. Ну промокло все. И ничего».

Вырисовываются и образы – природные явления, обладающей наибольшей силой воздействия. Закаты и прежде всего – звездное небо, как и в давние времена вызывают глубокое переживание бытия, экзистенциальное переживание.

Ловлю каждый день закат. Не могу удержаться, ловлю последние лучи. Сегодня пришлось взбежать на бугор, чтобы поймать».

«Небо вечером. Завораживает. И как я в городе без этого жила?».

В своей целостности, совокупности переживание, связанное со сменой дня и ночи, времен года, явлениями природы рождает у авторов ощущение подлинности бытия, «правильности» окружающего их мира, смысла собственной жизни.

«Закатывалось за горизонт солнце, и я думал: вот так и моя жизнь закатывается... Выступили робкие звёзды, а из-за ёлки и липы сверкнул обломок луны. И новая мысль: да никакой у меня не закат жизни!... Жить – тяжёлое, непростое занятие. И песни птиц, и заря, и звёзды, и луна, и стриженный газон поднимают меня, становится легко и просто».

«В чем прелесть Алевинской жизни? Все всегда на своих местах - сирень, козочки...».

Ностальгия. Ностальгическое переживание, некогда «вписанное» в загородный мир и приоткрываемое заново в нынешней жизни за городом, сцепляется с воспоминаниями детства как воспроизведение детского опыта

легкости, счастья, единения с природой, родного места, непринужденности и свободы:

«Вспоминается детство у бабушки. Тожe летний тёплый вечер. Сидим мы с ней на завалинке, о чём-то она мне рассказывает. Не помню, о чём. Помнятся только тогдашние запахи – запах стени. Запах едва уловимый, но такой знакомый, волнующий детское сердце. Теперь только воспоминание: были те годы. И были они счастливыми. А сейчас? Не знаю. Мне просто хорошо».

«Тепло воронежской земли. Жаркое лето, яркая и сочная зелень, густой аромат всего цветущего на бескрайних полях, сельский полдень. Тёплый ветер, трели жаворонков высоко в голубом небе. Как в детстве».

В описаниях загородной жизни авторы нередко отмечают «крепость» загородных, деревенских воспоминаний, что, возможно, обусловлено их бытийностью. В этом же пространстве бытийности детский опыт уединения, самодостаточности в загородной жизни, лежащий в основе ностальгического переживания, переплетается с опытом присутствия значимых взрослых.

Модус переживания, который в анализе литературных текстов мы обозначили как ностальгия утраты, тесно связан с острым переживанием утраты дома (дачи) и земли предков, связанности со своим родом.

Ностальгические переживания могут быть связаны с воспоминаниями об ушедших близких. Онтологичность загородной жизни, ее витальность и цикличность, вписанность воспоминаний в окружающий мир – сад, природу – подчеркивает экзистенциальную значимость воспоминаний, сопряженных с загородной жизнью, их смысл для жизни нынешней.

Бытие собой. Опыт бытия собой для современных горожан – это скорее опыт «догадок о бытии собой», он менее отчетлив, чем переживание «небытия собой» и более семантически запутан.

«Я очень люблю это место, здесь все пропитано духом чистоты и доброты, древней, неиспорченной. В жизни нам всегда не хватает естественности, простоты, мы пытаемся кого-то играть, чему-то

соответствовать, а здесь этого нет. Приезжаешь и становишься самим собой, таким, какой ты есть».

Бытие собой – это возможность ощутить и принадлежность человеческому, и принадлежность самому себе, и свою уникальность, особость: *«Гуляя по полю, думала, что отчасти ведь чувство прекрасного, понимание "своего" вот так и формируется - в первых букетах, на полях детства, при ответе себе на нехитрый вопрос, брать ли в букет тот цветок или этот...».*

Традиционным спутником бытия собой выступает удовольствие от уединения, значимость и удовлетворение, получаемые от времени, проводимом в одиночестве и тишине, наедине с собой и окружающим миром:

«Сумерки лучше встречать одному, потому что в сумерках лучше видишь себя».

«Совершенно детское чувство радости и эйфории - смотришь на сосны, плывут облака, нет ни людей, ни зданий перед тобой».

«Благословенная тишина на участке, нет людей, только синички и котята».

«Но самое главное, это уединение. На многие километры вокруг ни души. Какое же наслаждение бродить по безлюдному лесу и слушать музыку тишины».

Удовольствие уединения в отдельных случаях граничит с мизантропией: *«Провела день в одиночестве на даче, и понимаю всё ясственней: чем больше я общаюсь с растениями, тем меньше люблю людей. Да-да. И женщин. И мужчин. И детей, и стариков».*

Становление. Тема становления в переживаниях современных авторов звучит заметно иначе, нежели у их предшественников-литераторов. Так, воспоминания о легкости детства появляются в контексте опыта бытия собой, ностальгического воспоминания; а не личностного становления. Вероятно, для авторов существует связь между опытом беззаботности и свободы на природе, который был у них в детском и подростковом возрасте, и развитием познавательного интереса, мужества и воображения, обретением самостоятельности, однако, в большинстве случаев в текстах она не раскрывается.

При этом авторы отмечают влияние загородной жизни на развитие и становление своих собственных детей.

Однако, это не означает, что тема становления отсутствует. Фактически, она очерчивается теми же самыми категориями (познавательный интерес, самостоятельность и пр.), но процесс, который мы тематически обозначаем как «становление», происходит во взрослом возрасте.

Также как и в литературных текстах, современники редко уделяют внимание присутствию другого человека и влиянию на становление социальных факторов. Жизненный мир бывших горожан по-прежнему остается миром во многом замкнутым, миром самодостаточности и суверенности.

«Мне сегодня предложили: "Оль, если что из Нижнего тебе надо, ты говори - мы привезём". И Ольга Владимировна, менеджер со стажем, впала в ступор... Потому что из города мне ничего не надо. Вот прям совсем. Чего нет, можно купить, приготовить, сделать самому или с кем-то договориться».

Пунктом жизненного поворота в становлении оказывается переживание, связанное с переходом от городского труда и образа жизни, определяемого целями и достижениями, к загородным, и в том числе к физическому труду.

Анти-город. «Бывших» горожан не бывает, в той или иной форме констатируют авторы исследуемых нами текстов. Опыт города может быть ностальгическим, может быть преодолеваемым, может быть соотносимым с новым опытом: однако, он по-прежнему присутствует в жизни автора, в его переживании, и соответственно, в его жизненном мире.

Описывая свое растущее негативное отношение к городу, авторы отмечают ставший невыносимым характер труда и образа жизни, неэкологичность, нервозность города, а также его фальшь, неестественность.

«Сегодня осталась на ночь в Москве. Это кошмар какой-то. Ощущение, что вокруг меня куча квартир и в них чужие люди. И что главное - они все так шумят, что стены будто исчезают. Когда редко бываешь в городе, он оставляет странное впечатление... Какие-то огромные расстояния между людьми».

«Ведь странно, вроде и прогулки в городе, и зелень торчит, но совсем другое чувство. Почти незамечаемой, накапливающейся скованности».

«Я москвичка, город живет во мне, а я живу за городом. За городом все же спокойнее и теплее. И птицы тебя встречают с работы».

Не потерять жизнь, не прожить ее напрасно – с этим связаны «антигородские» надежды загородной жизни:

«Работа мне сильно мешает конечно. Мешает любить жизнь».

Добросердие. В суверенном жизненном мире бывших горожан – наших современников мы обнаруживаем небольшой «остров», связанный со значимым Другим – деревенским или загородным жителем старшего или пожилого возраста – носителем мудрости и добросердия.

«Местные жители спокойны и доброжелательны. Встречаясь, мы всегда чинно здороваемся... Все знают, что мы приехали на отдых, и каждый раз, когда мы с кем-то встречаемся, все заботливо спрашивают, нравится ли нам, довольны ли мы. Каждый день мы проезжаем домик, рядом с которым вбита лавочка ... Я прохожу мимо и здороваюсь, и каждый здоровается в ответ. Здоровается, не просто произнося для приличия приветственное слово, а с таким участием, как будто я им давнишняя добрая знакомая. Мы (городские) почему-то уверены, что более мы раскрепощены и свободны в общении. Мы продвинуты и современны, но это не так. Я восхищаюсь умением деревенских жителей начать разговор с незнакомым человеком, причём, начать ненавязчиво и уважительно».

Опыт общения с такими людьми не только оставляет теплый след в душе у бывших городских жителей или «дачников», но является неким внутренним ориентиром: пробовать быть такими же в своей жизни:

«Очень важно заземлиться, сонастроиться с природой, как с помощью камертона настроить себя на природный ритм, считая только его целебным и истинным. Потом с этой настройкой можно к людям, даже в эти самые администрации. Тогда можно работать. Но должно все очиститься и настроиться».» (Кретьева, 2021б).

3.2.4 Анализ устойчивости – изменчивости смысловой структуры жизненного мира бывших горожан

На этом этапе была разработана и составлена хронологическая таблица (Рис.5), в которую были занесены данные о присутствии или отсутствии той или иной смысловой категории в текстуальных данных определенного исторического периода. Мы обращали внимание на отличия, характерные для современных текстов, а также на устойчивые во времени смысловые категории (Кретьова, 2021б).

Рисунок 5. Тематическая устойчивость и вариативность в переживании
жизненного мира в литературных текстах и в текстах современников

Общее-устойчивое (писатели и современники)	Отличия-тенденции (современники)
«При-бытие»	
Этапы «прибытия»: нетерпеливое ожидание, предвкушение-воображение, путь-созерцание, отчетливость встречи с родным местом, остановки Восстановление бытийной целостности, связи времени и пространства	«Родовое» как исчезающая реальность и волнующая проблема: поиск «корней» Феномен опосредованного «узнавания» родных мест, в которых никогда не был
«Окружающий мир как Другой, диалогичность»	
Окружающий мир «зовет», «захватывает», «побуждает» к действиям	Наделение окружающего мира субъектностью встречается реже Захватывающая сила окружающего мира как угроза деятельному настрою, планам Выраженность заботливости о мире
«Труд и образ жизни»	
Радость и красота труда Удовлетворение от труда Значимость сада и выращивания Упорядоченность жизни Автономность и внутренняя детерминированность труда Непритязательность Принятие обстоятельств (взаимодействие со стихией) Отказ от «достигательства»	Особое внимание к преодолению городского стиля труда и образа жизни, к переосмыслению труда Освобождение от «чужого» в своем труде Отчетливость снижения притязаний и принятия непредсказуемости Влияние труда на мировоззрение Ощущение подлинности труда Значимость видимого результата Физический труд как фактор цельности Через труд на земле приходит принятие себя, людей, мудрость и смелость жизни

Продолжение рисунка 5

Общее-устойчивое (писатели и современники)	Отличия-тенденции (современники)
«Созерцание и умиротворенность, забвение»	
Значимость внимания, внимание малому Неторопливость и произвольность мыслей; мысли ни о чем – мысли о главном Тишина, утешение Понимание мира, себя, другого	
«Со-бытие»	
<u>Сонастроенность</u> окружающему миру Преображение природой <u>«Экзистенциальность»</u> неба Чувство подлинности бытия Чувство священного	Нет описаний «живительности» весны Нет связи с праздниками (и детством) Меньше радости и непосредственности в переживании событийности Нет описаний <u>«предзнания бытия»</u>
«Ностальгия»	
<u>Слепленность</u> настоящего и детства: я, люди, окружающий мир Ностальгия обретения Ностальгия утраты Ностальгия бытия	Значимость утраты загородного дома Опосредованность переживания через рассказ-переживание другого человека Значимость родового Связь сада и воспоминаний об ушедших близких Утрата родного города (каким он был)
«Бытие собой»	
Значимость опыта бытия собой Удовольствие уединения Суверенность	Опыт бытия собой менее отчетлив Семантическая неясность «бытия собой» Внимание своей «особости» Быть собой как отказ прежним «владельцам жизни»
«Становление»	
Самостоятельность Суверенность и автономность Самодостаточность Мужество Познавательный интерес Замкнутость загородного мира	Легкость детства не связывается более со становлением, <u>атрибутируется</u> другим темам: опыт становления – опыт взрослой жизни В центре внимания – переход от городского образа жизни к загородному Значимость физического труда
«Анти-город»	
<u>Неэкологичность</u> города	Бытие горожанином – это навсегда Неестественность (фальшь) города
«Добросердие»	
Значимость Другого для горожанина Медиация Другого – передача мудрого отношения к миру и людям	Фрагментарная, незначительная представленность темы в объеме материала

Сопоставление полученных данных показало, что смысловая структура жизненного мира бывших горожан консервативна; за два с половиной столетия она претерпела незначительные изменения. Особенно устойчивы смысловые категории, связанные с переживанием созерцательных состояний и процессов, присущих жизни за городом, пребыванию на природе. При анализе вариативности мы отметили следующие смысловые тенденции, характерные для текстуальных данных современников: утрата и обретение себя, важность труда на земле, самостоятельность, замедление образа жизни, замещение чувства родины потребностью памяти о своем роде (Там же).

Для современников, испытывающих потребность передать свой опыт загородной жизни в тексте, связанное с ним переживание, характерно стремление к осмыслению этого опыта, к «размышлениям вслух». Это сближает текстуальные данные самоотчетов из соцсетей с данными художественных и автобиографических текстов (наряду с художественным слогом современников). Рост культуры «самопонимания, самотрансляции» в социальных сетях, расширяет исследовательские возможности улавливать и описывать переживание, которое содержится в «вербальных признаниях людей» (Петровский, Нестик, 2020, с. 276); что позволило нам провести не только тематический анализ исторических или современных текстов, но обратиться к историко-психологическому анализу, выявить как вариативность, так и прототипичность смысловой структуры жизненного мира бывших горожан.

Стиль текстов современников говорит о разнообразии характеров, личностных черт авторов; тем выразительнее общее в их смысловом внимании, единство ключевых смысловых тем и подробностей в описании переживаний, связанных с загородной жизнью у современников и их предшественников (Кротова, 2021б):

«Как отрадно мне всем сердцем ощущать бесхитростную, безмятежную радость человека, который кладет себе на стол возвращенный своими руками кочан капусты и в одно мгновение переживает вновь все хорошее, что связано с

ним, – ясное утро, когда сам сажал его, и теплые вечера, когда его поливал и радовался, глядя, как он растет» (1774 г.).

Я кайфую от копания в земле, смотреть как эти зеленые зверьки растут и радуются, угадывать чего им хочется и видеть, как они отвечают на заботу ... если бы Вы знали какую я тут вырастил капусту!!!» (2020 г.).

И вот чувствуешь щекой, будто кто-то в глубине лесадохнул на тебя... папоротник на одном стебельке перешепнулся с другим, и все о том же, что чувствую я своей щекой: в полной тишине наверху лес дышит изнутри как человек» (1894 г.)

«Внезапно по кронам сосен пронёсся слабый вздох. Лес ответил на мой вопрос. Печально побрела я дальше...» (2019 г.)

Исследовательские вопросы, направлявшие данное исследование, и проведенный тематический анализ феноменов переживания позволили выделить смысловые темы, конституирующие жизненный мир бывших горожан. Структура этого мира проявлялась как на горизонтальном уровне – в текстах авторов определенной исторической эпохи, так и в исторической перспективе. Выделенные характеристики соответствуют результатам других наших исследований (Кретьова, 2020а, 2020б), а также с работами ученых, изучающих средовые аспекты загородной жизни и природы, ностальгическое переживание, феномен переезда горожан за город и его онтологические аспекты. Результаты исследования также позволяют увидеть, как благотворное воздействие природы, изучаемое в рамках психологии среды, открывает себя других уровнях концептуализации контекста; так, например, можно предположить, что суверенность, «отбираемая» мегаполисом и возвращаемая в загородной жизни – это в том числе «привольное» течение психических процессов, связанных с осмыслением себя, своего места в мире. Внимание, время и пространство – это то, чем «завладевает» мегаполис, и что вновь обретает горожанин в загородной жизни (Кретьова, 2021б). В то же время необходимо отметить, что бытийный уровень контекста и феноменологический подход накладывают свои ограничения: мы обращаемся к жизненному миру бывших горожан как к онтологически

однородному смыслообразующему пространству; анализ данных не предусматривает обращения к социально-средовым условиям, убеждениям, социальным дискурсам, жизненным сценариям бывших горожан.

3.2.5 Изучение отдельного случая на материале исторической автобиографии. Особенности переживания критической ситуации (эпидемии) приверженцами городской и загородной жизни

Ностальгия, суверенность и аутентичность в жизненном мире А. Т. Болотова

Наш обзор и анализ эмпирических работ социальной динамике «город – деревня» показал, что для жизненного мира бывших горожан характерно стремление обрести суверенность, которая находится в связанности с аутентичностью, с подлинной жизнью. На уровне социального это проявляется в «бегстве» из мегаполиса, где человек не в силах выйти из-под «тотального контроля и подчинения городскому миру» (Виноградская 2018, с.128-129). Стремление горожанина к загородной жизни может оцениваться и как стратегия выживания: человек отказывается от эффективности ради устойчивости (Blasiak, 2012).

Обращаясь к историческому материалу, мы задавались целью найти в исторических аналогах и исследовать феномен современного «бегства в деревню». Для исследования случая были выбраны автобиографические письма А. Т. Болотова (1738–1833) (Болотов, 1986). Решимость, с которой автор избирает жить в родном имении – «прототип» смыслообразующего решения современного горожанина, переехавшего жить за город на постоянное жительство. С юных лет Болотов состоит на государственной службе, имеет разносторонние интересы и прекрасное образование, опыт чиновничьей и столичной жизни, карьерные перспективы. Свой выход в отставку и возвращение в родные места автор описывает как нестерпимое желание обрести свободу, жить в своем имении и заниматься садоводством, опираясь исключительно на себя и собственный труд.

В результате феноменолого-герменевтического анализа нами были выделены следующие особенности жизненного мира автора, в которых связь с природой, ностальгия, суверенность имеют особое значение (Кротова, 2020б):

– ностальгическая привязанность к родным местам: возвращение в родное имение сопряжено с сильным ностальгическим переживанием, «предвкушением родного», но и по возвращении оно остается источником опыта, формирующим наиболее значимые ностальгические воспоминания;

– садоводство, родное имение – средоточие чаяний (жизненных смыслов), пространство психологической суверенности; близость к власти, ее поддержка и забота, вовлеченность в чужие проекты воспринимаются как нежелательные, угрожающие независимости и смыслу собственной жизнедеятельности, избранному образу жизни, который субъективно воспринимается как подлинный;

– деятельностно-созерцательный образ жизни: замкнутость, независимость, умеренность в ведении хозяйства; цикличность и регулярность дневных и ежегодных занятий сопряжены с цикличностью природного мира и загородной жизни, что оказывает влияние и на духовную жизнь; негативные события повседневной жизни малозначимы в масштабе целостного восприятия окружающего мира.

Проведенный анализ отдельного случая позволяет сделать вывод о исторической устойчивости таких ключевых смыслов жизненного мира бывших горожан как суверенность, ностальгия, событийность природе. В текстуальных данных нет буквального упоминания о значимости аутентичности, однако, можно предположить, что имплицитно она включена в ностальгические переживания автора и в его суверенность.

Особенности переживания критической ситуации (эпидемии) в суверенном мире загородного жителя

Отдельной задачей исследования (связанной с ситуацией пандемии коронавируса) было рассмотреть особенности процесса переживания эпидемии как критической ситуации в условиях автономности сельской жизни. Одна из глав сочинений Болотова посвящена его переживанию, вызванному эпидемией чумы;

феноменолого-герменевтический анализ этого фрагмента включал сопоставление полученных данных с результатами анализа других исторических авторских записей, а также с отобранными фрагментами самоотчетов современников.

В качестве текстов сопоставления были отобраны дневниковые заметки или письма, включающие описание переживания эпидемии холеры (30-е и 90-е годы XIX века) и заметки наших современников (2020 год), отражающие их опыт переживания пандемии коронавируса: жителей мегаполисов и бывших горожан.

Анализ фрагмента текста А. Болотова показал, что цикличность загородной жизни, созерцание природы помогают выдерживать неопределенность критической ситуации, в то же время отчетливость обретает целостное переживание себя во времени через созданное трудом на земле. Автор рассматривает город как угрожающий безопасности усадебной жизни, всему тому, что которая в рамках имения обустроивается и контролируется собственными силами. На автономность, удаленность от города возлагаются надежды как в силу дистанцированности, так и в силу самообеспеченности.

Анализ текстов современников в соцсетях показал, что образ жизни бывших горожан во время пандемии остался прежним: «Как в сарай ходила и по двору, так и ничего не изменилось», «Улицы нашего городке во время эпидемии ничем не отличаются от улиц обычной жизни в будние дни – пусты в любое время суток», «В глуши все спокойно», «Полно работ по хозяйству. Устраиваю грядки, навожу порядок вокруг дома». Загородная жизнь обретает еще большую ценность как пространство свободы, спокойствия, стабильности. Авторы высказываний подчеркивают значимость суверенности, зависимости собственной жизни от собственных усилий и опыта. В переживаниях загородных жителей можно заметить озабоченность; практически нет упоминаний о скуке, иронизирования, раздражительности, что составляет заметный контраст с текстами жителей мегаполиса. Тема пандемии обсуждается сдержанно, угроза не отрицается («вирус то реальный»). У заметной части загородных жителей вызывают тревогу дачники и другие жители мегаполиса, которые своим

появлением в деревне могут нарушить создаваемые загородными жителями условия стабильности и безопасности.

Жители мегаполиса нередко отмечают разрушение привычного уклада жизни: «Большая часть того, что меня согревает и питает, находится за пределами дома: встречи с друзьями, прогулки по городу, природа, музеи, поездки, новые пространства», «Оказалось, что мой ближний круг очень широкий, гораздо шире, чем семья. И я тоскую. И ничем не могу заменить мимолетные встречи и долгие посиделки». Возникают трудности с организацией личного времени и пространства: «Мне остро не хватает свободного места, совсем не могу сосредоточиться и писать. Плюс дико грызет тревога за детей, у которых ЕГЭ, и надо бы их организовать, а как их организуешь, если я себя организовать не могу». Для многих людей наилучшим способом совладания с тревогой и дискомфортом становится забота о себе: о своем физическом и душевном состоянии («баловать себя»), поддержание привычного и даже его усиление: пить кофе из дорогого сервиза, наряжаться для онлайн-конференций, создавать уютную городскую атмосферу: «пледик, подушка, подсвечник красивый... то, на что любишь в хороших кафе». На протяжении определенного времени с момента объявления пандемии можно заметить, как отрицание опасности, иронизирование сменяются сильным беспокойством и раздражительностью.

Исторические тексты писателей-горожан (авторов, для которых независимо от длительности пребывания в усадьбе сельская жизнь и хозяйство не являются средоточием жизненных и творческих интересов), их переживание критической ситуации в большей степени соответствует переживаниям современных жителей мегаполиса, нежели переживаниям Болотова. С позиций типологии Ф. Е. Василюка, загородный житель переживает критическую ситуацию как стресс – кризис, а городской как фрустрацию – конфликт (Кретова, 2021в). Авторами писем упоминаются скука, злость от вынужденного долгого уединения, уныние. Эпидемия представляется досадным явлением, которое не должно было бы касаться людей их круга, и оттого не переживается как угроза, но как препятствие к привычному образу жизни с ее городской событийностью.

Результаты данного исследования позволяют предположить, что загородная жизнь оказывает влияние на способ переживания трудностей, критических ситуаций, экзистенциальных вызовов бывшими горожанами; этот способ обусловлен психологической суверенностью, суверенностью жизнедеятельности и со-бытием человека и окружающего его природного мира.

3.2.6 Изучение отдельного случая на материале самоотчетов в соцсетях. Онтологическая ностальгия и механизм опосредования переживания

Феноменология загородной жизни содержит как феномены «загородного», так и феномены «городского»; жизненный мир бывшего горожанина включает в себя его опыт жизни в мегаполисе. Бывший горожанин может сохранять социальные контакты с городом, городскую работу, однако именно загородная жизнь становится для него миром подлинного бытия. Постоянная жизнь за городом или в деревне привлекает немало городских жителей (в 2015 году – более 20%) (Виноградская, 2019), но решение о переезде принимают немногие из них. Как показали наши предварительные исследования, препятствием для переезда может быть потребность дать детям «городское» образование, страх утраты хорошо оплачиваемой работы и социальной помощи, референтного круга коллег и друзей и пр. Эти обстоятельства полагают пропасть между желанным и возможным; готовность преодолевать такие трудности определяется степенью личностной онтологической значимости загородной жизни.

Включенность в подлинное бытие – процесс постепенный, требующий времени. Связанное с этим процессом переживание диалогично, адресовано Другому: это переживание-рассказ (Кретьева, 2022б). В контексте загородной жизни пространством такого рассказа-диалога становится сад, окружающая природа, обладающие собственной семантической выразительностью (Лихачев, 2018). Для бывшего горожанина такое «сопереживание» сада, окружающей его природы, осуществляемого как событийность миру, может быть достаточным источником поддержки и утешения (Воловикова, Кретьева, 2020), целительным

диалогом, который не только нормализует душевное состояние, но и помогает справляться с критическими ситуациями, давая ощущение онтологической незыблемости, подлинности, той жизненной силы, что «позволяет человеку удержать или найти новый смысл в трудных ситуациях» (Кричевец, 2019, с. 86).

Самоотчеты бывших горожан о своем опыте загородной жизни нередко свидетельствуют о переживаемом чувстве красоты, счастья, подлинности бытия. Независимо от художественного таланта автора, тексты такого рода вызывают эффект *личного узнавания*. Комментарии читателей свидетельствуют переживании-отклике, которое мы сочли возможным определить как переживание *онтологической ностальгии* – тоски по подлинному бытию, по себе настоящему (Sedikides et al., 2006; Vess, Arndt, Routledge et al., 2012), как стремление выйти в пространство подлинного существования (Гришина, 2018). Таким образом то, что было пережито бывшим горожанином наедине с природой, со своим садом, «доставляется» другим людям и одновременно переживается вторично при написании текста (Кретова, 2022б).

Наше изучение отдельного случая на материале заметок современника в соцсетях задавалось целью рассмотреть и описать на бытийном уровне работу переживания, связанного с опытом загородной жизни, и наблюдаемый нами в механизм опосредования переживания. Отобранный для исследования материал представлял собой две подборки текстуальных данных. Первая включает записи С., опубликованные им в период с апреля по август 2020 года (49 фрагментов), содержание которых отображает его опыт горожанина, длительное время проживающего в сельской местности, его наблюдения о деревенской жизни, размышления о жизненных решениях, а также комментарии читателей, имеющих отношение к содержанию исследования. Вторая подборка состоит из публикаций и комментариев постоянных читателей С. (70 фрагментов), которые представляют собой отклик-переживание, вызванный преждевременным уходом С. из жизни.

Для решения поставленных исследовательских задач к текстам были обращены следующие вопросы:

«Тексты С.:

Как разворачивается динамика работы переживания С., связанного с его жизненными смыслами и мировосприятием? Что собой представляет сопровождающий эту работу диалог с читателями, какова его динамика, особенности?

Отклики читателей С., опубликованные в ответ на сообщение о его преждевременной смерти:

Как читатели С. описывают самого С. в контексте отношений «Я – Другой»? Что в личности С., в его переживаниях оказывается значимым для процессов переживания, которые имеют место в их собственной жизни?

Главным результатом нашего исследования стало выявление феномена *опосредованности утешения*, в котором ключевую роль играет *узнаваемость онтологической ностальгии*. Переживание онтологической ностальгии оказывается центральным переживанием, связующим переживание личностью (бывшим горожанином) жизненного кризиса, переживание природы, душевное беспокойство городских жителей и их потребность в утешении, опыт целостной, осмысленной жизни и утешение как таковое.

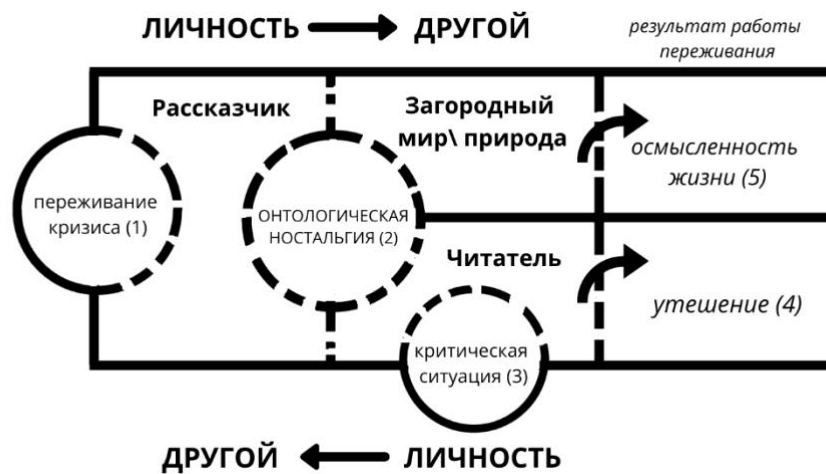
Интерес представляет и феномен *множественного диалога*, сопряженного с личностным переживанием: обращенность С. к природе, к своему миру загородной жизни, обращенность к самому себе, обращенность к читателям. Главная тема диалога – жизнь в деревне как особый мир – становится пространством, в котором каждая сторона диалога, С. и его читатели, решают свои собственные жизненные задачи; тематика собственных задач не становится очевидным предметом диалога, но присутствует в его поле.

Анализ исследуемого материала позволил очертить структуру внутренних связей и динамики процесса «подключения» к переживанию и обозначить особенности результатов работы переживания для автора и для читателя (теоретическая схема представлена на рисунке б).

Рассказчик (С.) «подключает» Другого (читателей) к своему переживанию кризиса (1) через свое переживание загородного мира, онтологической

ностальгии (2), через свою личность, включенную в это переживание. Мы полагаем, что такая «переадресация» собственного переживания другим людям, и, в свою очередь, «получение», принятие переживания Другого как переживания утешающего, становится возможной благодаря узнаваемости онтологического опыта рассказчика и особенно опыта переживания онтологической ностальгии.

Рисунок 6. Процесс «подключения» к переживанию

Переживание С. – это процесс, во внешнем плане связанный с принятием решения (окончательный переезд в деревню), во внутреннем – с изменением мировосприятия, иной осмысленностью своего бытия (переживание кризиса). Опыт С., связанный с переживанием личностного кризиса, сокрыт, недоступен читателям. Об этом опыте С. можно судить лишь по отдельным фразам, тем не менее, его читатели улавливают тональность его переживаний: *«Почувствовала, что в последние месяцы писать он стал меньше, и в текстах была печаль»*.

Читатели С. – это горожане, большинство из которых не готовы переехать за город и лично не знакомы с автором текстов. С. своими заметками «доставляет им прекрасное», смыслы загородного мира. Содержание комментариев позволяет предположить, что бытийность загородной жизни, которую они обнаруживают в текстах С., воспринимается («узнается») ими как пространство подлинной, «настоящей» жизни, умиротворения, витальности, свободы. Невозможность

проживать эту бытийность в настоящий момент в реальном опыте, дефицит человеческой доброты, тепла, открытости в их собственном жизненном мире, вызывают потребность в утешении. Такое утешение они получают через сопричастность бытийности и переживаниям С.: образное проживание бытийности загородной жизни, приобщение ее жизненной силе.

Созерцательный, чувственный опыт деревенской природы, переживаемый Рассказчиком, становится переживанием *Читателя*.

В словах Рассказчика Читатель узнает собственное *переживание онтологической ностальгии* (2), образ подлинной бытийности:

С: «...первый раз в жизни появилось ощущение дома... видимо это ощущение появляется, когда на сердце некий покой, и да, да, тишина. Так полюбились мне тишина, но она не может быть вакуумной, она без лишнего, без осколков, без царапин и ржавчины».

Читатель: «Никогда не было своего дома, но воспоминания детства... мы снимали дом в деревне недалеко от Москвы... Воспоминания остались в моём сердце. Вижу эту красоту, так и манит в детство, где все живы, где все спокойно и прекрасно».

У читателей возникает ощущение близости, взаимосвязи с С. и друг с другом при отсутствии реального знакомства. Утешающим для читателей оказывается само соприсутствие «доброе», «светлого» человека (С.), которое приобщает к ситуации «возможного»: к возможности в будущем также как и С. «жить настоящими ценностями».

Сам Рассказчик не утешает Читателя напрямую – утешающее воздействие оказывает его переживание загородной жизни, которая, включая его самого, оказывается тем миром, где разворачивается настоящее, лишённое сиюминутности – настоящее настоящее: *«Не знакома лично, но строки С. задевали, оставляли свет»; «Глазами С. я видела рассветы и закаты, красоту природы и чистоту дней».*

Таким образом, в описанном нами процессе «подключения» к переживанию результатом работы переживания для Читателя становится *утешение* (4). И хотя

в нашем случае опосредованности утешения речь не идет о стратегии утешения, ибо Рассказчик рассказывает свою историю, а не выслушивает чужую, тем не менее, его рассказ-переживание онтологической ностальгии призывает к действию над переживанием (Шерягина, 2016) – в первую очередь, к преодолению «отложенности жизни», которая то и дело дает о себе знать в откликах читателей. Результат работы переживания Рассказчика – преодоление кризиса, *осмысленность жизни* (5). Мы видим, что преобразующая роль вербального опосредования переживания (терапевтическое воздействие нарратива) оказывается таковой и для Читателя, и для Рассказчика.

На наш взгляд, именно переживание загородной жизни, природы и прежде всего переживание онтологической ностальгии образует особое пространство взаимодействия между Рассказчиком и Читателем, территорию (и возможность) передачи ощущения, Всеобщего переживания (Петровский, 2019). Вероятно, не последнюю роль в этом играет его особая образность, суггестивность; для нас, однако, представляется важным выделить узнаваемость этого переживания, его онтологичность, способность охватить всю жизнь человека как единое целое – единое бытие – и в то же время вывести за пределы себя, обратиться к целостному смыслу жизни.» (Кретьева, 2022б).

Краткие итоги второго этапа исследования:

Эмпирические гипотезы №1 и № 2 были подтверждены результатами второго этапа исследования. Жизненный мир горожан – приверженцев жизни за городом имеет внутренне взаимосвязанную, уникальную по содержанию и консервативную в плане исторической изменчивости смысловую структуру. Предположение о том, что *ностальгия, бытие собой, суверенность* конституируют эту смысловую структуру, подтвердилось, также были выявлены другие ее значимые элементы, описанные нами как *при-бытие, окружающий мир как Другой, созерцание и умиротворенность, со-бытие, становление, добросердие, анти-город*. Присутствие этих элементов обнаруживалось как в большом объеме текстуальных данных, тематический

анализ которых позволил сопоставить смысловую тематику исследования фрагментов художественных произведений и самоотчетов в соцсетях, так и в исследовании двух отдельных случаев (исторический и современный автобиографический материал), что позволяет говорить о прототипичности выявленной смысловой структуры. Проведенный экзистенциально-герменевтический анализ показал, что смыслообразующее переживание, сопряженное с опытом загородной жизни (ключевые смыслы жизненного мира), может передаваться другому в нарративе через актуализацию связанных с природой ностальгических воспоминаний; нами был изучен феномен «узнавания» переживания, связанного с опытом природы и загородной жизни и выраженного в нарративе как «собственного», что, на наш взгляд, соответствует онтологии объекта нашего исследования. Исследование ностальгии как центрального элемента изучаемой нами смысловой структуры будет рассмотрено в следующем параграфе.

3.3. Основной этап. Тематическое содержание ностальгических переживаний и аутентичность у бывших горожан

Эмпирические гипотезы диссертационного исследования:

3. Содержание значимых ностальгических воспоминаний горожан различается в зависимости от их приверженности загородной или городской жизни. Значимые ностальгические воспоминания бывших горожан связаны с опытом загородной жизни и природы.

4. Показатели аутентичности у приверженцев городской и загородной жизни различаются и коррелируют с содержанием значимых ностальгических переживаний и связанностью с природой.

Результаты анализа смысловой структуры жизненного мира бывших горожан, ее тематическое содержание, связанные с ней процессы и состояния говорят о том, что опыт загородной жизни, природы, сада, связанные с ним образы и воспоминания предполагают значимую роль ностальгического

переживания в жизненном мире бывших горожан, его связанность с аутентичностью, суверенностью, осмысленностью жизни. Ностальгия, «опосредованная» образами природного, сельского мира, обращает человека к переживанию подлинности своего бытия, целостного схватывания «себя в мире», оказывая положительное воздействие на те или иные сферы его психической жизни (что подтверждается результатами работ по изучению ностальгии).

Задачи исследования: получить представление о переживании ностальгии и аутентичности в жизненном мире бывших горожан (в его смысловой структуре), о содержании наиболее значимых ностальгических воспоминаний; выявить различия в тематическом содержании значимых ностальгических воспоминаний, показателей удовлетворенности жизнью, аспектов суверенности между выборками приверженцев городской и загородной жизни; выявить возрастные и иные тенденции в содержании значимых ностальгических воспоминаний; выявить вероятные взаимосвязи между ностальгией, аутентичностью и приверженностью загородной жизни.

3.3.1 Исследование «Ностальгическое переживание, суверенность и удовлетворенность жизнью у приверженцев городской и загородной жизни»

В рамках данного исследования нами были выдвинуты следующие предположения:

1. Наиболее значимые и памятные ностальгические переживания (воспоминания, актуализирующие опыт счастливых, радостных светлых моментов прошлого) у приверженцев загородной и городской жизни имеют различное содержание.
2. У приверженцев загородной жизни ностальгические переживания чаще сопряжены с опытом загородной/сельской жизни, чем у приверженцев жизни в городе.
3. Суверенность приверженцев загородной жизни выше, чем приверженцев городской жизни.

4. Показатели счастья и осмысленности жизни у приверженцев загородной и городской жизни не имеют достоверных различий и выше показателей респондентов, которые недовольны городом, но переехать за город не планируют.
5. Показатели удовлетворенности жизнью у приверженцев загородной и городской жизни не имеют достоверных различий и выше показателей респондентов, которые недовольны городом, но переехать за город не планируют (Кретьова, Воловикова, 2022).
6. Тематическое содержание ностальгических воспоминаний в возрастных группах различается.
7. Независимо от своего тематического содержания, ностальгические воспоминания респондентов всех возрастных групп конституируются образами, связанными с природой (Кретьова, 2022а).

Исследование было проведено в один этап (лето 2020 года), в нем участвовали 174 респондента. С учетом результатов пилотажного исследования, в основном исследовании мы сочли целесообразным сформировать четыре группы респондентов: «Приверженцы городской жизни», «Загородная жизнь привлекательна, но не планируется», «Приверженцы жизни за городом» (переехали за город или готовятся к переезду), «Сельские жители, не переезжавшие в город». Большинство респондентов – жители России (88.6%), преимущественно из Москвы и Московской области (67.9%).

Анкета включала разделы: ««Ностальгические воспоминания», «Суверенность», «Удовлетворенность жизнью, счастье, смысложизненные ориентации».

а) *Раздел «Ностальгические воспоминания».* Участникам было предложено ответить на следующий вопрос: «Если считать, что ностальгические воспоминания – это воспоминания о радостных, светлых моментах жизни, что миновали безвозвратно: с чем эти воспоминания связаны для вас в наибольшей степени?». Опросник предполагал 20 вариантов ответов, включая темы загородной жизни и природы. В случае неудовлетворенности предложенными

вариантами, участники могли указать свой вариант ответа в произвольной форме. Оценка проводилась по девятибалльной шкале Ликерта, где один балл соответствует ответу «Я нисколько об этом не тоскую», а девять баллов ответу «Эти воспоминания для меня очень памяты и значимы» (Кретьова, Воловикова, 2022). Мы использовали опросник К. Batcho «Nostalgia Inventory» (Batcho, 1995), заменив два предлагаемых ответа на варианты, позволяющие оценить значимость воспоминаний, связанных с загородным миром и с явлениями природы (оригинальный опросник фокусируется на предметно-социальном содержании ностальгических воспоминаний).

Для изучения содержания образов, конституирующих ностальгические воспоминания, респондентам было предложено ответить на следующий вопрос: «Какой из приведенных зрительных образов связан с вашими воспоминаниями о светлых моментах вашей жизни в наибольшей степени?». Участники также могли выбрать вариант ответа из предложенных или дать собственный ответ в произвольной форме (Кретьова 2022а).

б) *Раздел «Суверенность»* содержал 10 утверждений, характеризующих субъективную суверенность жизнедеятельности респондентов. Изначально для оценивания суверенности предполагалось использовать опросник «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер (Нартова-Бочавер, 2005), однако, он не отвечал задачам исследования предрасположенности или опыта суверенности в контексте загородной жизни (освобождающей от захваченности мегаполисом). Утверждения были сформулированы нами по материалам предварительного этапа исследований, таким образом, этот фрагмент исследования имел поисковый характер. Оценка проводилась по семибалльной шкале Ликерта, где один балл соответствует ответу «Ко мне это не относится», а семь баллов ответу «Мне это очень близко».

в) В *раздел «Удовлетворенность жизнью, счастье, смысложизненные ориентации»* вошли «Тест смысложизненных ориентаций» (ТСЖО) (Леонтьев, 2000) и краткие шкалы диагностики субъективного благополучия: «Шкала удовлетворенности жизнью» (ШУЖ) и «Шкала субъективного счастья» (ШСС),

направленные на оценивание качества протекания жизненных процессов и удовлетворенности жизненными условиями, эвдемонического благополучия (Осин, Леонтьев, 2020).

Для удобства предъявления результатов мы пронумеровали группы респондентов, указав процентное соотношение (Рис. 7). Данные группы респондентов, которые идентифицировали себя как «Сельские жители, не переезжавшие в город» (группа 4) в виду незначительной представленности (1,1%) были исключены из исследования (не обрабатывались и не сопоставлялись с данными других групп).

Рисунок 7. Группы респондентов в зависимости от их приверженности городской и загородной жизни (N = 172)

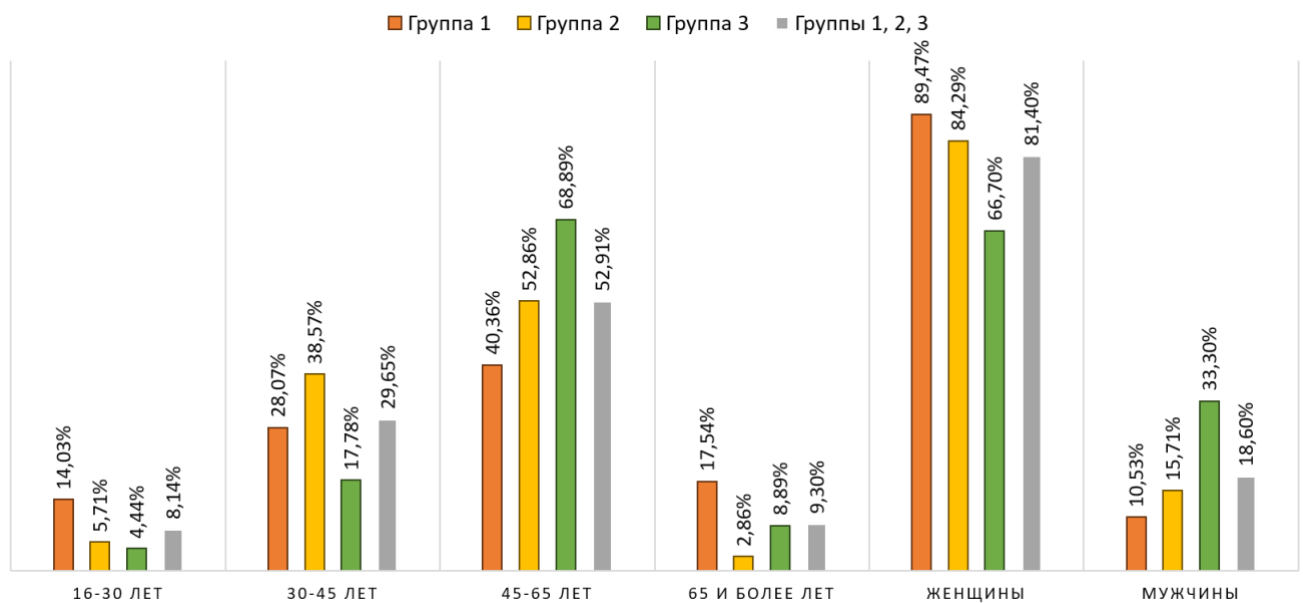

Мы также сравнили возрастное распределение участников в каждой из выделенных групп и между группами (Рис. 8). Среди приверженцев жизни в городе (группа 1) было больше молодых и пожилых людей (16-30 лет и старше 65 лет), в группе респондентов, которые любят загород, но переезда не планируют. (группа 2) отличалась наименьшим количеством участников пожилого возраста, в ней преобладали участники возрастной категории 30-45 лет. Среди приверженцев загородной жизни (группа 3) значительно выделяются

респонденты 45-65 лет, также мы отметили, что в этой группе, в сравнении с группами 1 и 2, было больше мужчин. Эти данные позволяют предположить, что решимость в отношении переезда и приверженность жизни за городом в большей степени характерны для людей среднего и старшего возраста. Наибольшая связанность с городом у молодежи и пожилых людей; тяготение к загородной жизни хотя и имеет место в возрастной группе 30-45 лет, но не находит своего воплощения, что, возможно, связано с зависимостью от городского образования и работы и соответствует данным, полученным в поисковых опросах.

Рисунок 8. Возрастное и гендерное распределение участников исследования

(N = 172)

Темы значимых ностальгических воспоминаний

При сравнении значимости (средние значения и медианы) ностальгических воспоминаний в трех группах респондентов, обнаруживается, что для приверженцев жизни за городом наиболее ценны воспоминания о мире, который их окружал на даче или в деревне, и о природе, в то время как для приверженцев жизни в мегаполисе таковыми являются воспоминания о поездках и путешествиях и о значимом взрослом. Респонденты, которых привлекает

загородная жизнь, но переезд при этом не планируется, как и приверженцы загорода высоко оценивали ностальгические воспоминания о природе и загородной жизни, но еще более высоко воспоминания о поездках и путешествиях (Табл. 4).

Таблица 4. Показатели значимости тем ностальгических воспоминаний в группах приверженцев городской и загородной жизни

Содержание/темы значимых ностальгических воспоминаний	Группа 1			Группа 2			Группа 3		
	$\bar{x}$	Me	SD	$\bar{x}$	Me	SD	$\bar{x}$	Me	SD
Ваша семья	6,72	8	2,389	6,54	7	1,976	7,20	8	1,866
Значимый взрослый	7,05	8	2,057	6,43	7	2,459	6,27	7	2,499
Музыка, песни	5,88	6	1,992	6,27	7	2,028	6,71	7	2,052
Безмятежность	5,81	6	2,560	5,74	6	2,430	5,44	6	2,776
Мир вокруг на даче, в деревне	5,40	5	2,853	6,91	7,5	2,327	6,80	8	2,519
Человек, которого вы любили	5,84	7	2,757	6,67	7	2,424	5,98	6	2,536
Друзья	6,39	7	1,971	6,39	7	2,182	5,56	6	2,138
Ваши занятия, труды, творчество	6,89	7	2,127	6,21	7	2,346	6,13	7	2,180
Вы в детстве и юности	5,74	6	2,240	5,69	6	2,249	5,56	5	1,972
Природа, времена года	6,51	7	2,406	7,14	7	1,820	6,80	8	2,501
Фильмы, книги	6,28	7	2,266	6,40	6	2,170	6,49	7	2,263
Игрушки	4,46	5	2,253	4,07	4	2,311	3,60	3	2,649
Ваши лучшие чувства, мечты	6,11	6	2,169	6,44	7	2,338	5,93	7	2,499
Годы учебы	5,68	6	2,377	5,26	5,5	2,357	4,89	5	2,838
Поездки и путешествия	7,07	8	2,145	6,99	8	2,123	6,29	7	2,501
Праздники	5,12	5	2,338	4,89	4,5	2,441	4,82	5	2,516
Как прежде была устроена жизнь	5,04	5	2,471	4,90	5	2,221	4,80	5	2,085
Домашние животные	5,23	6	2,872	5,17	5,5	2,582	4,96	5	2,458
Церковь, религиозная община	3,07	2	2,441	3,87	3,2	2,879	3,29	2	2,849
Ваш дом	5,88	6	2,784	6,00	6	2,252	6,07	6	2,147

Примечание: (в таблице выделены показатели значимости тем ностальгических воспоминаний, где $Me_{группа} \geq 7,5$, и соответствующие им средние значения, а также показатели значимости тем, где средние значения $> 7,00$ и соответствующие им медианы группы).

Результаты сравнения показателей в выборках приведены в таблице 5. Они подтверждают, что для приверженцев городской и загородной жизни значимость ностальгических воспоминаний о природе, о мире, который окружал в деревне или на даче, существенно различается. Также статистически значимые различия выявлены в их оценке значимости воспоминаний о музыке и песнях (оценка выше у приверженцев загорода), о друзьях, и также об игрушках (оценка выше у приверженцев города).

Таблица 5. Оценка различий тематического содержания ностальгических воспоминаний

Группы	Переменные	p	U Манна-Уитни
Группа 1 < Группа 2+3	Мир, окружавший на даче или в деревне	0,002	2328,0**
Группа 1 < Группа 3	Мир, окружавший на даче или в деревне	0,016	930,0*
Группа 1 < Группа 3	Музыка и песни	0,038	979,5*
Группа 1 > Группа 3	Друзья	0,044	987,5*
Группа 1 > Группа 3	Игрушки	0,047	990,5*
Группа 1 < Группа 2	Мир, окружавший на даче или в деревне	0,003	1398,0**
Группа 2 < Группа 3	Друзья	0,033	1207,0*

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,005$.

Корреляционный анализ Спирмена выявил связь ностальгических воспоминаний о природе и загородной жизни с воспоминаниями о себе, а также с воспоминаниями, связанными с музыкой или песнями (Табл. 6).

Таблица 6. Корреляция тем значимых ностальгических воспоминаний

Тема 1	Тема 2	p	r_s
Я в детстве и юности	Мир, окружавший на даче или в деревне	0,000	0,279**
Я в детстве и юности	Природа, времена года	0,000	0,275**
Музыка/песни	Мир, окружавший на даче или в деревне	0,037	0,158*
Музыка/песни	Природа, времена года	0,025	0,170*

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,005$.

В результате сравнения трех выборок (H-критерий Краскелла-Уоллиса) были получены данные, подтверждающие, что ностальгические воспоминания о загородной жизни (шкала «Мир, который окружал вас на даче или в деревне») – это тема, которая задает максимальные различия между группами респондентов ($H = 9,987$, $p = 0,007$); при этом показатели среднего ранга (1 группа – 69,84; 2 группа – 9,39, 3 группа – 93,78) указывают на то, что водораздел проходит между приверженцами мегаполиса (1 группа) и горожанами, отдающими предпочтение загородной жизни (2 и 3 группы) (Кретьова, Воловикова, 2022).

Проведенное исследование показало, что значимые ностальгические воспоминания приверженцев мегаполиса и горожан, которые переехали или переезжают жить за город, различаются в своем тематическом содержании. При этом выбор бывших горожан – загородная жизнь, жизнь на природе – по своему содержанию корреспондирует с их значимыми ностальгическими воспоминаниями.

Сравнение возрастных групп

Сравнение возрастных групп дало вполне ожидаемые результаты. Сопоставляя средние показатели значимости тематического содержания ностальгических воспоминаний, в каждой возрастной группе можно выделить две наиболее значимые темы ностальгических воспоминаний, за исключением группы респондентов пожилого (65+) возраста, где ностальгия равнозначно сопряжена со множеством тем. Для молодых респондентов наиболее памятны воспоминания о человеке, который поддерживал, проявлял заботу, и о поездках/путешествиях, для респондентов 30-45 лет – воспоминания о природе и загородной жизни. Показатели средних и медиан у респондентов среднего возраста (45-65 лет) не позволяет отдать приоритет той или иной теме, а респонденты пожилого возраста (65+) дают высокие оценки значимости нескольким темам: природа, загородный мир, труд/творчество, любимый человек, семья, поездки/путешествия (Табл. 7).

Таблица 7. Значимые темы ностальгических воспоминаний в возрастных выборках респондентов (средние значения и медианы)

Содержание/темы значимых ностальгических воспоминаний	итого	16-30 лет		30-45 лет		45-65 лет		65+ лет	
	$\bar{x}$	$\bar{x}$	Me	$\bar{x}$	Me	$\bar{x}$	Me	$\bar{x}$	Me
Ваша семья	6,76	6,00	7,00	6,78	7,00	6,74	7,00	7,74	7,00
Значимый взрослый	6,60	7,29	8,00	6,51	7,00	6,62	6,00	6,13	7,00
Мир вокруг на даче, в деревне	6,41	5,14	4,50	7,06	8,00	6,10	7,00	7,31	8,00
Человек, которого вы любили	6,25	5,50	5,50	5,88	6,00	6,40	7,00	7,19	8,00
Ваши занятия, труды, творчество	6,41	6,57	7,00	5,98	6,00	6,45	7,00	7,44	8,50
Природа, времена года	6,86	5,93	6,00	7,27	8,00	6,67	7,00	7,44	8,50
Поездки и путешествия	6,77	7,14	8,00	6,76	7,00	6,69	7,00	6,94	8,00
Ваш дом	5,99	5,29	5,00	6,12	7,00	5,84	6,00	7,06	8,00

Примечание: (в таблице выделены показатели значимости тем ностальгических воспоминаний, где $Me_{группа} \geq 8,0$, и соответствующие им средние значения, а также показатели значимости тем, где средние значения $> 7,00$ и соответствующие им медианы группы).

Попарное сравнение выборок дает представление о степени статистической значимости выявленных различий (Табл. 8).

Таблица 8. Оценка различий показателей значимости тем ностальгических воспоминаний между возрастными выборками (U-критерий Манна-Уитни)

Группы	Переменные	P	U Манна-Уитни
16-30 лет < 30-45 лет	Природа, времена года	0,042	233,0*
30-45 лет < 45-65 лет	Мир, окружавший на даче или в деревне	0,016	1809,0*
30-45 лет > 45-65 лет	Вы в детстве и юности	0,007	1732,0**
45-65 лет < 65 и более	Как было раньше	0,031	495,5*
45-65 лет < 65 и более	Ваш дом	0,028	490,5*
16-30 лет < 65 и более	Любимый человек	0,038	63,0*
16-30 лет < 65 и более	Природа, времена года	0,05	66,0*

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,005$.

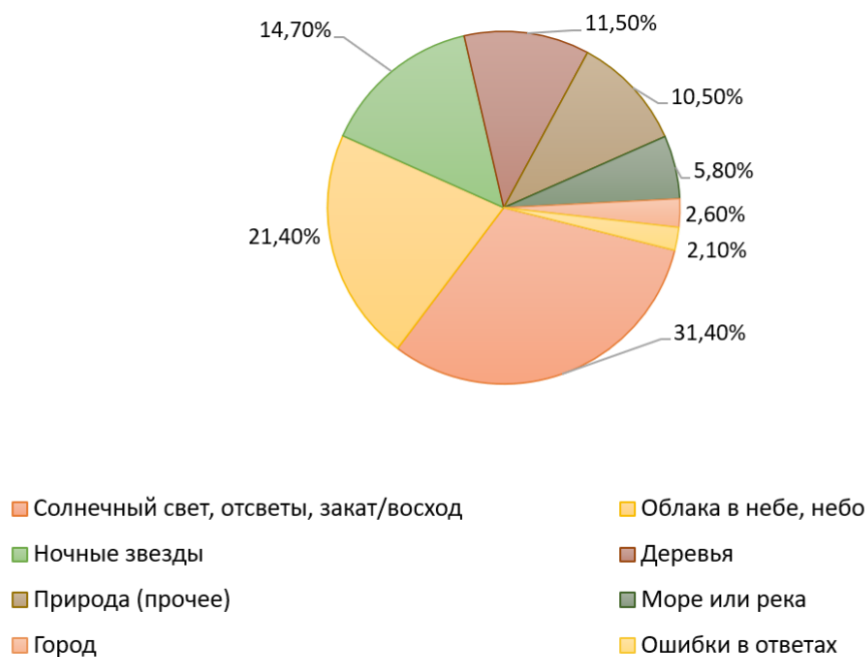
Сравнительный анализ показывает аналогичную «динамику»; в возрасте 30-45 лет становятся памятными и далее не утрачивают своей значимости ностальгические воспоминания о природе и загородной жизни, к 45-65 годам воспоминания о том, каким человек был в детстве и юности, заметно утрачивают свою весомость.

При желании респонденты могли дополнить свои ответы, обозначив, с чем связаны их наиболее значимые ностальгические воспоминания. 23 респондента сделали такие дополнения, среди них 19 тем уточняли предложенные, а 4 были изложены кратко, что не дало возможности оценить их уникальность.

Образы значимых ностальгических воспоминаний

С учетом ответов, добавленных респондентами в произвольной форме, мы получили 191 вербальное обозначение образов, которые участники связывают с переживанием ностальгии (Рис. 9). Большая часть образов являются зрительными («свет в окнах», «костер», «поле ржи»), также были приведены слуховые («шум дождя на крыше дачи», «соловьиная трель») и ольфакторные («запах ранней весны», «рыбный запах моря») образы, сопряженные со значимыми ностальгическими воспоминаниями. Образы, лексически равные предложенным, были включены в соответствующие группы; отличные образы, связанные с природой или городом, были объединены. Из полученных результатов следует, что ностальгические образы, связанные с природой, составляют 95,3% среди выбранных респондентами; «городские» ностальгические образы составили всего 2,1% (Кретьева, 2022а).

Рисунок 9. Группы значимых ностальгических образов, процентное соотношение

Суверенность

В полученных при опросе данных показатели средних, связанные с уровнем суверенности, были выше у приверженцев загородной жизни, чем у приверженцев города. Однако, статистически значимые различия (критерий Манна-Уитни) были выявлены только в ответах на 2 вопроса из 10 предложенных: «Мне важно, когда есть система, берущая на себя те или иные заботы (медицинские, коммунальные, безопасности и пр.), и я не трачу на это свое личное время» ($U = 801,0$, $p = 0,001$) и «Человек так устроен, что ему трудно себя организовывать. Я не против быть частью хорошо организованного процесса, когда задаются рамки – это помогает мне быть эффективным» ($U = 992,5$, $p = 0,047$). Это вполне соответствует предположению о том, что «встроенность» в городской механизм приверженцами жизни в мегаполисе оценивается как благо.

Удовлетворенность жизнью

Уровень удовлетворенности жизнью в группе 1 оказался выше, чем в группе 2. Респонденты группы 1 отмечают, что их жизнь скорее близка к идеалу ($U = 1276,0$, $p = 0,000$), довольны ее условиями ($U = 1131,5$, $p = 0,000$) и

удовлетворены жизнью в целом ($U = 1335,0$, $p = 0,001$). При этом результаты в группе 1 не имеют статистически значимых различий с показателями в группе 3. То есть, наибольшая удовлетворенность жизнью наблюдается у приверженцев либо городской, либо загородной жизни; у тех, кто недоволен жизнью в городе, но уезжать за город не планирует, менее удовлетворены своей жизнью. Результаты показателей по *Шкале субъективного счастья* и *Теста смысложизненных ориентаций* не показали значимых различий между группами 1, 2 и 3.

Результаты исследования

Гипотеза №1 о том, что значимые и памятные ностальгические переживания (воспоминания, актуализирующие опыт счастливых, радостных светлых, безвозвратно ушедших моментов прошлого) у приверженцев загородной и городской жизни имеют различное содержание, находила подтверждение на каждом из этапов исследования (результаты сравнения средних показателей, корреляционный анализ, сравнение показателей шкал между двумя выборками). У респондентов, которые переехали жить за город или собираются переехать, наиболее значимые ностальгические переживания чаще связаны с опытом загородной жизни, что подтверждает нашу гипотезу №2.

Предположение о том, что у приверженцев загородной жизни уровень суверенности выше, чем у городских жителей (гипотеза №3), по большинству вопросов опросника подтвердилась лишь на уровне возможной тенденции. Под суверенностью мы подразумеваем аутентичность «собственного бытия, создание либо принятие обстоятельств своей жизни, уверенность человека в том, что он поступает согласно собственным желаниям и убеждениям, а не следуя логике обстоятельств и воле других людей» (Нартова-Бочавер, 2008, с. 163). Исключение составили два вопроса (о значимости «заботы», организуемой мегаполисом, и о влиянии мегаполиса на организацию и эффективность деятельности), где различия между 1 и 3 группой респондентов были статистически значимыми. Это вполне соответствует предположению о том, что «встроенность» в городской

механизм приверженцами жизни в мегаполисе оценивается как благо (Виноградская, 2018, 2019).

Примененные нами методы не позволили выявить различия в показателях осмысленности жизни (гипотеза №4). Возможно, что опросы и тесты ориентирующие респондентов на ответы, которые отвечают критериям социальной желательности (Бусыгина, 2013), включая способы предъявления себя и своего мира, апеллируют к дискурсивным ценностям и не позволяют раскрыть индивидуальные личностные смыслы. В этом плане отсутствие расхождений в позиционировании себя как счастливого и целеустремленного человека, ведущего осмысленную жизнь, у приверженцев городской и загородной жизни представляется обусловленным принадлежностью всех участников исследования культуре мегаполиса, в которой целеустремленность и руководство собственной жизнью являются чем-то самым собой разумеющимся. Имплицитные смыслы, связанные с выбором горожанином загородной жизни, в том числе имеющие отношение к субъективному счастью и смысложизненным ориентациям, остаются вне обнаружения и требуют иных, более тонких инструментов исследования в русле качественной методологии (Кретьова, Воловикова, 2022).

Краткий анализ образной сферы ностальгии показывает, что за небольшим исключением эта сфера насыщена явлениями природного мира. Даже в случаях, когда респондент помещает наиболее значимое ностальгическое переживание в рамки темы, напрямую не связанной с природным миром, феномены этого мира присутствуют в переживании, со-конституируют переживание. Дальнейшие исследования, в которых была бы задана большая произвольность в описании респондентами значимых для них образов, на наш взгляд, были бы полезны для понимания роли природного мира в том, как складывается и как интерпретируется личностью ностальгическое переживание (Кретьова, 2022а).

Гипотеза №5 о том, что показатели удовлетворенности жизнью у приверженцев города и загорода не будут иметь статистически значимых различий, подтвердилась, что соответствует результатам исследования субъективного переживания «бытия собой» (Кретьова, 2020в), которое не выявило

значимых различий между показателями уровня актуализации/самоактуализации у приверженцев города и у респондентов, для кого загородная жизнь стала смыслообразующим пространством, в котором возможна «истинная, аутентичная самоактуализация в современных условиях» (Колпачников, 2018, с. 109). И показатели удовлетворенности жизнью, и показатели уровня актуализации/самоактуализации были ниже в «средней» группе – у респондентов, которые тяготеют к загородной жизни, но предпочитают жить в большом городе.

Предположение о том, что на определенном возрастном этапе могут превалировать ностальгические воспоминания определенной направленности (гипотеза №6), нашло свое подтверждение. В юношеском возрасте, на этапе становления, когда человек преодолевает трудности, связанные с отделением от семьи, на первый план выходят ностальгические переживания, связанные с людьми, которые поддерживали и проявляли заботу. Ностальгические воспоминания, связанные с путешествиями, посещением новых мест, могут быть связаны как с ушедшей беззаботностью детства и юности, так и с воображаемыми, реконструируемыми когнитивно событиями (Сапогова, 2019). Невысокие показатели ностальгии по любимому человеку, более характерной для молодежи прежних «романтических» поколений, соответствует выводам современных исследований, в которых обращается внимание на современную тенденцию прагматизма и дефицит влюбленности в отношениях юношей и девушек (Хорошилов, Мельникова, 2019).

Актуализация воспоминаний «о том, каким я был в детстве или юности», о природе, о мире, который окружал на даче или в деревне, на наш взгляд, связана с обострением вопроса о своей идентичности и аутентичности, с характерными для среднего возраста верификацией и критикой ранее избранной направленности жизни, особым вниманием к бытийности. В группе бывших горожан респонденты возраста 45-65 представлены максимально (68,89%), что также может указывать решение вопроса о своей бытийности, подлинности в контексте ностальгического опыта загородной жизни, связывание прошлого, настоящего и будущего (Кретова, 2022а).

У людей пожилого возраста ностальгические переживания носят всеобъемлющий характер, охватывают всю жизнь, ее радостные события и утраты. Таким образом, можно предположить, что для юношества ностальгические воспоминания служат поддержкой в становлении, для людей средних лет они связаны с вопросом о своей аутентичности, критическим осмыслением направленности своей жизни, для пожилых людей ностальгия – способ собрать воедино все лучшее, совладание с конечностью жизни. На любом этапе очевидна работа ностальгического переживания, Мы видим, что воспоминания становятся переживанием – работой переживания, связанной с обретением направленности и осмысленности жизни.

Полученные нами результаты не подтверждают распространенного представления о том, что преобладающей темой ностальгического переживания является тоска о несбывшемся или о том, «как было раньше». При этом мы видим, что тематика праздников и церковно-общинной жизни (пункты социально-ориентированного опросника «Nostalgia Inventory»), неактуальны для ностальгических воспоминаний наших соотечественников.

Опросник «Nostalgia Inventory» был модифицирован нами в соответствии с задачами нашего исследования. Включение нами в опросник тем «природа, явления природы, времена года» и «Мир, который окружал вас на даче или в деревне» не только показало весомое присутствие этих тем в ностальгических воспоминаниях всех респондентов, но и позволило обнаружить их особую ценность для респондентов среднего и старшего возраста. Оценивая достоверность полученных ответов, мы опираемся в том числе на эмоциональную значимость вопросов о ностальгии, которые не сопряжены с социальной желательностью определенных ответов или с преобладающими ценностными дискурсами.

Выдвинутое предположение о том, что ностальгические воспоминания конституируются образами, связанными с природой (гипотеза №7), подтвердилось: природные феномены – деревья, солнечные блики, звездное небо, запах хлеба, шум падающей воды – становятся чувственной тканью для

ностальгических воспоминаний. Мы видим, что благотворное воздействие ностальгического воспоминания на психологическое благополучие человека включает в себя связь с природой и природными местами, подтверждаемую большим количеством исследований в области психологии среды, приведенных и проанализированных нами в первой главе.

Ограничения. Выборка респондентов в данном исследовании представлена взрослыми жителями больших городов, в основном это жители Москвы, Петербурга, Московской и Ленинградской областей. Мы не стремились получить выборки респондентов, сбалансированные в гендерном или возрастном отношении, или равную представленность в группах приверженцев городской и загородной/сельской жизни; это дало нам возможность оценить добровольную вовлеченность респондентов (кто в большей или меньшей степени проявил интерес к исследованию и захотел ответить на вопросы анкеты). Собранные данные о ностальгических переживаниях актуальны для настоящего времени; исследование не позволяет ответить на вопрос об устойчивости того или иного переживания у одного человека на протяжении его жизни, равно как и об исторической устойчивости и изменчивости большинства из представленных в исследовании тем ностальгических воспоминаний (Кретьова, 2022а).

3.3.2 Исследование «Ностальгическое переживание, аутентичность, непрерывность самовосприятия у приверженцев городской и загородной жизни»

Данное исследование базируется как на результатах предыдущего исследования, так и на результатах анализа современных психологических исследований ностальгии, ее смыслообразующей связанности с аутентичностью и непрерывностью самовосприятия во времени, анализом средовых исследований значимых/личных мест, средовой идентичности, работ в области социологии, посвященных связанности идентичности с растениями или ландшафтом.

Задачи исследования: получить представление о связанности ностальгического переживания, аутентичности, благоговения (*awe*) у городских и

загородных жителей; верифицировать результаты о различиях содержания наиболее значимых ностальгических воспоминаний у приверженцев городской и загородной жизни, полученные в предыдущем исследовании; выявить различия показателей аутентичности, благоговения, непрерывности самовосприятия между выборками респондентов; выявить возможные тенденции в полученных результатах.

В рамках данного исследования нами были выдвинуты следующие предположения:

1. Наиболее значимые и памятные ностальгические переживания (воспоминания, актуализирующие опыт счастливых, радостных светлых моментов прошлого) у приверженцев загородной и городской жизни имеют различное содержание (верификация результатов предыдущего исследования).
2. У приверженцев загородной жизни ностальгические переживания чаще сопряжены с опытом загородной/сельской жизни, чем у приверженцев жизни в городе (верификация результатов предыдущего исследования).
3. Показатели аутентичности у приверженцев загородной и городской жизни не имеют достоверных различий и выше показателей респондентов, которые недовольны городом, но переехать за город не планируют.
4. Показатели уровня переживания своей подлинности и уровня благоговения перед миром выше в группе приверженцев загородной жизни.
5. Показатели аутентичности, благоговения, способности следовать подлинному Я и ностальгических воспоминаний о загородном мире и природе коррелируют друг с другом.
6. Суверенность приверженцев загородной жизни выше, чем приверженцев городской жизни (апробация нового опросника).
7. Загородный мир или природа являются наиболее частым контекстом (фоном) опыта «бытия собой», переживания подлинности – психологического состояния аутентичности.

Исследование было проведено в один этап (лето 2022 года), в нем приняли участие 122 респондента. В продолжение предыдущего исследования мы

формировали четыре группы респондентов: «Приверженцы городской жизни», «Приверженцы жизни за городом» (переехали за город или готовятся к переезду), «Переехали за город или готовятся к переезду», «Сельские жители, не переезжавшие в город».

Анкета включала разделы: «Аутентичность», «Ностальгические воспоминания», «Подлинное Я и Благоговение», «Непрерывность самовосприятия», «Суверенность».

а) *Раздел «Аутентичность».* Нами использовалась «Шкала аутентичности» С. К. Нартовой-Бочавер, которая включает 11 вопросов, распределенных между субшкалами «Аутентичная жизнь» (обратное шкалирование), «Подверженность внешнему влиянию», «Самоотчуждение» (Нартова-Бочавер и др., 2020). Оценка проводилась по семибалльной шкале Ликерта, где один балл соответствует ответу «Ко мне это не относится», а семь баллов ответу «Мне это очень близко».

б) *Раздел «Ностальгические воспоминания».* Были отобраны 11 тем из предыдущего исследования тематического содержания ностальгических воспоминаний, получившие наиболее высокие оценки респондентов (результаты сравнения средних и медиан). Вопрос к темам не менялся: «Если считать, что ностальгические воспоминания – это воспоминания о радостных, светлых моментах жизни, что миновали безвозвратно: с чем эти воспоминания связаны для вас в наибольшей степени?» (использовался опросник К. Batcho «Nostalgia Inventory» (Batcho, 1995). Оценка проводилась по девятибалльной шкале Ликерта, где один балл соответствует ответу «Я нисколько об этом не тоскую», а девять баллов ответу «Эти воспоминания для меня очень памятливы и значимы».

в) *Раздел «Подлинное Я и Благоговение»* включал Шкалу аутентичности в отношениях и множественных контекстах (Authenticity in Relationships Scale–Multiple Contexts, которая оценивает аутентичность в контексте отношений с другими значимыми людьми (Robinson et al., 2013), три вопроса теста Dispositional Awe Subscale (Jiang, Sedikides, 2021), измеряющих восприятие устремленности к подлинному Я. Оценка проводилась по девятибалльной шкале

Ликерта, где один балл соответствует ответу «Я нисколько об этом не тоскую», а девять баллов ответу «Эти воспоминания для меня очень памятливы и значимы».

В подраздел «*Благоговение*» вошли вопросы теста Dispositional Awe Subscale (Jiang, Sedikides, 2021), направленные на измерение уровня благоговения перед окружающим миром. Оценка проводилась по семибалльной шкале Ликерта, где один балл соответствует ответу «Абсолютно не согласен», а семь баллов ответу «Полностью согласен».

г) Раздел «*Непрерывность самовосприятия*» вошли четыре вопроса методики Методика Self-Continuity items К. Седикидеса (Sedikides et al., 2015), направленные на оценку непрерывности сознания собственного Я во времени и модифицированный тест Self-continuity Scale, устанавливающий степень связанности с прошлым или будущим в контексте непрерывности самовосприятия (Callizo-Romero, 2022; Ersner-Hershfield, 2009; Rutt, Löckenhoff, 2016).

д) Раздел «*Суверенность*» включал 10 вопросов, сформулированных нами с учетом результатов предыдущего исследования с целью сравнить показатели суверенности в выборках респондентов. Оценка проводилась по семибалльной шкале Ликерта, где один балл соответствует ответу «Ко мне это не относится», а семь баллов ответу «Мне это очень близко».

Для удобства предъявления результатов мы пронумеровали группы респондентов аналогично нумерации в предыдущем исследовании и указали процентное соотношение (Рис. 10). Данные группы респондентов, которые идентифицировали себя как «Сельские жители, не переезжавшие в город» (группа 4) в виду незначительной представленности (2 участника) были исключены из исследования (не обрабатывались и не сопоставлялись с данными других групп).

Гендерное соотношение участников опроса: мужчины – 29,2%, женщины – 70,8%. Наибольшую представленность получили возрастные группы 30-45 лет (43,3%) и 45-65 лет (45,8%); наименьшую – возрастные группы 15-30 лет (6,7%) и 65 и более лет (4,2%); таким образом результаты опроса были в основном сформированы ответами респондентов среднего возраста.

Рисунок 10. Группы респондентов в зависимости от их приверженности городской и загородной жизни (N = 120)

Темы значимых ностальгических воспоминаний

Сравнение средних и медиан показало, что загородный мир (мир, который окружал на даче или в деревне) и природа как тема ностальгии наиболее значимы в группах 2 и 3, поездки и путешествия в группе 1 и 2, что соответствует результатам предыдущего исследования. Показатель значимости воспоминаний о семье в группе 3 несколько снизился (предположительно из-за незначительной представленности респондентов возрастной группы 65+), показатели значимости воспоминаний о значимом взрослом в группе 1 также остались высокими (Табл. 9).

При сравнении групп приверженцев городской и загородной жизни в целом подтвердились результаты предыдущего исследования, выявляющие статистически значимые различия между этими группами. Наиболее значимые различия по-прежнему относятся к темам «Мир вокруг на даче, в деревне» и «Природа, времена года» (Табл. 10).

Таблица 9. Сравнение средних показателей значимости тем ностальгических воспоминаний в группах приверженцев городской и загородной жизни

Содержание/темы значимых ностальгических воспоминаний	Группа 1			Группа 2			Группа 3		
	$\bar{x}$	Me	SD	$\bar{x}$	Me	SD	$\bar{x}$	Me	SD
Ваша семья	6,35	7	2,503	6,50	7	2,133	6,78	7	2,173
Значимый взрослый	6,91	8	2,343	7,64	8	1,462	6,26	6	2,359
Музыка, песни	6,29	7	2,387	6,10	7	2,428	7,00	7	1,679
Мир вокруг на даче, в деревне	6,16	7	2,299	7,10	8	2,010	7,87	8	1,817
Человек, которого вы любили	6,40	7	2,393	6,07	6,5	2,512	6,26	6	2,580
Друзья	6,00	7	2,411	5,69	5,5	2,170	4,78	5	2,430
Ваши занятия, труды, творчество	6,45	7	2,251	6,19	6	2,361	6,07	7	2,354
Вы в детстве и юности	5,91	7	2,584	5,74	5	2,623	5,48	6	2,129
Природа, времена года	6,60	7	2,314	7,02	7	2,018	8,22	9	1,380
Поездки и путешествия	6,95	8	2,129	7,50	8	1,838	5,85	6	2,581
Ваш дом	6,25	7	2,162	6,71	7	2,016	6,48	6	1,951

Примечание: (в таблице выделены показатели значимости тем ностальгических воспоминаний, где $Me_{группа} \geq 7,5$, и соответствующие им средние значения, а также показатели значимости тем, где средние значения $\geq 7,00$ и соответствующие им медианы группы).

Таблица 10. Оценка различий тематического содержания ностальгических воспоминаний в группах приверженцев городской и загородной жизни

Группы	Переменные	p	U Манна-Уитни
Группа 1 < Группа 3	Мир, окружавший на даче или в деревне	0,000**	307,500
Группа 1 < Группа 3	Проявления природы	0,001**	448,500
Группа 1 > Группа 3	Друзья	0,042*	330,500
Группа 1 > Группа 3	Поездки и путешествия	0,087	479,000

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,005$.

Аутентичность

Данные статистического анализа выявили следующие значимые различия (U Манна-Уитни): в группе горожан, которые недовольны городом, но не планируют переезда, показатели шкал «Самоотчуждение», «Принятие внешнего влияния» выше, чем у приверженцев загородной жизни, которые демонстрируют более высокие показатели по шкале «Аутентичная жизнь». При сравнении групп приверженцев загородной и городской жизни последние также демонстрируют более высокие показатели по шкале «Самоотчуждение».

Между 1 и 2 группами статистически значимых различий не выявлено. Согласно полученным результатам, по всем трем субшкалам горожане, которые живут за городом постоянно или готовятся к переезду, оценивают свою аутентичность выше, чем городские жители – приверженцы мегаполиса и те, тяготеет к жизни за городом, но переезжать не собирается (Табл.11).

Таблица 11. Сравнение показателей аутентичности между группами

Группы	Переменные	p	U Манна-Уитни
Группа 2 > Группа 3	Самоотчуждение	0,005**	279,000
Группа 2 > Группа 3	Принятие внешнего влияния	0,049*	340,000
Группа 2 < Группа 3	Аутентичная жизнь	0,017*	309,500
Группа 1 > Группа 3	Самоотчуждение	0,02*	425,500

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,005$.

Подлинное Я и Благоговение

Подраздел «Подлинное Я» содержал следующие утверждения:

Я испытываю необходимость стремиться к своему подлинному Я

Я чувствую себя взволнованным, ощущая свое подлинное Я

Я чувствую себя способным следовать своему подлинному Я

Я чувствую себя наиболее настоящим, тем, кто я есть, когда я нахожусь:

- *С семьей, с близкими*

- *Наедине с собой*
- *С любимым человеком*
- *На природе: рядом с деревьями, в саду, под звездным небом и пр.*
- *С хорошими друзьями*
- *С коллегами-единомышленниками*

Подраздел «Благоговение» содержал следующие утверждения (для сравнительного анализа данные баллы были суммированы):

Я часто испытываю благоговейный трепет.

Я вижу красоту вокруг себя.

Я испытываю удивление почти каждый день.

Меня восхищает, как дивно устроен мир.

У меня есть много возможностей созерцать красоту природы.

Мне важны опыт и переживания, которые позволяют приблизиться к пониманию мироустройства.

Результаты сравнения средних и медиан отчетливо указывают, что респонденты всех групп ощущают себя «наиболее настоящими», когда находятся наедине с собой или на природе (Табл. 12). И приверженцы жизни в мегаполисе, и загородные жители испытывают необходимость стремиться к своему подлинному Я, однако, способными следовать подлинному Я в наибольшей степени ощущают себя приверженцы загородной жизни.

Таблица 12. Сравнение средних показателей «Подлинное Я» и «Благоговение» в группах респондентов

Подраздел «Подлинное Я»	Группа 1			Группа 2			Группа 3		
	$\bar{x}$	Me	SD	$\bar{x}$	Me	SD	$\bar{x}$	Me	SD
Испытываю необходимость стремиться к своему подлинному Я	7,05	7	2,076	7,67	8	1,706	7,83	8	1,302
Чувствую себя взволнованным, ощущая свое подлинное Я	5,69	6	2,268	6,60	7	1,976	7,35	7	1,748
Чувствую себя способным следовать своему подлинному Я	6,60	7	1,791	6,26	6,5	2,068	7,26	8	1,839

Продолжение таблицы 12

Подраздел «Подлинное Я» Я чувствую себя наиболее настоящим, когда нахожусь:	Группа 1			Группа 2			Группа 3		
	$\bar{x}$	Me	SD	$\bar{x}$	Me	SD	$\bar{x}$	Me	SD
С семьей, с близкими	6,15	6	2,305	6,33	7	1,361	6,74	7	1,453
Наедине с собой	7,78	8	1,560	8,00	8	1,975	7,87	9	2,242
С любимым человеком	6,82	7	1,954	7,05	7	1,906	6,74	6	1,912
На природе	7,40	8	1,842	7,98	9	1,632	8,65	9	0,714
С хорошими друзьями	6,73	7	2,041	6,86	7	2,623	5,65	5	2,367
С коллегами-единомышленниками	5,78	6	2,041	5,93	7	1,892	4,04	4	2,121
Подраздел «Благоговение»	30,87	32	6,971	31,95	32	5,926	36,74	37	4,474

Примечание: (в таблице выделены показатели шкалы «Подлинное Я», где $Me_{группа} \geq 7.5$, и соответствующие им средние значения, а также показатели со средним значением ≥ 7.00 и соответствующие им медианы группы).

Сравнительный анализ уровней показателей в выборках (H -критерий Краскелла-Уоллиса) указывает на то, что основные различия между выборками связаны с оценкой утверждений «Я чувствую себя взволнованным, ощущая свое подлинное Я» ($H = 12,413$, $p = 0,002$), «Я чувствую себя способным следовать своему подлинному Я» ($H = 7,706$, $p = 0,021$), «Я чувствую себя собой на природе» ($H = 12,142$, $p = 0,002$) и «Благоговение» ($H = 15,808$, $p = 0,000$).

Попарное сравнение выборок дает представление о степени статистической значимости выявленных различий (Табл. 13). Уровень взволнованности переживанием своего Я и уровень благоговения перед миром выше в группе приверженцев загородной жизни. Также в этой выборке (группа 3) наиболее высокие показатели «Я чувствую себя собой на природе» в сравнении с другими шкалами, а группы 1 и 2 значимо отличаются от группы 3 высоким показателем по шкале «Я чувствую себя собой с коллегами-единомышленниками».

Таблица 13. Сравнение показателей «Подлинное Я» и «Благоговение»

Группы	Переменные	p	U Манна-Уитни
Группа 1 < Группа 3	Чувствую себя взволнованным, ощущая свое подлинное Я	0,001	326,500
Группа 1 < Группа 3	Чувствую себя наиболее настоящим на природе	0,001	360,000
Группа 1 > Группа 3	Чувствую себя наиболее настоящим с коллегами-единомышленниками	0,003	359,500
Группа 1 < Группа 3	Переживание благоговения	0,000	282,000
Группа 2 < Группа 3	Переживание благоговения	0,001	245,500
Группа 2 < Группа 3	Чувствую себя способным следовать своему подлинному Я	0,004	277,000
Группа 2 > Группа 3	Чувствую себя настоящим с коллегами-единомышленниками	0,001	241,000
Группа 2 > Группа 3	Чувствую себя наиболее настоящим с хорошими друзьями	0,051	343,500
Группа 1 < Группа 2	Чувствую себя взволнованным, ощущая свое подлинное Я	0,045	883,000
Группа 1 < Группа 2	Чувствую себя наиболее настоящим на природе	0,025	868,500

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,005$.

Непрерывность сознания своего Я

Критерий Краскел-Уоллиса указывает на статистически значимую разницу между группами в ответе на вопрос «Насколько настоящее и будущее Я различаются?» ($N = 6,105$, $p = 0,047$). Приверженцы загородной жизни полагают, что их Я мало изменилось по сравнению с прошлым и незначительно изменится в будущем – в попарном сравнении выборок было обнаружено статистически значимое различие между 2 и 3 группой: «Насколько настоящее и будущее Я различаются?» ($U = 336,000$, $p = 0,039$), «Насколько прошлое и настоящее Я различаются?» ($U = 331,000$, $p = 0,033$). Можно допустить, что бывшие горожане ощущают определенную завершенность, окончательность своего Я и не испытывают потребности в поиске себя и своего места в мире.

Суверенность

Сформулированные в данном исследовании вопросы, направленные на оценивание суверенности, позволили выявить больше, нежели в рамках

предыдущего опроса, статистически значимых различий между выборками (Табл. 14). Различия предполагают более высокий уровень суверенности у приверженцев загородной жизни. В таблице приведены переменные, которые позволяют составить представление о возможном психологическом содержании суверенности, на которое опираются загородные жители в своем решении уехать из города и в своей устойчивости в загородной жизни. Соответственно можно предположить, что горожан, которых привлекает загородная жизнь, но переезд не планируется, эти переменные «удерживают» в мегаполисе или придают ценность городской жизни.

Таблица 14. Сравнение показателей «Суверенность»

Группы	Переменные	p	U Манна-Уитни
Группа 1 > Группа 3	Мне важно, когда есть система, берущая на себя те или иные заботы (медицинские, коммунальные, безопасности и пр.) и я не трачу на это свое личное время	0,007**	390,500
Группа 2 > Группа 3		0,040*	336,000
Группа 1 > Группа 3	Мне нравится быть включенным в мир, отзываться на предложения о работе, участии в чем-то проекте	0,002**	360,500
Группа 2 > Группа 3		0,014*	307,000
Группа 1 < Группа 3	В целом я сторонник того, чтобы быть независимым от внешних ресурсов (устройства и технологии, энергия, питание, работа, доход), хотя это и непросто	0,006**	382,500
Группа 2 < Группа 3		0,105	366,500
Группа 1 < Группа 3	Я предпочту проблемы и трудности, связанные с уединением и независимостью, чем связи с людьми или проектами, которые меня обязывают и могут повлиять на мою свободу	0,000**	311,500
Группа 2 < Группа 3		0,005**	281,500
Группа 1 < Группа 3	Чтобы чувствовать себя свободным, мне прежде всего нужно отсутствие возможного влияния или вмешательства других людей	0,031*	441,000
Группа 2 < Группа 3		0,054	346,000

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,005$.

Корреляционный анализ

Корреляционный анализ Спирмена выявил ряд статистически значимых корреляций между переменными. В таблице 15 приведены данные с наиболее высоким показателем статистической значимости.

Таблица 15. Результаты корреляционного анализа Спирмена

Темы ностальгических воспоминаний	Подлинное Я и Благоговение	p
Семья	Чувствую себя наиболее настоящим с семьей	0,004
Загородный мир	Испытываю необходимость стремиться к подлинному Я	0,000
Загородный мир	Чувствую себя наиболее настоящим на природе	0,000
Загородный мир	Переживание благоговения	0,000
Проявления природы	Испытываю необходимость стремиться к подлинному Я	0,009
Проявления природы	Чувствую себя способным следовать подлинному Я	0,003
Проявления природы	Чувствую себя наиболее настоящим на природе	0,000
Проявления природы	Переживание благоговения	0,000
Аутентичность и Благоговение	Аутентичность и Подлинное Я	p
Принятие внешнего влияния	Самоотчуждение	0,000
Аутентичная жизнь	Чувствую себя способным следовать подлинному Я	0,000
Переживание благоговения	Аутентичная жизнь	0,000

Результаты очерчивают смысловое пространство личности, в котором значимые ностальгические воспоминания связаны с загородным миром и природой, с пережитым восхищением и благоговением, опытом бытия собой, что побуждает стремиться к подлинности. Переживание природы в этом пространстве сцеплено с переживанием аутентичности, подлинности своего Я, и с переживанием благоговения перед окружающим миром, и это переживание усиливает способность личности следовать подлинному Я. Можно предположить, что установленные психологические взаимосвязи на уровне феномена открывают себя как стремление горожанина переехать за город или в сельскую местность и как его способность сохранять устойчивость в избранном образе жизни.

Корреляция между этими переменными соответствует результатам эмпирических исследований аутентичности, благоговения, непрерывности сознания своего Я; при этом значительная часть этих исследований проводилась как изучение характеристик ностальгического переживания и в том числе его экзистенциального содержания (Sedikides, 2006; Baldwin, Biernat, Landau, 2015; Hepper et al., 2012; Wildschut, Sedikides, Robertson, 2018; (Sedikides et al., 2015; Hong, Sedikides, Wildschut, 2020) и др.

Результаты исследования

Данное исследование подтвердило вывод, сделанный в предыдущем исследовании: «наиболее значимые и памятные ностальгические переживания у приверженцев загородной и городской жизни имеют различное содержание». У приверженцев загородной жизни ностальгические переживания чаще сопряжены с опытом загородной/сельской жизни, чем у приверженцев жизни в городе. Таким образом гипотезы №1 и №2 данного исследования подтвердились.

Гипотеза №3 о том, что показатели аутентичности у приверженцев загородной и городской жизни не имеют достоверных различий и выше показателей респондентов, которые недовольны городом, но переехать за город не планируют, не подтвердилась: было выявлено, что показатели аутентичности выше у приверженцев загородной жизни, а у горожан, независимо от их интереса к загороду, они не имеют статистически значимых различий. Гипотеза основывалась на результатах эмпирического сравнения самоактуализации у приверженцев городской и загородной жизни (Кретьова, 2020в) и на результатах теста ТСЖО, полученных в предыдущем исследовании. Можно предположить, что данные результаты свидетельствуют о важном различии психологического содержания аутентичности и самореализации.

Показатели уровня переживания своей подлинности и уровня благоговения перед миром оказались выше в группе приверженцев загородной жизни, что подтвердило гипотезу №4.

Ключевым результатом исследования являются установленные взаимосвязи: аутентичность, благоговение, способность следовать подлинному Я

и ностальгические воспоминания о загородном мире и природе коррелируют друг с другом (гипотеза №5).

Результаты опроса «Суверенность» позволяют прийти к заключению, что суверенность приверженцев загородной жизни выше, чем приверженцев городской жизни (гипотеза №6). Тем не менее, данный вывод требует более основательного подтверждения. При валидации Шкалы аутентичности было выявлено, что показатели Аутентичная жизнь коррелируют с Самостоятельностью и Трансцендентностью (Нартова-Бочавер и др., 2020), что по своей сути соответствует связанности аутентичности с суверенностью и благоговением.

В целом результаты исследования подтверждают наше предположение о том, что загородный мир или природа являются наиболее частым контекстом (фоном) опыта «бытия собой», переживания подлинности – психологического состояния аутентичности (гипотеза №7).

Краткие выводы третьего этапа исследования

Гипотезы диссертационного исследования, проверяемые на третьем этапе данной работы, подтвердились. Содержание значимых ностальгических воспоминаний горожан различается в зависимости от их приверженности загородной или городской жизни: значимые ностальгические воспоминания бывших горожан связаны с опытом загородной жизни и природы. Показатели аутентичности у приверженцев городской и загородной жизни различаются и коррелируют с содержанием значимых ностальгических переживаний и связанностью с природой.

Полученные в исследовании данные позволяют сделать вывод о том, что доминирующая тематика ностальгии соответствует задачам личностного становления и экзистенциальным задачам, решаемым на определенном возрастном этапе.

Независимо от своего тематического содержания, ностальгические воспоминания респондентов всех возрастных групп «бытийны» – конституируются природными образами.

Ностальгические воспоминания о загородном мире и природе, аутентичность, благоговение (восхищение окружающим миром), способность следовать подлинному Я имеют психологическую взаимосвязанность друг с другом.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование жизненного мира бывших горожан, его смысловой структуры, ностальгического переживания, сопряженного с загородной жизнью и природой, показывает, что изучаемая психологическая реальность не сводится к буколическому уюту, противопоставляемому городскому хаосу, или к современным формам социального противопоставления города и деревни.

Жизненный мир бывших горожан с его «двойным» онтологическим основанием (город и загород) изначально содержит в себе динамизм, который дает о себе знать на разных уровнях психологической реальности. Меняются средовые и социальные условия, этапы жизненного пути, на которых смысловая весомость и возможность переезда за город или в сельскую местность обретает разные значения. Обретение подлинности в избранной загородной жизни также не завершает поиск значимых смыслов, ответов на экзистенциальные вопросы.

Бывший горожанин (иногда это бывший сельский житель, некогда перебравшийся в мегаполис, но чаще – уроженец города) нередко привносит в загородную жизнь внутреннюю необходимость смотреть на себя в своем мире «со стороны», обозначать свои переживания, называть смыслы, делиться этими смыслами. Смыслы его жизненного мира трансцендируются: выходят за пределы и загородной жизни, и фактически проживаемой жизни.

Обращение к природе, саду, загородной жизни как к пространству, в котором разворачивается поиск жизненного смысла, ответов на экзистенциальные вопросы человека, зачастую имеет место в эпоху перемен, системных изменений в обществе. Этот поиск находит отражение в текстах философов и мыслителей, в литературе и кинематографии, в личных свидетельствах людей; эти работы и свидетельства стали отправной точкой в нашем исследовании. И здесь мы видим, что в самые разные времена, от античности до наших дней, смысловая картина загородного мира остается практически неизменной в своей основе, онтологически незыблемой. Как показывает исследование, она даже может быть «наследуемой», «узнаваемой» и «передаваемой», поскольку в опыте личности она

как правило конституируется детскими переживаниями счастья, свободы, самостоятельности, и эти переживания неразрывно связаны с окружающим миром природы, который восхищает и пробуждает познавательный интерес, и ненавязчивой поддержкой Другого. Этот опыт загородной жизни, запечатленный как опыт подлинности, хранится в значимых ностальгических воспоминаниях и на определенном этапе жизни может становиться внутренней опорой для переезда в деревню или за город. В то же время мы допускаем, что опорой могут быть и «заимствованные» ностальгические переживания (Сапогова, 2019), возникшие не в результате собственного опыта, но в результате переживания, вызванного описанием чужого опыта.

Благотворное влияние природной, загородной, сельской среды на городского жителя отмечается многими учеными, однако, исследовательские работы крайне редко затрагивают бытийный уровень психологической реальности, экзистенциальную проблематику. Непрерывная перекомпозиция наблюдаемых средовых и социальных феноменов, когда «оптическая близость настолько давяща и пестра, что загораживает общую панораму вещей», препятствует «схватывающему выявлению» (Виноградский, 2021) в исследованиях, препятствует пониманию сути изучаемых феноменов.

Эмпирические данные о жизненном мире бывших горожан малочисленны не только по причине малодоступности респондентов. Для психологического исследования этого мира, на наш взгляд, трудность создает и то обстоятельство, что современная психологическая наука – это наука горожан о городе: гипотезы, данные и результаты, которыми она оперирует, основаны преимущественно на исследованиях городского мира, выстраивающего ее предметно-понятийную сферу, язык, методы диагностики, включая построение и апробацию тестов и опросников. Другая проблема, связанная с изучением ценностей и смыслов личности – проблема социально довлеющего дискурса в обществе и науке, оказывающего прямое влияние на речь людей, на их формулирование ценного и значимого, и проблема «присвоения смыслов», подразумевающая, что жизненный

смысл сконструирован извне и задан людям, становясь препятствием для их обращения к собственному опыту и переживанию, к собственному смыслу.

Значимость исследования жизненного мира бывших горожан связана не столько с ростом «природной», «садовой», «загородной» тематики в гуманитарном поле, она соразмерна «дистанцией видения вещей» – эвристические перспективы его исследования масштабнее ситуативной актуальности, вызванной экологическим кризисом или пандемией. Благодаря пограничности этого мира (мир между городом и деревней) психические процессы и явления предстают в нем с особой выпуклостью, отчетливостью и одновременно в нем отражается та целостность взаимоотношений человека и мира, о которой писал С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 2012).

Обзор теоретических трудов показывает, что воззрения в философии и областях психологии, где жизненный мир лишен противопоставления субъектов и объектов (а это прежде всего субъектно-средовой и субъектно-бытийный подходы), отвечают феноменологии жизненного мира бывших горожан и становятся релевантным основанием в его изучении.

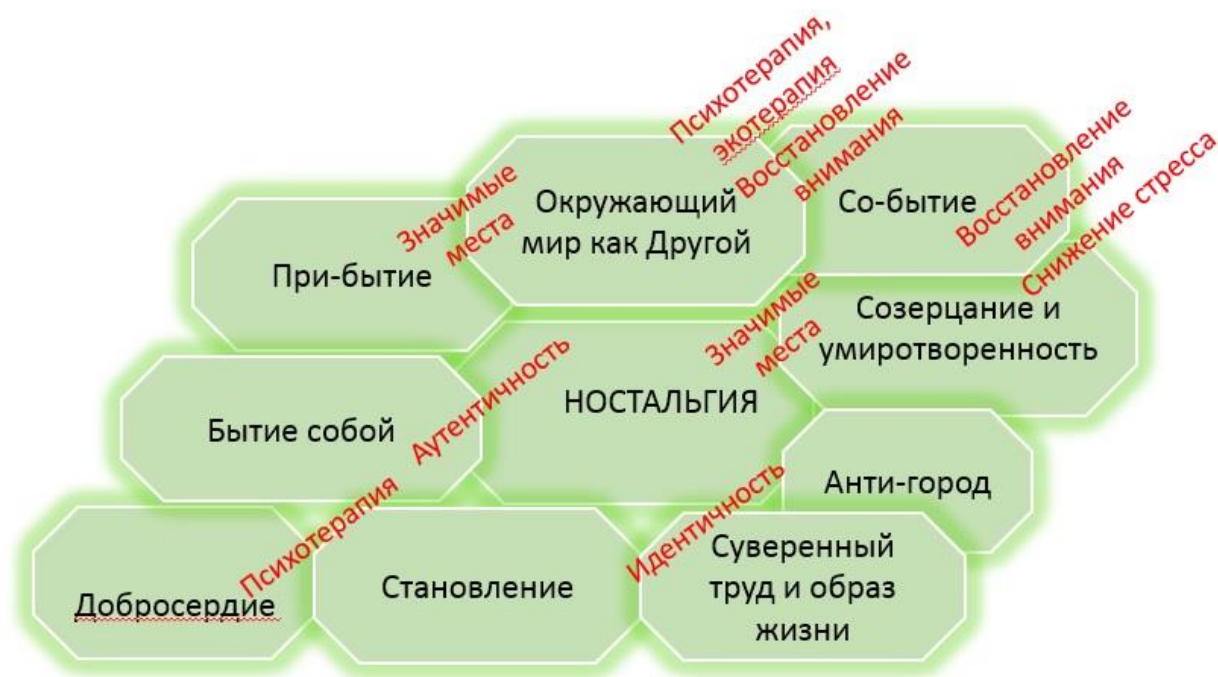
Осмыслить устройство жизненного мира бывших горожан помогают эмпирические и теоретические исследования, где изучение феноменологии загородной жизни горожан, их связи с природой, сельского мира подразумевает понимание различных контекстуальных уровней, в которых эти феномены оказываются проявленными.

В этой диссертационной работе мы придавали особую значимость теоретическому обзору и анализу современных эмпирических исследований. Для нас было важна перспектива, создаваемая не только тем, что изучено – новым психологическим знанием, полученным в рамках поставленных исследовательских задач, но и то, что являет себя, но не вписывается в рамки избранного контекстуального уровня.

Плодотворное изучение природной среды в психологической науке дает многогранную картину средовых факторов, оказывающих благотворное воздействие на человека. Эта картина органично вписывается в смысловую

структуру жизненного мира бывших горожан, которая была выявлена и описана в настоящем исследовании (Рис. 11).

Рисунок 11. Тематика современных исследований психологии среды и смысловая структура жизненного мира бывших горожан

Результаты наших исследований и наш обзор современных эмпирических работ позволяют отметить, что процесс обретения смысла (бытийный контекст) не является исключительно когнитивным процессом, результатом мыслительной работы, полученным инсайтом. Это целостный процесс, в котором играют свою роль и особенности среды (природа, родные места, уединение или иное достаточно вольное пространство), и особое, вызванное средовыми факторами протекание психических процессов: внимания, восприятия, воображения, воспоминания, мышления, кинестетических процессов, доступность мудрого Другого, физический труд, независимый и самостоятельный (Кретьова, 2021б).

Избранный нами подход к исследованию жизненного мира: сочетание феноменолого-герменевтического и историко-психологического метода в дизайне исследования и анализе данных, позволил дать «целостное описание мира

существования человека» (Гришина, 2018, с. 18), в нашем случае – бывшего горожанина, разноплановость и многомерность этого мира, но прежде всего – его бытийное измерение. Разработанный нами в целях данного исследования метод обобщения качественных данных, позволил проанализировать устойчивость и смысловой структуры жизненного мира во времени, ее историческую вариативность.

Результаты нашего исследования не дают оснований выделить предмет исследования, ностальгическое переживание, как ключевую смысловую категорию, что подразумевало бы причинно-следственную связь: ностальгическое переживание вызывает стремление жить за городом. Мы видим, что и само ностальгическое переживание в большинстве случаев вызвано имевшим местом опытом загородной жизни и природы. Кроме того, мы наблюдаем плотную корреляцию ностальгии с другими смысловыми темами в структуре жизненного мира бывших горожан. Так, результаты проведенных нами эмпирических исследований показали, что для приверженцев загородной жизни в большей степени чем для приверженцев жизни в городе имеют значение ностальгическое переживание, возможность ощущать себя собой, возможность суверенного труда, целостная включенность в пространство бытия – природу и сад.

И здесь мы также находим подтверждение в современных эмпирических исследованиях ностальгии, выводы которых говорят о взаимосвязях ностальгии, аутентичности, восхищения окружающим (природным) миром, и осмысленностью жизни. Значительная часть исследований ностальгии открывает ее благотворное воздействие на психические процессы, функции, на способность совладать с жизненными трудностями, не ее регулирующие, гомеостатические механизмы. Сопоставление эмпирики ностальгии с эмпирикой средовых и социальных исследований, позволяет заметить целый ряд интересных пересечений. Так, например, психология среды выделяет такие факторы природной среды как восстановление внимания и снижения стресса, а исследования ностальгии отмечают роль внимания в формировании ностальгических воспоминаний и способность ностальгии снижать стресс; об

«отбираемом» мегаполисом внимания как об отобранной субъектности говорят социологические исследования; тема идентичности интенсивно присутствует во всех приведенных областях психологических исследований.

В обзоре эмпирических работ обращает на себя внимание тенденция в исследовании ностальгии и аутентичности: от изучения личностных черт к изучению состояний (фактически подразумевается изучение переживаний). Исследователи отмечают необходимость качественных исследований, рассматривая качественную методологию как адекватный инструмент, который позволяет анализировать динамические явления. Наше исследование, на наш взгляд, показывает целесообразность сочетания количественных и качественных методов, которое не только дает возможность дополнительной верификации полученных результатов, но также помогает конкретизировать исследовательские задачи.

Тот факт, что значимые ностальгические воспоминания выстраиваются из образов природы, не нашел отражения в современных исследованиях, где превалирует акцент на социальном содержании ностальгии. Таким образом между психологическим знанием о ностальгии и психологическим знанием о природной среде существует разрыв, хотя само знание – результаты исследований – говорят об обратном. Наше исследование не только делает эту связь явной, анализируя накопленное психологическое знание, но и подтверждают и уточняют на материале собственных эмпирических процедур и выводов.

Перспективным для изучения представляется аффективный компонент аутентичности. В данном исследовании аутентичность в полученных результатах являет себя в большей мере как переживание (порой даже пиковое переживание), чем как черта или как предрасположенность, что сближает аутентичность с ностальгией и благоговением, аффективность которых в подавляющем большинстве случаев также коренится в опыте природы или загородной жизни. В то время можно предположить, что идентичность и самоидентификация, столь важные и характерные для городской среды, где человек выбирает для себя целый спектр ролей, в сравнении с аутентичностью в большей мере представляют собой

когнитивные усилия, процесс работы сознания, требующий размышлений, выбора, самоубеждения.

Благоговение, которое в психологической науке отчасти изучалось в контексте психоанализа, и в значительно большем объеме – в экзистенциальной психологии и в психологии эмоций (А. Маслоу, Дж. Стэлар и Э. Гордон, К. Шнайдер, Д. Кельтнер и Дж. Хайдт, Т. Цзян и К. Сидекидес), согласно исследованиям, с одной стороны, заставляет человека чувствовать себя частью чего-то значительно большего, и при этом стимулирует его стремление соответствовать своему истинному Я. То есть, склонность человека испытывать благоговение, например изумляться явлениям природы, связана с тем, насколько он хочет разобраться в себе и понять, кто он на самом деле.

Таким образом, в проведенном исследовании на эмпирическом уровне находит подтверждение феноменологическая концепция Хайдеггера о «размыкании» человека в природный мир и одновременно – в свою аутентичность. Это «размыкание» сопряжено со способностью следовать подлинному Я и переживать «себя-в-мире» через опыт благоговения, трансценденции, «захваченности» природной средой, и через значимые ностальгические воспоминания, которые в большинстве своем также конституируются образами природного мира и представляют собой острое переживание человеком своей подлинности.

Несмотря на выявленную в результате тематического анализа значимость суверенности в смысловой структуре жизненного мира бывших горожан (суверенного труда и образа жизни), нам не удалось достоверно ее подтвердить инструментами статистического анализа. Мы убеждены в актуальности изучения смыслового аспекта суверенности в жизненном мире бывших горожан (в том числе его связи с аспектом аутентичности), однако, дальнейшие исследования требуют большей методической проработки.

Один из ракурсов нашего исследования – феномен опосредованности утешения, в котором ключевую роль играет узнаваемость онтологической ностальгии (Кретьова, 2022б). Феномен открывает, как в едином психологическом

пространстве жизненного мира бывших горожан одновременно переживаются критические ситуации разных контекстуальных уровней – экзистенциальный кризис и стресс, тревога – и разными субъектами переживания: бывшим горожанином и городскими читателями его заметок о деревенской жизни. На наш взгляд, психологические исследования протофеноменов, прототипичного в сознании и бытии обладают высоким эвристическим потенциалом, а ностальгия, как психологический феномен, связанный с восприятием личного и исторического времени, непрерывности сознания своего Я, фокусирует в себе многие аспекты протофеноменального.

Представляется важным отметить, что изложение опыта загородной жизни – это «городская» особенность, отражающая работу сознания горожанина. Рикер полагал повествование конституирующим элементом исторического знания и концептуализации обретенного опыта. Он отмечал наличие определенных ожиданий в отношении содержания истории, предлагаемой вниманию Другого, и таким образом, на значимость опыта одного «я» для других «я»: вовлеченная субъективность ожидает объективности, человек ждет, что рассказываемая очень личная история будет нести себе нечто разделяемое в человечности, и таким образом поможет строить не только собственную субъективность, но и собственную человечность (Рикер, 2002).

Рассказ – это ожидание совпадения смысла истории и смысла сознания ее автора; события обретают смысл посредством действия слова; человек, говоря, полагает смысл (Там же). Рассказ реализует потребность человека в истине через нацеленность на нечто уже виденное, слышанное, испытанное познанное. Эта потребность заявляет о себе в момент узнавания, соединяющий времена. Рикер привлекает внимание к неоднозначности этого момента, задавая вопрос о том, является ли узнанное прошлое воспринятым прошлым или образом, который мы себе создаем. Он рассуждает об оппозиции воскрешения в памяти (непроизвольно, загадочно явившиеся воспоминания, *mneme*, являющиеся чувством) и вызывания/ разыскивания в памяти (*anamnesis*, который направляет свое действие против потока забвения). Вспоминать – значит не только

принимать, получать образ прошлого, но и искать его, «делать» что-то. Усилие по воспоминанию может привести либо к успеху, либо к поражению. Воображение обладает большой силой, потенциалом для изменений. Оно может показать, дать увидеть, заставить увидеть. Его присутствие в воспоминании делает воскрешаемый образ множественным (Рикер, 2004).

Выявленные возрастные аспекты в содержании ностальгических переживаний отражают картину жизненных поисков человека; переезд за город как выбор, характерный для среднего возраста, свидетельствует об о достаточной степени «прожитости» жизни, когда поворот от идентичности к аутентичности, собственные смыслы оказывается более значимыми, чем ценности мегаполиса.

Не будучи ключевым, ностальгическое переживание имеет особую генерализующую функцию: оно несет в себе образ, воспоминание о смыслах, конституирующих жизненный мир бывших горожан.

Ностальгическое переживание как созидание жизненного смысла – это не просто воспоминание прошлого, а работа переживания в настоящем, направленная в будущее. Созидаемые длительность и непрерывность Я у загородного жителя опираются с одной стороны на рассказ (сознание), а с другой на образы, переживание природного/загородного мира (бытие). Стоящая за «бегством за город» работа переживания, направленна на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием (Василюк, 1984). Загородная жизнь бывших горожан – пример, дающий возможность наблюдать, как рождаются и проверяются мечты и иллюзии, укореняются смыслы, как приходит понимание подлинного жизненного замысла (Воловикова, 2004).

Полученные в исследовании эмпирические данные соответствуют выводам ученых, изучающих связи между такими сложноустроенными, «трудными» для психологической науки феноменами как ностальгия, аутентичность, благоговение, непрерывность сознания своего Я, и общей тенденции к целостности в их исследовательских проектах. И хотя практика целостного подхода несет в себе риск «охватывать необъятное», она представляется вполне релевантной для парадигмы бытийности, психологических исследований

человека-в-мире, а в плане практической целесообразности помогает избегать фрагментарности в формировании образовательных, воспитательных, психотерапевтических проектов и программ.

ВЫВОДЫ

1. Жизненный мир бывших горожан характеризуется устойчивой сопряженностью феноменов его смысловой структуры. Смысловая структура этого мира конституируется темами, среди которых ностальгия, аутентичность, суверенность, событийность окружающему миру наиболее значимы. Смысловые темы тесно взаимосвязаны, незначительная вариативность социально обусловлена. Интенциональность конституируемых смыслов может побуждать к переезду за город или поддерживать в избранном загородном образе жизни. Однако, ее психологическая значимость шире: она дает целостное внеконтекстуальное ощущение осмысленности жизни и непрерывности собственного Я.

2. В конституировании смысловой структуры жизненного мира бывших горожан особый семантический вес имеют ностальгические воспоминания, связанные с природой и загородной жизнью, которые становятся носителями опыта «бытия собой». Ностальгия способствуют переживанию подлинности собственного Я, возвращению состояния аутентичности, жизненного смысла.

3. Прототипичность смысловой структуры жизненного мира бывших горожан и феномен онтологической ностальгии (узнаваемость чужого опыта загородной жизни и связанности с природой как собственного, которая вызывает ностальгическое переживание) взаимосвязаны. Это делает возможным передачу результатов работы собственного переживания, связанного с загородной жизнью, другому человеку через актуализацию его ностальгических воспоминаний (как опыта бытия собой).

4. Содержание значимых ностальгических воспоминаний у приверженцев городской и загородной жизни различается. Экзистенциальная значимость ностальгического переживания, сопряженного с воспоминаниями о природе и загородной жизни коррелирует с готовностью следовать подлинному Я (аутентичной жизнью), что в контексте загородной жизни выражается как

намерение и переехать жить за город или в сельскую местность и способность сохранять устойчивость в избранном образе жизни.

5. Тема природы и загородной жизни в содержании значимых ностальгических воспоминаний у приверженцев загородной жизни также коррелирует с показателями благоговения перед окружающим миром. В жизненном мире бывшего горожанина работа переживания направлена на поддержание связанности восприятия своего Я во времени, в том числе через эмоционально-образную включенность в феномены природы.

Данные выводы проведенного теоретико-эмпирического исследования и его общий обзор позволяют сделать заключение о том, что гипотеза исследования: «Смысловая структура жизненного мира бывших горожан прототипична и имеет общее содержание с ностальгическим переживанием; коррелятами переживания ностальгии в жизненном мире бывших горожан выступает их опыт природы и загородной жизни, аутентичность личности» подтвердилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов Р.Н.* Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. №4. С. 5–23.
2. *Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Кириллов П.Л., Махрова А.Г., Медведев А.А., Неретин А.С., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М., Новый хронограф, 2016. 504 с.
3. *Анцыферова Л.И.* Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 3–16.
4. *Баранников А.С.* Онтологическая реальность – антропологический элемент экзистенциальной психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2006. № 2. С. 45–65.
5. *Барков С.А., Маркеева А.В.* Дауншифтинг как постмодернизм в действии // Вестник московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 288–308.
6. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Academia-центр, Медиум, 1995. 334 с.
7. *Болотов А.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М.: Современник, 1986. 767 с.
8. *Бусыгина Н.П.* Качественные и количественные методы исследований в психологии: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2015. 423 с.
9. *Бусыгина Н.П.* Методология качественных исследований в психологии. М.: НИЦ Инфра-М, 2013. 304 с.
10. *Бусыгина Н.П.* Научный статус методологии исследования случаев // Консультативная психология и психотерапия. 2009а. Том 17. № 1. С. 5–29.

11. *Бусыгина Н.П.* Феноменологический и герменевтический подходы в качественных психологических исследованиях // Культурно-историческая психология. 2009б. Том 5. № 1. С. 57–65.
12. *Бусыгина Н.П.* Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях // Консультативная психология и психотерапия. 2009в. Т. 17. № 2. С. 52–76.
13. *Василюк Ф.Е.* Понимающая психотерапия: опыт построения психотехнической системы // Труды по психологическому консультированию и психотерапии. 2005. № 2005. С. 159–203.
14. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Издательство Московского университета, 1984. 191 с.
15. *Виноградская О.Я.* Онтологические основания переезда горожан в деревню // Крестьяноведение. 2018. Т.3. № 4. С. 123–135.
16. *Виноградская О.Я.* От-чего горожане едут в деревню: феноменология и практика // Крестьяноведение. 2019. Т.4. № 3. С. 140–155.
17. *Виноградский В.Г.* Деревня. Дистанции «удостоверяющего усмотрения» // Новый мир. 2021. № 2. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2021_2/Content/Publication6_7679/Default.aspx (дата обращения 24.04.2021)
18. *Витгенштейн Л.* Культура и ценность. О достоверности. М.: АСТ: Астрель, 2010. 256 с.
19. *Галкова О.В., Петров А.В., Глазунов В.В.* Ландшафт, память, наследие и идентичность (историографический обзор) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 5. С. 247–257.
20. *Гришина Н.В.* Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 10–20.
21. *Гришина Н.В., Костромина С.Н., Мироненко И.А.* Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 26–35.

22. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления: пер. с нем. М.: Наука, 2006. 320 с.
23. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию: пер. с нем. СПб.: Наука, 2013. 496 с.
24. *Дреер Й.* Символ и теория жизненного мира: «Трансценденции жизненного мира и их преодоление посредством знаков и символов» // Социология: теория, методы, маркетинг. 2011. № 3. С. 3–25.
25. *Дружинин В.Н.* Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. СПб.: Питер, 2010. 156 с.
26. *Журавлев А.Л.* Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлев. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2018. С. 116-161.
27. *Звягинцев В.И., Неуважаева М.А.* Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. 2015. Т. 24. №1. С. 101–135.
28. *Зинченко А.В.* Ностальгия: диалог знания и памяти // Культурно-историческая психология. 2009. №2. С. 77–85
29. *Знаков В.В.* Психология понимания мира человека. М.: Институт психологии РАН, 2016. 488 с.
30. *Ильин В.И.* Русская изба в процессе трансформации от сельского жилища к даче // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 454–468.
31. *Кассирер Э.* Логика наук о культуре // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 7–154.
32. *Квале С.* Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
33. *Клейтон С., Ирхин Б.Д., Нартова-Бочавер С.К.* Идентификация с природой в России: валидизация метода и связь с заботой о людях и растениях // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 1. С. 85–107.

34. *Кожевников С.Б.* Наука и жизненный мир человека: Э. Гуссерль, М. Шелер, Х. Ортега-и-Гассет // Вестник Ставропольского государственного университета. 2006. Вып. 44. С. 162–170.
35. *Колпачников В.В.* Соотношение тенденций к актуализации и самоактуализации в человекоцентрированном подходе // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2018. № 3(95). С. 104–113.
36. *Коптева Н.В.* Онтологическая уверенность: понятие и операционализация : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Пермь, 2013. 46 с.
37. *Кретова Л.А.* Возрастные особенности тематического и образного содержания ностальгических воспоминаний // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022а. Т.2. №1. С. 20–30.
38. *Кретова Л.А.* Восприятие природы: чувство Родины и духовно-нравственные аспекты // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления / Отв. ред. Н. В. Борисова, М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020а. С. 587–594.
39. *Кретова Л.А.* Жизненный мир сада: надежды и кризисы загородной жизни // Материалы VI Научно-практической конференции с международным участием «Понимающая психотерапия: основы и пути развития» (г. Москва, 22–24 июня 2018 г.). М.: Ассоциация понимающей психотерапии, 2018. С. 46–49.
40. *Кретова Л.А.* Загородный жизненный мир в психологическом исследовании // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021а. № 4 (60)
41. *Кретова Л.А.* Особенности переживания эпидемии в условиях сельской жизни: влияние суверенности и исторические аспекты // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020б. № 3-4. С. 95-108.
42. *Кретова Л.А.* Самоактуализация и потребность в смысле в контексте загородной жизни горожан // Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции Психология третьего тысячелетия

- «Актуальные вопросы современной психологии» (г. Дубна, 14–15 апреля 2020 г.). Дубна: Гос. ун-т «Дубна», 2020в. С. 75–78.
43. *Кретова Л.А.* Смыслообразующий опыт загородной жизни бывших горожан: бытийный контекст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021б. Т. 11. Вып. 3. С. 265–283.
  44. *Кретова Л.А.* Терапевтическое воздействие «загородного» нарратива: утешение и смысл // Новые психологические исследования. 2022б. № 1. С. 34–55.
  45. *Кретова Л.А.* Типология жизненных миров Ф. Е. Василюка как типология и психотерапия мегаполиса // Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции Психология третьего тысячелетия «Актуальные вопросы современной психологии» (г. Дубна, 19-20 апреля 2021 г.). Дубна: Гос. ун-т «Дубна», 2021в. С.154-158
  46. *Кретова Л.А., Воловикова М.И.* Ностальгическое переживание, суверенность и удовлетворенность жизнью у приверженцев городской и загородной жизни // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. № 1. С. 76–92.
  47. *Кричевец А.Н.* О категориях, экзистенциалах и психологическом понимании // Методология и история психологии. 2009. Том 4. Вып. 3. С. 24–39.
  48. *Кричевец А.Н.* Судьба смысла и смысл судьбы // Методология и история психологии. 2019. Вып. 1. С. 80–90.
  49. *Кулясов И.П.* Экопоселения на Северо-западном Кавказе и Горном Алтае: инициативы создания // Экопоселения в России и США. Ред. М. Соколов. СПб.: ЦНСИ. 2004. Вып. 10. с. 3–34.
  50. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999
  51. *Леонтьев Д.А.* Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
  52. *Леонтьев Д.А.* Человек и жизненный мир: от онтологии к феноменологии // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 1. С. 25–34.

53. *Лихачев Д.С.* Поэзия садов. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 426 с.
54. *Макшанчикова А.Ю., Никишин Е.А., Попов Д.С.* Внегородские локальности: гибридизация «сельского» и «городского» в процессе миграции горожан в сельскую местность // Социологические исследования. 2019. Том 45. № 12. С. 61-70.
55. *Марцинковская Т.Д., Полева Н.С.* Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. 2017. № 1 (89). С. 24–37.
56. *Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А.* Методологические принципы качественных исследований в психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 3. С. 4–17.
57. *Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А.* Стратегии валидации качественных исследований в психологии // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 44. С. 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n44/1207-melnikova44.html> (дата обращения: 20.01.2021).
58. *Меньшикова Л.В., Левченко Е.В.* Об истории становления понятия «жизненный мир» в психологии // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 16. № 2. С. 4–9.
59. *Мерзлякова В.Н.* Альтернативные модели успешности в современной культуре: Дауншифтинг // Вестник общественного мнения. 2008. № 4. С. 33–42.
60. *Мерло-Понти, М.* Око и дух. М.: Искусство, 1992. 64 с.
61. *Мерло-Понти, М.* Феноменология восприятия; пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 603 с.
62. *Миненко Г.Н., Ильина Н.А.* Метафизические основания целостности личности в свете системной методологии // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2007. Вып. 2. С. 42–54.

63. *Михайловский А.В.* Мартин Хайдеггер – философ на лесной тропе. Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2009. №2. С. 112–121.
64. *Михайловский А.В.* Начало «Черных тетрадей»: эзотерическая инициатива Мартина Хайдеггера // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 62–86.
65. *Мотрошилова Н.В.* Идеи I Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. Москва: Феноменология–Герменевтика. 2003. 720 с.
66. *Нартова-Бочавер С.К.* Опросник «Суверенность психологического пространства» – новый метод диагностики личности // Психологический журнал. 2005. Т. 25. № 5. С. 77–89.
67. *Нартова-Бочавер С.К.* Средовая идентичность личности и моральные мотивы // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М.: Институт психологии РАН, 2019. С. 156–163.
68. *Нартова-Бочавер С.К.* Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
69. *Нартова-Бочавер С.К., Ирхин Б.Д., Резниченко С.И.* Диспозициональная аутентичность во внутриличностном пространстве // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Том 17. № 3. С. 500–549.
70. *Нартова-Бочавер С.К., Мухортова Е.А., Ирхин Б.Д.* Взаимодействие с миром растений как источник позитивного функционирования человека // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 151–169.
71. *Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. №12. С. 60–69.
72. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды / пер. с исп.; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. М.: Весь мир, 1997. 704 с.

73. *Ортега-и-Гассет Х.* Человек и люди // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. М.: Радуга, 1991. С. 229–476.
74. *Осин Е. Н., Леонтьев Д. А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ / Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142.
75. *Паткуль А.Б.* Концепции мира в критической философии Канта и фундаментальной онтологии Хайдеггера // Horizon. 2018. Т. 7. № 2. С. 273–296.
76. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Категориальный строй психологии сегодня // Развитие личности. 2014. № 2. С. 92–124.
77. *Петровский В.А.* Преодоление «схизиса»: в продолжение несостоявшегося диалога с Ф.Е. Василюком // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. № 1. С. 64–69.
78. *Печин Ю.В.* Ценностные основания мотивации личности (на материале исследования труда горожан-дачников): Автореф... канд. психол. наук. Новосибирск, 2008. 23 с.
79. *Позаненко А.А.* Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий // Мир России. 2016. № 25 (1). С. 129–153.
80. *Покровский Н.Е., Николаева У.Г., Демидова Ю.А.* Феноменология «жизненного мира» горожанина во внегородском пространстве Ближнего Севера: дом и доместикация // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 71–80.
81. *Прихидько А.И.* Дауншифтинг как социально-психологический феномен // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008 N 1(1). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.03.2021).
82. *Рикер П.* История и истина / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
83. *Рикер П.* Память, история, забвение / пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

84. *Родионова Н. К.* Противоречия и тенденции индустриализации сельской экономики // Социально-экономические явления и процессы. Т. 13. № 2. С. 98–103.
85. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.: АСТ, 2020. 960 с.
86. *Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. Спб.: Питер, 2012. 224 с.
87. *Сапогова Е.Е.* Субъективная онтология и жизненный мир личности // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 1. С. 35–45.
88. *Сапогова Е.Е.* Экзистенциально-психологические аспекты переживания "ностальгии без памяти" // Проблемы современного образования. 2019. Т. № 2. С. 28–45. URL: <http://www.pmedu.ru>_(дата обращения: 14.04.2021).
89. *Свасьян К.А.* Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. 2-е изд. М.: Академический проект, Альма Матер, 2010. 206 с.
90. *Сергиенко Е.А., Знаков В.В., Харламенкова Н.Е.* Индивидуальный субъект в психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлев. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2018. С. 63–115.
91. *Сухарев А.В., Грачев В.С.* Роль восстановления этноинтегрирующих образов природы в профилактике делинквентного поведения у подростков // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 47–58.
92. *Торотоева А.М.* Дауншифтинг как альтернативная модель успешности. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2020. Серия 11: Социология. № 2. С. 18–26.
93. *Трухан Е.А.* Психология дауншифтинга: сущностные и причинные аспекты // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 130–134.
94. *Улановский А.М.* Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2016. 235 с.
95. *Фенько А.Б.* Психология ностальгии. Автореф... канд. психол. наук. М.: МГУ, 1994.

96. *Фенько А.Б.* Психология ностальгии // Московский психотерапевтический журнал. 1993. № 3. С. 93–116.
97. *Хабермас Ю.* От картин мира к жизненному миру: тексты парал.: рус., нем. М.: Идея-Пресс, 2011. 128 с.
98. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. С нем. В.В. Бибихина. М.: Академический проект, 2013. 460 с.
99. *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики. Мир – Конечность – Одиночество. Перевод: В.В. Бибихин, А.В. Ахутин, А.П. Шурбелев. СПб.: Владимир Даль, 2013. 592 с.
100. *Харламенкова Н.Е.* Case study как метод исследования личности // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. Сборник материалов конференции. Москва, Издательство «Институт психологии РАН», 2010. С. 747–752.
101. *Холодная М.А.* Психология понятийного мышления. От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 288 с.
102. *Хомякова А.П.* Экопоселения в России: проблемы и перспективы развития // Модернизация экономики и общества: материалы XIV Международной научной конференции. Москва, 2–5 апреля 2013 г. М., 2013. С. 5–12.
103. *Хорошилов Д.А., Мельникова А.Т.* Проблема обобщения и экстраполяции качественных данных (на примере исследования индивидуальных и коллективных переживаний) // Вопросы психологии. 2019. №4. С. 41–50.
104. *Хорошилов, Д.А.* Онтологическая, социальная и психологическая прекарность: пути взаимодействия в транзитивном обществе // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 64–83.
105. *Черноушек М.* Психология жизненной среды. М.: 1989. 174 с.
106. *Шелер М.* Ordo amoris // Трактаты о любви. М.: Институт философии РАН, 1994. С. 77–100.

107. *Шерягина Е.В.* Житейская и профессиональная психологическая помощь: понятийное поле и проблематика // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 1. С. 8–23.
108. *Шубин А.* Альтернативная община: экзотика или дорога в будущее // Бюллетень Московского ИСАР. L7. 1998.
109. *Шумкова Н.В.* «Картина мира» у Л. Витгенштейна и «Жизненный мир» Э. Гуссерля // Философия. Язык. Культура. Вып. 3 / отв. ред. Горбатов В.В. СПб.: Алетейя, 2012. с. 17–37.
110. *Шумский В.Б.* Онтологическое и персоналистическое направления в экзистенциальной психологии: сравнительный анализ/ Автореф... канд. психол. наук. Москва, 2008. 27 с.
111. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
112. *Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
113. *Ямпольская А.В.* Метод феноменологии Хайдеггера // Вестник РГГУ. Серия «Философские науки. Религиоведение». 2013. № 11. С. 41–50.
114. *Abeyta A.A., Routledge C., Kaslon S.* Combating Loneliness With Nostalgia: Nostalgic Feelings Attenuate Negative Thoughts and Motivations Associated With Loneliness // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. P.1–15.
115. *Adachi M., Rohde C.L.E., Kendle A.D.* Effects of floral and foliage displays on human emotions // *HortTechnology*. 2000. Vol. 10. P. 59–63.
116. *Adamiak C., Pitkänen K., Lehtonen O.* Seasonal Residence and Counterurbanization: the Role of Second Homes in Population Redistribution in Finland // *GeoJournal*. 2016. Vol. 82. No. 5. P. 1035–1050.
117. *Altman I., Low S. M.* Place attachment. New York: New York: Plenum Press, 1992.

118. *Ambrose G., Das K., Fan Y., Ramaswami A.* Is gardening associated with greater happiness of urban residents? A multiactivity, dynamic assessment in the Twin-Cities region, USA // *Landscape and Urban Planning* 198 (2020) 103776.
119. *Andringa T., Angyal N.* The Nature of Wisdom: People's Connection to Nature Reflects a Deep Understanding of Life // *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2019. Vol. 16, no 1. P. 108–126.
120. *Angelova L.* *Phenomenology of Home*. South Florida: University of South Florida, 2010.
121. *Baldwin M., Biernat M., & Landau M.J.* Remembering the real me: Nostalgia offers a window to the intrinsic self // *Journal of personality and social psychology*. 2015. Vol. 108. No. 1. P.128–47.
122. *Barrett F. S., Grimm K. J., Robins R. W., Wildschut T., Sedikides C., Janata P.* Music-evoked nostalgia: Affect, memory, and personality // *Emotion*. 2010. Vol. 10. P. 390–403.
123. *Batcho K.I.* Nostalgia: A psychological perspective // *Perceptual and Motor Skills*. 1995. No. 80. P. 131–143.
124. *Batcho K.I.* Nostalgia: The Bittersweet History of a Psychological Concept // *History of Psychology*. 2013. Vol. 16. P. 165–176.
125. *Batcho K.I.* Nostalgia: Retreat or support in difficult times? // *The American Journal of Psychology*. 2013. Vol. 126. P. 355–367.
126. *Batcho K.I., DaRin M.L., Nave A.M., & Yaworsky R.R.* Nostalgia and identity in song lyrics // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2008. Vol. 2. P. 236–244.
127. *Batcho, K.I., Nave, A.M., DaRin, M.L.* A retrospective survey of childhood experiences // *Journal of Happiness Studies*. 2011. Vol. 12. P. 531–545.
128. *Batcho, K.I.* When Nostalgia Tilts to Sad: Anticipatory and Personal Nostalgia // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol.11.
129. *Batcho K.I., Shikh S.* Anticipatory nostalgia: Missing the present before it's gone // *Personality and Individual Differences* 2016. Vol. 98 P.75–84.

130. *Benham, M.K.* From Utility to Significance: Exploring Ecological Connection, Ethics, and Personal Transformation Through a Gardening and Environmental Literacy Program within San Quentin State Prison, Master's Theses. 2014. 4452. URL: https://scholarworks.sjsu.edu/etd_theses/4452 (дата обращения: 15.09.2020)
131. *Berger R.* Renewed by Nature: Nature Therapy as a Framework to Help People Deal with Crises, Trauma and Loss // In Jordan. M., Hinds J. Ecotherapy: Theory, Research and Practice. London: Palgrave, 2016. P. 187–198.
132. *Biskas M., Cheung W., Juhl J., Sedikides C., Wildschut T., & Hepper E.G.* A prologue to nostalgia: savouring creates nostalgic memories that foster optimism // *Cognition and Emotion*. 2019. Vol. 33. P. 417–427.
133. *Blasiak R.* Return to rural communities: Resilience over efficiency. 2012. URL: <https://ourworld.unu.edu/en/return-to-rural-communities-resilience-over-efficiency> (дата обращения: 04.04.2020)
134. *Braun V., Clarke V.* Can I use TA? Should I use TA? Should I not use TA? Comparing reflexive thematic analysis and other pattern-based qualitative analytic approaches // *Counselling and Psychotherapy Research*. 2021. 21:37-47
135. *Bringslimark T., Hartig T., Patil G.G.* The psychological benefits of indoor plants: A critical review of the experimental literature // *Journal of Environmental Psychology*. 2009. Vol. 29. P. 422–433.
136. *Callizo-Romero C., Tutnjević S., Pandza M., Ouellet M., Kranjec, A., Ilic S., Gu Y., Göksun T., Chahboun S., Casasanto D., Santiago, J.* Does time extend asymmetrically into the past and the future? A multitask crosscultural study // *Language and Cognition*. 2022. P. 1–28.
137. *Caruso M., Reh S., Fuchs E.* Education and nature // *Paedagogica Historica*. 2020. Vol. 56. P. 1–8.
138. *Cavanaugh, J. C.* I have this feeling about everyday memory aging... // *Educational Gerontology*. 1989. Vol. 15. P. 597–605.

139. *Cheung W. Y., Wildschut T., Sedikides C., Hepper E. G., Arndt J., Vingerhoets, A. J.* Back to the future: Nostalgia increases optimism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2013. Vol. 39(11). P. 1484–1496.
140. *Clayton S., Opatow S.* Identity and the natural environment: The psychological significance of nature. Cambridge: MIT Press, 2003. 365 p.
141. *Cole D.* Nostalgic Sentiment vs. Modernity in Rural Development; Pour une Europe forte, rénover les structures économiques, entrepreneuriales, politiques, territoriales et éducatives; Travaux scientifiques du Réseau–Pays du Groupe Vysegrad; Banská Bystrica. 2015. P. 481–494.
142. *Cowie J., Heathcott J.* Beyond the ruins: The meanings of deindustrialization. Ithaca, NY: ILR Press. 2003. 372 p.
143. *Currie M., Philip L.* Rural Ageing. In: Gu D., Dupre M. (eds) *Encyclopedia of Gerontology and Population Aging*. Springer, Cham, 2019.
144. *Davis, F.* Yearning for yesterday: A sociology of nostalgia. New York, NY: The Free Press. 1979. pp. 1–30, 73–95.
145. *Dijke M., Wildschut T., Leunissen J.M., Sedikides C.* Nostalgia buffers the negative impact of low procedural justice on cooperation // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2015. Vol. 127. P. 15–29.
146. *Doherty T. J.* Theoretical and Empirical Foundations for Ecotherapy // In Jordan M., Hinds J. *Ecotherapy: Theory, Research and Practice*. London: Palgrave, 2016, pp. 12–31.
147. *Engemann K., Pedersen C. B., Arge L., Tsirogiannis C., Mortensen P. B., Svenning J.-C.* Childhood exposure to green space – A novel risk-decreasing mechanism for schizophrenia? // *Schizophrenia Research*. 2018. Vol. 199. P. 142–148.
148. *Ersner-Hershfield H., Garton M. T., Ballard K., Samanez-Larkin G. R., Knutson B.* Don't stop thinking about tomorrow: Individual differences in future self-continuity account for saving // *Judgment and Decision Making*. 2009. Vol. 4(4), P. 280–286.

149. *Etemaad J, Dabbagh H, Jowkar B, Rostami S.* Nostalgia and moral identity: a facilitator model // *Shenakht Journal of Psychology and Psychiatry.* 2019. Vol. 6 No. 4. P. 110–123.
150. *Fleury J., Sedikides C., Wildschut T., Coon D.W., Komnenich P.* Feeling Safe and Nostalgia in Healthy Aging // *Frontiers in Psychology.* 2022. Vol. 13. P.1–6.
151. *Freed A.* Exploring the link between environmental identity, behaviors and decision making. Doctoral diss. Michigan State University, 2015. URL: <https://d.lib.msu.edu/> (дата обращения: 05.02.2020)
152. *Funchion, J.* Putting the Past Out to Pasture: Nostalgia, Regional Aesthetics and the Mutualist Imagination of the 1890s // *Modernist Cultures.* 2008. Vol. 3. P. 173–191.
153. *Gallent N.* The Social Value of Second Homes in Rural Communities // *Housing, Theory, and Society.* 2014. Vol. 31. No. 2. P. 174–191.
154. *Gatersleben B., Wyles K. J., Myers A., Opitz B.* Why are places so special? Uncovering how our brain reacts to meaningful places // *Landscape and Urban Planning, Volume 197, May 2020, 103758.*
155. *Giorgi A.P., Giorgi B.* Phenomenological psychology. In: C. Willig, W. Stainton-Rogers (Eds.), *The Sage handbook of qualitative research in psychology.* London: Sage, 2008. pp. 165–178.
156. *Göttlicher W.* Rural space as a natural space: topoi on the educational qualities of rural space in the debate on rural school reform in Austria, 1920 1960 // *Paedagogica Historica,* 2020. Vol. 56:1-2. P. 171–181.
157. *Hartig T.* Three steps to understanding restorative environments as health resources. In: Thompson C.W., Travlou P. (eds) *Open space: people space,* London, Taylor & Francis, 2007, pp. 163–179.
158. Hepper E. G., Ritchie T. D., Sedikides C., & Wildschut T. Odyssey’s end: Lay conceptions of nostalgia reflect its original Homeric meaning // *Emotion.* 2012. Vol. 12. P. 102–119.
159. *Hepper E. G., Wildschut T., Sedikides C., Ritchie T. D., Yung Y.-F., Hansen N., Abakoumkin G., Arikan G., Cisek S. Z., Demassosso D. B., Gebauer J. E., Gerber*

- J. P., González R., Kusumi T., Misra G., Rusu M., Ryan O., Stephan E., Vingerhoets A. J. J., Zhou X.* Pancultural nostalgia: Prototypical conceptions across cultures // *Emotion*. 2014. Vol. 14/ No. 4. P. 733–747.
160. *Hepper E. G., Wildschut T., Sedikides C., Robertson S., Routledge C. D.* Time capsule: Nostalgia shields psychological wellbeing from limited time horizons // *Emotion*. 2021. Vol. 21. No. 3. P. 644–664.
161. *Home R., Vieli L.* Psychosocial outcomes as motivations for urban gardening: A cross-cultural comparison of Swiss and Chilean gardeners // *Urban Forestry & Urban Greening*. 2020. Vol. 52. 126703.
162. *Hong E.K., Sedikides C., & Wildschut T.* Nostalgia strengthens global self-continuity through holistic thinking // *Cognition and Emotion*. 2020. Vol. 35. P. 730–737.
163. *Houlden V., Porto de Albuquerque J., Weich S., Jarvis S.* A spatial analysis of proximate greenspace and mental wellbeing in London // *Applied Geography*. 2019, Vol. 109. 102036.
164. *Iyer A., Jetten J.* What's left behind: Identity continuity moderates the effect of nostalgia on well-being and life choices // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 101. No. 1. P. 94–108.
165. *Jiang, T., Sedikides, C.* Awe motivates authentic-self pursuit via self-transcendence: Implications for prosociality // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2022. Vol. 123. No. 3. P. 576–596.
166. *Jordan M., Hinds J.* *Ecotherapy: Theory, Research and Practice*. London: Palgrave, 2016. 208 p.
167. *Jordan M., Marshall H.* Taking counselling and psychotherapy outside: Destruction or enrichment of the therapeutic frame? // *European Journal of Psychotherapy & Counselling*. 2010. Vol 12. No. 4. P. 345–359.
168. *Jorgensen B. S., Stedman R. C.* Sense of place as an attitude: Lakeshore owners attitudes toward their properties // *Journal of Environmental Psychology*. 2001. Vol. 21. No. 3. P. 233–248.

169. *Gatersleben B., Wyles K.J., Myers A., Opitz B.* Why are places so special? Uncovering how our brain reacts to meaningful places // *Landscape and Urban Planning*. 2020. Vol. 197. 103758.
170. *Juhl J., Routledge C.D., Arndt J., Sedikides C., & Wildschut T.* Fighting the future with the past: nostalgia buffers existential threat // *Journal of Research in Personality*. 2010. Vol. 44. P. 309–314.
171. *Kaplan L. J.* *Adolescence: The farewell to childhood*. New York, NY: Simon & Schuster, 1984.
172. *Kaplan, R.* The nature of the view from home: psychological benefits // *Environment and Behavior*. 2001. Vol. 33. P. 507–542.
173. *Kaplan S.* The restorative benefits of nature: Toward an integrative framework // *Journal of Environmental psychology*. 1995. Vol. 15. P. 169–182.
174. *Kelly D.* Working with Nature in Palliative Care // In Jordan. M., Hinds J. *Ecotherapy: Theory, Research and Practice*. London: Palgrave, 2016. pp. 84–97.
175. *Kim E., Mattson R.H.* Stress recovery effects of viewing red-flowering geraniums // *Journal of Therapeutic Horticulture*. 2002. Vol. 13. P. 4–12.
176. *Kline, L.W.* The migratory impulse vs. Love of home // *The American Journal of Psychology*. 1898. Vol. 10. P. 1–81. URL: <https://archive.org/details/jstor-1412678> (дата обращения: 02.04.2022)
177. *Koblet O., Purves R.S.* From online texts to Landscape Character Assessment: Collecting and analysing first-person landscape perception computationally // *Landscape and Urban Planning*. 2020. Vol. 197. 10375.
178. *Korpela K.M., Hartig T., Kaiser F.G., Fuhrer, U.* Restorative experience and self-regulation in favorite places // *Environment and Behavior*. 2001. Vol. 33. No. 4. P. 572–589.
179. *Lasaleta J.D., Sedikides C., Vohs R.D.* Nostalgia Weakens the Desire for Money // *Journal of Consumer Research*. 2014. Vol. 41. No. 3. P. 713–729.
180. *Lee A.C., Maheswaran R.* The health benefits of urban green spaces: A review of the evidence // *Journal of Public Health*. 2011. Vol. 33. No. 2. P. 212–222.

181. *Lee J. H., Matarrita-Cascante D.* Gardeners' Past Gardening Experience and Its Moderating Effect on Community Garden Participation // *Sustainability*. 2019. Vol. 11. 3308.
182. *Li N. P., Kanazawa S.* Country roads, take me home. . . to my friends: How intelligence, population density, and friendship affect modern happiness // *British Journal of Psychology*. 2016. № 107. P. 675–697.
183. *Li Y.H.* Nostalgia Promoting Pro-Social Behavior and Its Psychological Mechanism // *Open Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 3. P. 177–186.
184. *Lopez F.G., Rice K.G.* Preliminary development and validation of a measure of relationship authenticity // *Journal of Counseling Psychology*. 2006. Vol. 53. P. 362–371.
185. *Madoglou A., Gkinopoulos T., Xanthopoulos P., and Kalamaras D.* Representations of autobiographical nostalgic memories: generational effect, gender, nostalgia proneness and communication of nostalgic experiences // *J. Integr. Soc. Sci.* 2017. Vol. 7. P. 60–88.
186. *Martin A.R.* Nostalgia // *American Journal of Psychoanalysis*. 1954. Vol. 14. P. 93–104.
187. *McCann, W.H.* Nostalgia: A review of the literature // *Psychological Bulletin*. 1941 Vol. 38. P. 165–182.
188. *Mitchell C.* Making sense of counterurbanization // *Journal of rural studies*. 2004. № 5. P. 27.
189. *Moreno-Black G., Somnasang P., Thamathawan S.* Cultivating continuity and creating change: Women's home garden practices in Northeastern Thailand // *Agriculture and Human Values*. 1996. Vol. 13. No. 3. P. 3-11.
190. *Neumann, E.* The origins and history of consciousness (R. F. C. Hull, Trans.). Princeton, NJ: Princeton University Press. 1970.
191. *Pálsdóttir A.M.* A Salutogenic Approach in Nature-based Rehabilitation (NBR) for Individuals with Stress-related Mental Disorders // In Jordan. M., Hinds J. *Ecotherapy: Theory, Research and Practice*. London: Palgrave, 2016, pp. 112-12.

192. *Park S.-H., Mattson R. H., Kim E.* Pain tolerance effects of ornamental plants in a simulated hospital patient room // *Acta Horticulturae*. 2004. Vol. 639. P. 241–247.
193. *Peters R.* Reflections on the origin and aim of nostalgia // *Journal of Analytical Psychology*. 1985. Vol. 30. P. 135–148.
194. *Petratou E., Paradisi N., Diamantis O., & Stalikas A.* Nostalgic Scent of Childhood Increases Creativity // *Psychology*. 2021. Vol. 12. P. 205–222.
195. *Proshansky H., Fabian A., Kaminoff R.* Place-identity: Physical world socialization of the self // *Journal of Environmental Psychology*. 1983. Vol. 3. P. 57–83.
196. *Quinn Deirdre N.* *Holiday Home, Sweet Home: A Phenomenological Approach to Second Home Living in Ireland*. Dublin: Dublin Institute of Technology, 2010.
197. *Raxworthy J.* *Overgrown. Practices between landscapes architectures and gardening*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2018
198. *Reid C. A., Green J. D., Wildschut T., Sedikides C.* Scent-evoked nostalgia // *Memory*. 2015. Vol. 23. P. 157–166.
199. *Robinson O.C., Lopez F.G., Ramos K., Nartova-Bochaver S.* Authenticity, Social Context, and Well-Being in the United States, England, and Russia // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2013. Vol. 44. P. 719–737.
200. *Routledge C., Wildschut T., Sedikides C., Juhl J., Arndt J.* The power of the past: Nostalgia as a meaning-making resource // *Memory*. 2012. Vol.20. No. 5. P. 452–260.
201. *Routledge C., & Arndt J.* Time and terror: Managing temporal consciousness and the awareness of mortality. In A. Strathman & J. Joireman (Eds.), *Understanding behaviour in the context of time: Theory, research, and applications*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2005, pp. 59–84.
202. *Routledge C., Arndt J., Sedikides C., Wildschut T.* A blast from the past: The terror management function of nostalgia // *Journal of Experimental Social Psychology*, 2008. Vol. 44. P. 132–140.

203. *Routledge C.D., Arndt J., Wildschut T., Sedikides C., Hart C.M., Juhl J., Vingerhoets A., & Schlotz W.* The past makes the present meaningful: nostalgia as an existential resource // *Journal of personality and social psychology*. 2011. Vol.101. No. 3. P. 638–652.
204. *Routledge C.D., Wildschut T., Sedikides C., & Juhl J.* Nostalgia as a Resource for Psychological Health and Well-Being // *Social and Personality Psychology Compass*. 2013. Vol. 7. P. 808-818.
205. *Roze D.* Plants and Gardens in Memory Stories of Latvian Exile. In Saleniece I., ed. *History: Sources and People*. XXI. Daugavpils: Daugavpils University Academic Press Saule Publ., 2018. pp. 316-321.
206. *Ruml B.* (1933). Theory of nostalgic and egoic sentiments // *Psychological Bulletin*. 1933. Vol. 30, P. 656.
207. *Rutt J.L. Löckenhoff C.E.* From past to future: Temporal self continuity across the life span // *Psychology and Aging*. 2016. Vol. 31. No. 5. 6. P. 631–639.
208. *Scannell L., Gifford R.* The experienced psychological benefits of place attachment // *Journal of Environmental Psychology*. 2017. Vol. 51. P. 256–269.
209. *Sedikides C., Wildschut T., Arndt J., Routledge C.* Self and Affect: The Case of Nostalgia. // *Affect in social thinking and behavior: Frontiers in social psychology*. / In J. P. Forgas (Ed.). New York, NY: Psychology Press. 2006. P. 197–215.
210. *Sedikides C., Lenton A.P., Slabu L., Thomaes S.* Sketching the Contours of State Authenticity // *Review of General Psychology*. 2019. Vol. 23. P. 73–88.
211. *Sedikides, C., Wildschut, T., Arndt, J., & Routledge, C.D.* Nostalgia Past, Present, and Future // *Current Directions in Psychological Science*. 2008. Vol. 17. P. 304–307.
212. *Sedikides C., Wildschut T., Cheung W.Y., Routledge C., Hepper E G., Arndt J., et al.* Nostalgia fosters self-continuity: uncovering the mechanism (social connectedness) and consequence (eudaimonic well-being) // *Emotion*. 2016. Vol. 16. P. 524–539.

213. *Sedikides C., Wildschut T., Routledge C.D., & Arndt, J.* Nostalgia counteracts self-discontinuity and restores self-continuity // *European Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 45. P. 52–61.
214. *Seehusen J., Cordaro F., Wildschut T., Sedikides C., Routledge C.D., Blackhart G.C., Epstude K., & Vingerhoets A.* Individual differences in nostalgia proneness: the integrating role of the need to belong // *Personality and Individual Differences*. 2013. Vol. 55. P. 904–908.
215. *Shibata S., Suzuki N.* Effects of indoor foliage plants on subjects' recovery from mental fatigue // *North American Journal of Psychology*. 2001. Vol. 3. P. 385–396.
216. *Shibata S., Suzuki N.* Effects of the foliage plant on task performance and mood // *Journal of Environmental Psychology*. 2002. Vol. 22. P. 265–272.
217. *Shiota M.N., Keltner D., John O. P.* Positive emotion dispositions differentially associated with big five personality and attachment style // *The Journal of Positive Psychology*. 2006. Vol. 1. No. 2. P. 61–71.
218. *Stephan E., Wildschut T., Sedikides C., Zhou X., He W., Routledge C., Cheung W.-Y., Vingerhoets A.J.J.M.* The mnemonic mover: nostalgia regulates avoidance and approach motivation // *Emotion*. 2014. Vol. 14. No. 3. P. 545–561.
219. *Terry G., Hayfield N., Clarke V., Braun V.* Thematic Analysis // Willig C., Stainton-Rogers W. (eds). *The Sage handbook of qualitative research in psychology*. L.: Sage, 2017. P. 176–192.
220. *Tilburg W.A., Sedikides C., & Wildschut T.* The mnemonic muse: Nostalgia fosters creativity through openness to experience // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2015. Vol. 59. P. 1–7.
221. *Turner R.N., Wildschut T., Sedikides C., & Gheorghiu, M.* Combating the mental health stigma with nostalgia // *European Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 43. P. 413–422.
222. *Ulrich R.S.* Aesthetic and affective response to natural environment. In: I. Altman and J.F. Wohlwill (eds) *Behavior and the Natural Environment*. New York: Plenum, 1983, pp. 85–125.

223. *Ulrich R.S., Simons R.F. Losito B.D., Fiorito E., Miles M.A. and Zelson M.* Stress recovery during exposure to natural and urban Environments // *Journal of Environmental Psychology*. 1991, Vol. 11. P. 201–230.
224. *Van Manen, M., van Manen, M.* Doing Phenomenological Research and Writing // *Qualitative Health Research*. 2021. Vol. 31. No. 6. P. 1069–1082.
225. *Vess M., Arndt J., Routledge C., Sedikides C., Wildschut T.* Nostalgia as a Resource for the Self // *Self and Identity*. 2012. Vol 11. No. 3. P. 273–284.
226. *Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C.* Nostalgia: Content, Triggers, Functions. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 91, No. 5. P. 975–993.
227. *Wildschut T., Bruder M., Robertson S., van Tilburg W.A.P., Sedikides C.* Collective Nostalgia: A Group-Level Emotion That Confers Unique Benefit on the Group // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2014. Vol. 107. No 5. P. 844–863.
228. *Wildschut T., Sedikides C., Robertson S.* Sociality and intergenerational transfer of older adults' nostalgia // *Memory*. 2018. Vol. 26. P. 1030–1041.
229. *Willig C.* *Qualitative Interpretation and Analysis in Psychology*. Maidenhead: Open University Press, 2012.
230. *Willig C. Billin A.* Existentialist-Informed Hermeneutic Phenomenology. In: *Qualitative Research Methods in Mental Health and Psychotherapy: A Guide for Students and Practitioners*. 2011. pp. 117-130.
231. *Zhou X., Sedikides C., Wildschut T., Gao, D.* Counteracting loneliness: On the restorative function of nostalgia // *Psychological Science*. 2008. Vol. 19. P. 1023–1029.
232. *Zhou X., Wildschut T., Sedikides C., Chen X., Vingerhoets A.* Heartwarming memories: Nostalgia maintains physiological comfort // *Emotion*. 2012. Vol 12. No. 4. P. 678–84.
233. *Zhou X., Wildschut T., Sedikides C., Shi K., Feng C.* Nostalgia: The Gift That Keeps on Giving // *Journal of Consumer Research*. 2012. Vol. 39. P. 39–50.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А. Анализ литературных текстов

Фрагменты описания результатов тематического анализа (литературные источники 1774 – 1985 гг.)

При-бытие. Описание переживания, связанное с прибытием в родное место, домой, или на место, которое может стать родным домом, в исследуемых текстах встречается достаточно часто, чтобы обратить на себя внимание. О значимости такого переживания свидетельствуют и схожесть описания у разных авторов, и их потребность в подобном рассказе. В описании есть черты, характерные именно для переживания загородного, а не сельского или городского жителя. Это не возвращение селянина к привычному месту жительства после недолгой отлучки, и не привычная поездка на отдых жителя городского. Это путь, за которым стоит определенный опыт городской жизни, и в некоторых случаях, опыт прожитой и проживаемой жизни в целом, и в сопоставлении, в контрасте с этим опытом рождается ожидание встречи с местом, которое автор наделяет особым, онтологическим смыслом. Значимым для автора является не столько само место, фактический дом, сколько его образ дома, не просто воображаемый, но *ожидаемый образ места* его прибытия и той *роли*, которую оно может сыграть в его дальнейшей жизни:

«Теперь никак не могу я изобразить того сладкого восхищения, в котором находилась вся душа моя при приближении к нашему жилищу. И ах! как вспрыгалось и вострепеталось сердце мое от радости и удовольствия, когда увидел я вдруг пред собою те высокие березовые рощи, которые окружают селение наше». (2)

В отличие от ожидаемой встречи с близким, значимым человеком, для которой пространственный, средовой контекст очень редко является

определяющим, это устремленность к жизненному миру, ожидание включенности в мир, в котором пространственная привязка – земля с определенным ландшафтом, деревьями, дом, сад – принципиально значима. Значимы, тем не менее, не конкретные характеристики (онтическое), а ожидаемая бытийность (онтологическое). При-бытие в исследуемых нами текстах – это движение к бытийности, ожидание «другой жизни», подлинного бытия, бытия собой, бытия в мире. Это ожидание не обязательно связано с родными местами:

«Ночь, дождь шумит по пустым садам, чужой городок, с лугов несет туманом, – так и жизнь пройдет», – почему-то подумал Кузьмин. Снова ему захотелось остаться здесь. Он любил русские городки, где с крылец видны заречные луга, широкие взвозы, телеги с сеном на пармах. Эта любовь удивляла его самого... Низкая теплая комната опять вызвала у него желание остаться в этом городке... Кузьмин снова подумал о том, как хорошо было бы остаться здесь и жить так, как жили обитатели старого дома – неторопливо, в чередовании труда и отдыха, зим, весен, дождливых и солнечных дней». (17)

«В общем-то, я так и не знаю, что произошло. Выражаясь высокопарно, можно сказать, что я обрел свой край, свой истинный дом... Привязанность к Форё объясняется несколькими причинами. Первая — чисто интуитивная: это — твой край, Бергман, твой ландшафт. Он соответствует твоим глубинным представлениям о форме, пропорциях, красках, горизонтах, звуках, тишине, свете, отражениях. Здесь есть надежность. Не спрашивай почему — любые объяснения будут рациональными, сформулированным задним числом». (2)

Категории, определившие выделение темы, отражают этапы переживания, связанные с прибытием на место. Многие авторы описывают предвкушение встречи с родным местом, радость и нетерпение, переживаемые накануне поездки или в пути: *«Я засыпал, упоенный мечтами о завтрашнем путешествии в деревню»* (9). Важным этапом является всматривание в приближающийся мир, распознавание, узнавание места – его онтологической значимости. В большинстве случаев речь идет о связи места с ностальгическими воспоминаниями автора. Ностальгическое переживание обращено одновременно к некогда утраченному

бытию и к бытию, обретаемому в ожидаемом будущем: таким образом в переживании, связанном с при-бытием (преддверьем бытия), преодолевается разрыв времени и пространства, восстанавливается целостность бытия.

В описании при-бытия можно также встретить упоминания об изменении обычного пути (более короткий путь, въезд через другие ворота и пр), неприязнь к попутчикам из чужого мира (как способных создавать помехи переживанию). Итогом пути в описаниях становится «встреча-остановка», отчетливость момента прибытия на место, встреча с миром загородной жизни, вступление в этот мир. Удивительно сходство в описании этого последнего этапа при-бытия: въезд во двор (нередко уже в темноте наступившей ночи), свет в окнах, встречающие домочадцы, скромный ужин. Для авторов автобиографических текстов этот опыт при-бытия с его зримыми, запечатленными подробностями «перехода в бытие» становится значимым ностальгическим переживанием в старшие годы жизни:

«Но вот и одинокая, знакомая станция среди пустынных полей. Тихо-тихо в полях после грохота поезда! Откинешься в задок саней, прикроешь глаза — и только покачиваешься и слышишь, как заливаются колокольчик над тройкой, запряженной в протяжку, как визжат и постукивают на ухабах полозья... А кругом все темнеет и темнеет, и уже ночью въезжаем в знакомое село... И чувство глубокого довольства и покоя наполняет душу, когда, наконец, медленно въезжаешь на сугроб перед крыльцом освещенного и теплого деревенского домика!» (9).

Окружающий мир как Другой, диалогичность. Окружающий мир — деревья, животные, явления природы, дом, сад, загородный мир как целое становятся теми, с кем автор или его герой ведет диалог. Инициатива в этом диалоге, как правило, принадлежит окружающему миру: это он «зовет», «манит», «говорит», «обращается», побуждая не просто откликнуться, пойти навстречу («до чего же все вокруг притягивало меня» (1), но и «со-быть», и даже действовать: совершить некую работу, поступок. В своей «звательности» окружающий мир как будто обращается к самому сущностному в человеке, к его бытийности. «Говорение» с окружающим миром — это диалог, в котором человек

ничуть не играет с окружающим миром, выделяя в нем отдельные предметы, одушевляя их и наделяя их личностными чертами, и при этом отдавая себе отчет в своей игре. Безмолвная беседа в загородном мире происходит как нечто само собой разумеющееся, как часть этого мира.

«И вот чувствуешь щекой, будто кто-то в глубине лесадохнул на тебя. Или это так показалось? Нет!». (13)

«...и не мог довольно насытить зрения своего, смотря на ближние наши поля и все знакомые еще мне рощи и деревья. Мне казалось, что все они приветствовали меня, разговаривали со мною и радовались моему приезду. Я сам здоровался и говорил со всеми ими в своих мыслях». (2)

«...этот пахучий сырой воздух и радостное солнце говорили мне внятно, ясно о чем-то новом и прекрасном, которое, хотя я не могу передать так, как я воспринимал его». (7)

«Но как только приходит время сажать картофель, стариком овладевает беспокойство - около дома есть маленький кусочек земли, и только старик слышит, как томится земля по плугу... он слышит зов земли, ее приказ, ее просьбу». (26)

«...иной раз смотрю я на траву, и она прямо так и смотрит на меня, честное слово». (8)

Я здесь выхожу во двор: с солнцем здороваюсь, с ненастьем здороваюсь». (26)

Диалог с окружающим миром не фрагментарен, а составляет неизменную черту загородного мира, бытия в этом мире. Нередко он контрастирует с фрагментарностью диалогов с людьми, которые, вдобавок к фрагментарности, отличаются зыбкостью взаимопонимания и значимой дистанцией в личностном контакте. Для загородного жителя «простой» окружающий мир является тем Другим, в присутствии которого обретается внутренняя ясность, витальность, бытийность.

«У меня в жизни было много встреч с людьми, и большими, и я видел много этих людей, озабоченных и обремененных исканиями правды и справедливости. Я

уважал всегда этих людей и верил им. Но сам, к сожалению, не был умудрен в искании истины. Окружающая жизнь с ее простым бытом как-то увлекала меня, и я задумывался о пустяках. Вот и сейчас я хочу только рассказать о том, как у меня в деревне, в моем деревянном доме, у большого леса, в глуши, жили со мной домашний баран, заяц и еж». (14)

Труд и образ жизни. За описанием прибытия на место либо в соположенности ему нередко следует описание переживания, вызванного неустроенностью отчего дома, земли, хозяйства в целом, или недоустроенностью дома, создаваемого в качестве родного. Взглянуть «иными глазами» - увидеть родные места и стены спустя время, опыт городской жизни, обнаружить их убогость, малый размер, запущенность – для автора переживания это не разочарование, но возможность и потребность заботы о родном, предвкушение улучшений, которые он может совершить.

«...и насмотревшись многому большому, смотрел я на все иными уже глазами... показался мне тогда дом мой и малым-то, и дурным... (2) не таково, каковым привык я вообразить себе все с малолетства». (2)

«...небогатый край этот, не поражает он ни довольством, ни трудолюбием; нельзя, нельзя ему так остаться, преобразования необходимы... но как их исполнить, как приступить?..» Так размышлял Аркадий... а пока он размышлял, весна брала свое. Все кругом золотисто зеленело». (6)

Невозможно не обратить внимание на отчетливость переживания радости, сопряженного как с планированием улучшений, так и с самим трудом на своей земле, сопутствующее ему восприятие красоты труда, его созидательного, смыслообразующего характера. Приятная занятость делами, о которой повествуют авторы, имеет довольно широкий спектр участия в труде: детские затеи, планирование работ, управление домом, строительством и хозяйством, непосредственный труд на земле, порой тяжелый.

«Начал я говорить об этой тяге к земле, потому что и у меня она имеется» (16)...я прилежно работал зимой, концертами «делал деньги», а летом

большую часть их клал в землю, улучшал и управление, и живой инвентарь, и машины». (16)

«...я обувал сабо и шел по грязи сажать деревья, прогуливался по аллеям, снова и снова заглядывал во все укромные уголки, прятался под сенью всех кустов, воображая, чем станет мой парк в будущем». (3)

Значимость сада, огорода, цветов и деревьев в контексте труда – это значимость выращивания; труд выращивания вписан в бытие собой и со-бытие, он размыкает рамки деятельности, задаваемой «онтичными» целями. Важно отметить и суверенный, внутренне детерминируемый характер труда в загородной жизни (Кретьова, 2021б).

«Для меня сад был каким-то волшебным царством. Достаточно большой, он давал простор моему воображению и играм». (27)

«Как отрадно мне всем сердцем ощущать бесхитростную, безмятежную радость человека, который кладет себе на стол возвращенный своими руками кочан капусты и в одно мгновение переживает вновь все хорошее, что связано с ним, – ясное утро, когда сам сажал его, и теплые вечера, когда его поливал и радовался, глядя, как он растет». (1)

«Видимо, долго надо жить среди природы и самому уподобиться природе, чтобы в жизни была только одна правда, одна всеобъемлющая страсть: сажать, выращивать и отдавать: «Бери, вот плоды, только отдай мне семена». (26)

«Я бегал с граблями от одной кучи мусора к другой, сгребая солому и сор, в глубоком убеждении, что без меня никто бы с этим не справился и только благодаря мне двор стал такой чистый». (12)

Труд в загородной жизни, как и сам образ жизни, вписан в порядок времен года, в природные циклы, в особый ритм природы и загорода. Авторы описывают свою жизнь как спокойную, упорядоченную, непритязательную: *«всегда, во всякое время тиха и неспешна здесь жизнь» (6)*. *«Ждать сенокоса, затем уборки, потихоньку готовиться к ним и потихоньку же рыбачить, поднимать до страдованья, не надсаживаясь, подступающую день ото дня работу...». (24)*

Зачастую их жизнь выглядит открытой для узкого внутреннего социального круга и замкнутой, закрытой для круга внешнего.

Простота бытия в загородной жизни связана не с намеренным самоограничением или вынужденной бедностью (даже если она имеет место), а, скорее всего, с избытком бытийности загородного мира, в котором лишнему – лишнему бытийности – не находится места. С другой стороны, вполне намеренным предстает в авторских описаниях самоограничение в плане задач и достижений, которые могли бы нарушить и порядок, и спокойствие загородной жизни. Нарушать порядок и спокойствие «разрешено» лишь окружающему миру – явлениям природы, связанным со стихией, с временами года – особенно весной; для загородной жизни важно «не пропустить красоту».

«Только труд развешает просторы, в какие вступит действительность этих гор. Черда трудов до конца погружена в ландшафт, в его совершающееся пребывание... Меня просто-напросто переносит в труд с его особым ритмом колебаний, и в сущности я вовсе не управляю его сокровенным законом». (15)

В целом описания труда и образа жизни передают ощущение удовлетворенности и тщательно оберегаемого внутреннего равновесия и умиротворения.

Созерцание и умиротворенность, забвение. В текстах, имеющих отношение к переживаниям, характерным для опыта загородной жизни, в избытке представлены описания работы созерцания, в котором человек способен «правильно отнестись к миру, к бытию» (С. Л. Рубинштейн). Чувства, связанные с этим отношением, нередко просты (в том числе, в том понимании простоты, которым наделена категория инфантильного жизненного мира) и непосредственны: блаженство, услада, радость бытия, покой.

«Солнце встает, и меня пронизывает восторгом; я вскидываю ружье на плечо, замирая от радости». (8)

Пожалуй, текстовый материал дает достаточно оснований допустить, что работа переживания в жизненном мире бывшего горожанина совпадает с работой созерцания. Исходный момент переживания-созерцания – радостное внимание

малому и всякому в природном мире, включая мельчайшие перемены в нем (Кретова, 2021б). Основные «инструменты» в работе – всматривание и вслушивание в этот мир.

«Я сидел и глядел кругом, и слушал». (б)

«Он сидел под окном, не шевелился и словно прислушивался к течению тихой жизни, которая его окружала, к редким звукам деревенской глуши». (б)

«Нежданов глядел, слушал, втягивал воздух сквозь раскрытые, похолодевшие губы... И ему словно легче становилось; тишина находила и на него». (б)

Работе переживания-созерцания может быть свойственна особая дихотомия, подвижность фокуса внимания, контрастное чередование содержания, определяющего процесс понимания (верного соотношения с миром). Размышления о важном и неважном непроизвольно сменяют друг друга. От воспоминания автор легко переходит к воображению или дреме-забвению. Итогом такой работы может стать понимание мироустройства, жизненных смыслов, постижение значимости незначительного, ощущение неизъяснимости бытия, утешение, состояние безмятежности.

«Мысли его медленно бродили; очертания их были так же неясны и смутны, как очертания тех высоких, тоже как будто бы бродивших, тучек». (б)

«...углублялся я в размышления различные, и когда приятные и чувствительные, когда важные и глубокие». (2)

«Он не мог бы сказать, о чем он думал, - о чем-то, чего не могло бы быть, если бы не незначительные, в сущности, впечатления сегодняшнего утра и тот особенный воздух, которым он дышал и в котором был, казалось, какой-то новый смысл, которого он до сих пор не знал. В этот день, именно здесь, на юге, в лесу, что-то вдруг сдвинулось в его жизни».. (22)

Уединенность (затерянность в бытии), покой, сцепленность настоящего, прошедшего и будущего характерны для переживания созерцания:

«Как чудесно лежать в ночи папоротников, трав, в ночи негромких сонных голосов, все они шелестят, и сплетаются, и из них соткана тьма. Взрослые

давно о нем забыли — ведь он притаился, лежит тихий как мышонок, слушает, как они строят планы для него и для себя тоже. И голоса их замирают, плывут с освещенным луной табачным дымком, а мотыльки, точно оживший поздний яблоневый цвет, тихонько стучатся в далекие уличные фонари, и голоса уплывают и льются в грядущие годы...». (19)

«Сердце то вдруг задрожит и забьется, страстно бросится вперед, то безвозвратно потонет в воспоминаниях. Вся жизнь разворачивается легко и быстро, как свиток; всем своим прошедшим, всеми чувствами, силами, всю свою душою владеет человек». (6)

«...в мыслях русских людей о земле есть какое-то стремление к покою, к тишине, к любованию природой, среди которой он живёт, и отчасти стремление к замкнутости, к одиночеству. Мне кажется, в каждом русском человеке есть что-то от отшельника». (16)

«Впереди — пустынный сентябрьский день. Впереди — затерянность в этом огромном мире пахучей листвы, трав, осеннего увядания, затишливых вод, облаков, низкого неба. И эту затерянность я всегда ощущаю как счастье». (17)

Отдельное внимание обращает на себя переживание природы в чрезвычайных обстоятельствах, в условиях военного времени. Окружающий природный мир словно поглощает все недавние тревоги и лишения, предает их забвению, погружая в состояние созерцания и умиротворения:

«С удовольствием вдыхая чудесный душистый воздух, я медленно шел вдоль берега, глядел и радовался всему вокруг. Как может перемениться жизнь человека! Просто даже не верилось, что еще недавно я, изнемогая от жары, напряжения и жажды, сидел в пулеметном окопчике на высоте». (21)

«Ветер ровно шумел верхушками деревьев; в чистом крепком воздухе слышались только голоса природы, казалось, в лесу этом — на вид совершенно безлюдном, — кроме птиц, зверей и зверюшек, никого не было и не бывало... И ничто вокруг не напоминало о войне». (21)

Также авторы описывают состояния, которые, вероятно, связаны с работой переживания-созерцания и выражают их отношение к загородной, сельской

бытийности: удивление миру (нескучность мира), жизнелюбие, постоянство и устойчивость «хорошести» мира («хорошо всегда»).

«А наскучит земля, ее приглушенные звуки, блеклые краски, у меня есть небо, хоть до него так далеко». (12)

«Ехали мы лугами... День, красота! По обе стороны овсы и рожь, и трава около проселочной дороги покрыта цветами кашки. Дикая рябина в цвету, в небе весело, синее оно, и кучами клубятся белые облака. Ах, как хорошо на свете жить, как хороши простые раздольные долины родины моей России!». (14)

Со-бытие. Включенность в мир, бытие-в-мире, со-бытийность миру мы находим во множестве описаний, связанных с переживанием опыта загородной жизни. Отчетливо и буквально отмечается связь внешнего - явлений природы, смены времен года и своей собственной бытийности. Переживание со-бытийности миру в описаниях авторов может выглядеть как одномоментное миру; авторы часто упоминают восхищение миром, природной стихией, отмечают малейшие перемены в окружающем мире, его предметах и проявлениях и «отзвук» этих перемен в самих себе. Но также оно предстает и как целостное переживание, вбирающее сложноустроенность мира.

«И все я был один, и все мне казалось, что таинственно-величавая природа, притягивающий к себе светлый круг месяца, остановившийся зачем-то на одном высоком неопределенном месте бледно-голубого неба и вместе стоящий везде и как будто наполняющий собой все необъятное пространство, и я, ничтожный червяк, уже оскверненный всеми мелкими, бедными людскими страстями, но со всей необъятной могучей силой воображения и любви, — мне все казалось в эти минуты, что как будто природа, и луна, и я, мы были одно и то же». (7)

«Шелест, шелест, мои знакомые деревья и камни! И меня переполняет странной благодарностью, сердце мое открыто всему, всему, все это мое, я все люблю». (8)

«Я перебежал от цветка к цветку, срывал их, прикладывал к щекам. Я словно сливался с ними и сам себе казался таким же золотистым, как эти цветы. Да я и был таким, ведь на каждого из нас светило золотое солнце». (12)

«Черная туча так же грозно застилает противоположную сторону небосклона, но я уже не боюсь ее. Я испытываю невыразимо отрадное чувство надежды в жизни, быстро заменяющее во мне тяжелое чувство страха. Душа моя улыбается так же, как и освеженная, повеселевшая природа». (7)

«Окружение, природа, созерцание ее было самым существенным в моем детстве. Природа захватывала всего меня, давала настроение, как если бы ее изменения были слиты с моей душой. Гроза, мрачная непогода, сумрак, бурные ночи - все впечатляло меня... Это было для моей жизни и чувств самое главное». (14)

Преображение природой – частый мотив в текстах; для авторов это всегда преобразование к большей жизненности, радости, умиротворению. Особый вес, онтологическая значимость, масштабность – у смены времен дня, времен года, и прежде всего – у весны. Она обладает особой живительной силой, вселяет надежду, создает особое восприятие мира, его побеждающую способность к возрождению. Весна может присутствовать и в других временах года как грядущая, неизбежная веха в мироздании в целом и в самом человеке:

«...единое приближение весны производило в душе моей уже некое особое удовольствие». (2)

«Был тот особенный период весны, который сильнее всего действует на душу человека». (7)

«...грустно лишиться всех отрад весны...» (4)

«Опять повеяло с неба сияющим счастьем весны». (6)

«А утром, за чаем, в корзинке румяные из теста жаворонки, с черными глазами из коринки, — как радостно! И еще хлебные кресты. Это все предвещало весеннюю радость, разлуку с долгой, суровой зимой. Помню, когда в мою комнату утром вливалось солнце, золотило лучами своими косяк окна и мой стол с тетрадками. А на окне, между рамами, на белой вате, пестрели нарезанные шерстинки ярких цветов. Мне казалось — до чего хорошо жить, — идет весна». (14)

Цикличность природного мира, в которой за ночью наступает утро, за зимой – весна, сама по себе оказывается основанием принятия жизни со всеми ее тяготами и радостями. Пережить осень, зиму – это в том числе быть уверенным в приходе весны. Весь образ жизни загородного жителя, весь его внутренний мир подхвачен цикличностью природы; и он откликается на эту цикличность своим усилием со-бытийности: праздниками и временем отдыха, хозяйственными работами, созданием сада. Праздники становятся в том числе способом запечатления опыта со-бытийности (особенно в детском возрасте), который загородный житель стремится воспроизвести в своей жизни, в новой жизненной ситуации – например, вернувшись в родные места. Еще одним «инструментом» запечатления такого опыта для человека становится его сад, который вбирает себя не только цикличность, но и линейность бытия – вехи собственной жизни, жизни близких людей.

«Вот переживу эту зиму и ещё одной весне обрадуюсь». Тогда думаешь, что и всё так в жизни непременно должно быть: надо поморить себя, натрудить, и после того можно и радоваться чему-нибудь». (13)

«Весной. Тогда чувствуешь всем своим существом, что выбранный тобою путь – настоящий. У меня с детских лет остались в памяти воскресные прогулки, когда всей семьей мы ходили смотреть на поля, как и что там посеяно, как всходит, цветет и набирает силу...». (26)

«Отрадно вспоминать те часы, когда завершался недельный круг трудов и забот, когда на краткий миг человека обнимало лишь ночное небо с луной и бесчисленными звездами и, засыпая, он ощущал вокруг себя вечность — ее тугое серебряное кольцо». (12)

«...я привязался к деревьям, посаженным и вытянувшимся, можно сказать, на моей памяти». (3)

Главным итогом событийности, которые мы находим в описании переживаемого опыта со-бытийности – ощущение подлинности бытия. Со-бытие может рождать и религиозные чувства – благодарность Богу, чувство святого, а

также особый опыт познания бытия, который переживается как пред-знание бытия, бессмертие и незыблемость.

«Глубина неба, даль полей говорили мне о чем-то ином, как бы существующем помимо их, вызывали мечту и тоску о чем-то мне недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью неизвестно к кому и чему...». (9)

«...такая наступала кругом благодать, такой покой и мир, так густо и свежо сияла перед глазами зелень, еще более приподнявшая, возвысившая над водой остров, с таким чистым, веселым перезвоном на камнях катилась Ангара и так все казалось прочным, вечным» (24)

«Каким разнообразным пением птиц, какими звуками был полон красивый бор. Цветами был покрыт луг, и мне казалось, что это рай. Я думал: «Какой же может быть рай другой?» Это и был рай». (14)

«Вот мой мир... Я постигаю его в опыте жизни: ежечасно, денно и ночью плавает он в великих волнах времен года. Тяжесть гор, крепость ее первобытных пород, задумчивый рост елей, светлая безыскусная роскошь цветущих горных лугов, шум ручья, бегущего по камням бескрайней осенней ночью, суровая простота занесенных снегом равнин – все это теснит и торопит одно другое, ведет свою ноту сквозь каждодневность существования там, вверху, в горах. ...все существование твое здесь круто обрушивает в самую широту близости и сущности всех вещей». (15)

«...ты – не только то, что ты носишь в себе, но и то, не всегда замечаемое, что вокруг тебя, и потерять его иной раз страшнее, чем потерять руку или ногу, – вот это все запомнится надолго и останется в душе незакатным светом и радостью. Быть может, лишь это одно иечно». (24)

Ностальгия. Жизненный мир в описаниях авторов пронизан ностальгическим переживанием. В этом мире естественно «быть у себя дома», «ощущать родину» - мы неоднократно использовали эти смысловые категории для маркирования текста. Их смысловое содержание подразумевает опыт, прерывание которого вызывает чувство ностальгии, тоски по утраченному.

Загородный мир способствует ощущению, чувству родины – мира, который *«в природе находит человек личный и называет это своей родиной» (13)*. Цикличность загородной жизни, будь то смена времен года, регулярные сезонные выезды за город, возвращение в отчий дом спустя годы способствуют переживанию, в котором есть счастливые воспоминания о прошлом и ожидание восстановления утраченного опыта (когда придет весна, когда поедem в деревню и т.д.). Даже будучи написанными в эмиграции, такие строки передают радость ожидания, предвкушение возвращения в случае, если автор описывает свое переживание из позиции «там и тогда». Отчетливое ощущение невозможности возвращения былого передает переживание ностальгии утраты родного места, родины: даже счастливые радостные воспоминания, передаваемые из позиции «здесь и сейчас» (во многих случаях речь идет об эмиграции), имеют привкус горечи. На уровне экзистенциально-онтологического контекста, смерть – это невозможность вновь увидеть родное, а значит – невозможность быть у себя, быть собой. Ностальгия бытия – тоска по такой возможности.

«... снова принимается прислушиваться к тишине, ничего не ожидая — и в то же время как будто беспрестанно ожидая чего-то; тишина обнимает его со всех сторон, солнце катится тихо по спокойному синему небу, и облака тихо плывут по нем; кажется, они знают, куда и зачем они плывут. В то самое время в других местах на земле кипела, торопилась, грохотала жизнь; здесь та же жизнь текла неслышно, как вода по болотным травам; и до самого вечера Лаврецкий не мог оторваться от созерцания этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшем таяла в его душе, как весенний снег, и — странное дело! — никогда не было в нем так глубоко и сильно чувство родины». (6)

«...я невольно обернулся и... то, что открылось предо мною, по сей день храню в памяти как самое прекрасное из всего, что когда-либо видел. Там, на горнушке, под темным небом, отлитый из чистого золота и серебра стоял родной хутор. На глаза мои навернулись слезы. Они прихлынули откуда-то из самой глубины сердца». (12)

С детских лет одна страсть завладела мной – любовь к природе. Временами она приобретала такую остроту, что пугала моих близких. Когда я возвращался осенью в гимназию из Брянских лесов или из Крыма, у меня начиналась жестокая тоска по прожитому лету. (17)

Жизнь прошла, пролетела... И мелькают в душе воспоминания. Незначительные, простые, но милые. Впечатления прошедшей жизни. Там, в России, они казались окружающим пустяками. Но почему-то память о них радуется, радуется так светло... (14)

Я сказал, что туда, в Ивановку, я всегда стремился. Положа руку на сердце, должен сказать, что и доныне туда стремлюсь. (16)

“Вот запомни”, – говорила она заговорщицким голосом, предлагая моему вниманию заветную подробность Выры – жаворонка, поднимающегося в простоквашное небо бессолнечного весеннего дня, вспышки ночных зарниц, снимающих в разных положеньях далекую рощу, краски кленовых листьев на палитре бурого песка, клинопись птичьей прогулки на свежем снегу. Как будто предчувствуя, что вещественная часть ее мира должна скоро погибнуть, она необыкновенно бережно относилась ко всем вешкам времени, рассыпанным по нашему сельскому поместью. (18)

И теперь, когда Дуглас знал, по-настоящему знал, что он живой, что он затем и ходит по земле, чтобы видеть и ощущать мир, он понял еще одно: надо частицу всего, что он узнал, частицу этого особенного дня – дня сбора одуванчиков – тоже закупорить и сохранить; а потом настанет такой зимний январский день, когда валит густой снег, и солнца уже давным-давно никто не видел, и, может быть, это чудо позабылось, и хорошо бы его снова вспомнить, – вот тогда он его откупорит! (19)

Светлая речка в берегах, поросших ивняком, скошенный луг со стожками зеленого сена и молодыми березками на той стороне, золотистые ржи, уходящие к самому горизонту, и даже небо, светло-синее с перистыми, прозрачно-невесомыми облаками - все до боли напоминало исконную срединную Россию и

больше того подмосковную деревушку, где родилась моя мать и где прошло в основном мое детство. (21)

«... он впервые испытал приступ ностальгии – в поездке на попутной машине из Сиднея в Канберру. Он ехал через громадные леса, и ему казалось, что он перенесся куда-то на Тамбовщину, но когда машина остановилась на семьдесят восьмой миле, возле бара, и он пошел побродить, пока его спутники ожидали сэндвичей и кофе, он понял, что рожи эти совсем не те, что в России, – они эвкалиптовые, с пряным, особым, очень приятным, но совсем не родным запахом». (23)

« Это место в Германии было его Россией, здесь он чувствовал себя дома, здесь он мог лежать на траве часами и смотреть на облака... И вдруг, когда он налил в раздвижной синий стакан молока, ему стало скучно от этих витринных бутербродов, и он стал ломать черный хлеб и есть его большими кусками и запивать молоком, и ему стало сладостно-горько, но в то же время весело и беспокойно. Он вспомнил такую же траву, и такой же синий лес... и тонкий писк мошки в предзакатном белом небе...» (23)

«Он шел длинной сельской дорогой через лес и поля. Баклаков знал, что вряд ли вернется сюда, но эти молчаливые ночные сосны, облетевшие березняки, сумрак сжатых полей навсегда останутся с ним, и где бы он ни был, чем бы ни занимался в жизни, за спиной его всегда есть вятская земля и могилы предков на ней». (25)

Бытие собой. Загородная жизнь, погруженная в бытийность, природный мир как будто созданы для переживания собственной бытийности. В онтологичности загородного мира человек обретает самого себя: погруженность в бытие мира – условие самобытия. Возможность быть собой, «прийти в себя», ощущение бытия собой – эти категории выступают на первый план в картине переживания независимо от уровня контекста, не говоря уже об экзистенциально-онтологическом уровне, где бытие собой непосредственно связано с жизненным смыслом и жизненным замыслом.

«В лесу я волен делать все, что хочу, могу лечь навзничь и закрыть глаза, если захочется; и говорю я все, что хочу. Часто ведь хочется что-то сказать, сказать вслух, громко, а в лесу слова идут прямо из сердца...». (8)

«...отчего нас и тянет в природу: там под действием света и воздуха человек приходит в себя и, оглядевшись вокруг себя и убедившись, что кругом далеко нет никого, начинает о всем думать по-своему, и тогда нет пределов, нет конца его удивлению». (13)

Опыт бытия собой в переживании может быть сопряжен с радостью свободы, непосредственностью, удовольствием уединения и даже одиночеством. Утрата себя переживается как выход из бытийности, встроенности в родной или ставший родным мир.

«Почему же остались в моей памяти только минуты полного одиночества? Вот вечерет летний день. Солнце уже за домом, за садом, пустой, широкий двор в тени, а я (совсем, совсем один в мире) лежу на его зеленой холодеющей траве, глядя в бездонное синее небо, как в чьи-то дивные и родные глаза, в отчее лоно свое. Плывет и, круглясь, медленно меняет очертания, тает в этой вогнутой синей бездне высокое, высокое белое облако ... Ах, какая томящая красота! Сесть бы на это облако и плыть, плыть на нем в этой жуткой высоте, в поднебесном просторе, в близости с Богом и белокрылыми ангелами, обитающими где-то там, в этом горнем мире! Вот я за усадьбой, в поле. Вечер как будто все тот же – только тут еще блещет низкое солнце – и все так же одинок я в мире». (9)

«...благодарил только судьбу свою, что она доставила мне, наконец, то, чего желало только сердце мое: то есть свободную и мирную деревенскую жизнь». 2-5 ... «...всегда охотнее оставался один дома, занимался своими садами и книгами, нежели препровождал время в сообществах». (2)

«Думаешь себе: «Нет! ни ему, никому на свете не найти меня тут...», обеими руками направо и налево снимаешь с белых конических стебельков сочные ягоды и с наслаждением глотаешь одну за другою. Ноги, даже выше колен, насквозь мокры, руки и ноги сквозь промоченные панталоны обожжены

крапивой, голову уже начинают печь прорывающиеся в чащу прямые лучи солнца, есть уже давно не хочется, а все сидишь в чаще, поглядываешь, послушиваешь, подумываешь и машинально обрываешь и глотаешь лучшие ягоды». (7)

«Светило яркое солнце, вокруг цвели одуванчики. Мне было так тепло и хорошо. Я тут был совсем один, лишь зеленые травы обнимали меня своими мягкими руками». (12)

«И он понял: вот что неожиданно пришло к нему, и теперь останется с ним, и уже никогда его не покинет. «Я ЖИВОЙ», – подумал он... Под Дугласом шептались травы. Он опустил руку и ощутил их пушистые ножны. И где-то далеко, в теннисных туфлях, шевельнул пальцами. В ушах, как в раковинах, вздыхал ветер. Многоцветный мир переливался в зрачках, точно пестрые картинки в хрустальном шаре. Лесистые холмы были усеяны цветами, будто осколками солнца и огненными клочками неба. По огромному опрокинутому озеру небосвода мелькали птицы, точно камушки, брошенные ловкой рукой... «Я и правда живой, – думал Дуглас. – Прежде я этого не знал, а может, и знал, да не помню». (19)

Становление. Собранный текстовой материал позволил выделить фрагменты, в которых загородный жизненный мир соотносится со становлением личности. Опыт детских лет описывается, с одной стороны, в категориях «легкости бытия»: как опыт безмятежности, приятной уединенности, самодостаточности, а с другой – в категориях «развития»: авторы отмечают воспитание мужества и воображения, познавательный интерес, обретение самостоятельности. В обоих случаях особенности загородного мира определяют опыт.

Включенность в мир способствует «овладеванию» миром и целостному видению, внутренней устойчивости. В переживании (обретения новой осмысленности жизни) взрослого человека, опытного в жизни светской, городской, можно найти описание трезвения (в контексте загородной/сельской жизни результатом трезвения становится умиротворение), и описание зрелости (обретение внутреннего мира, упорядоченность жизни).

Стоит отметить, что в описании опыта становления редко уделяется внимание присутствию другого человека и полностью отсутствует влияющая на становление связь с социальными группами или обществом. Очевидно, что некоторые авторы отдают себе отчет в том, что загородный/сельский жизненный мир может быть сопряжен как с самодостаточностью, суверенностью, так и с обратной стороной медали: сложностями в установлении принятых в обществе отношений, неохотой к сотрудничеству и взаимодействию.

«Жизнь в деревне мне, мальчику, была наслаждением. Казалось, что нет и не может быть лучше моей жизни. Целый день я в лесу, в каких-то песчаных оврагах, где высокие травы и огромные ели упали в речке. Там я с товарищами выкопал себе в обрыве дом, за ветвями упавших елей». (14)

«Небо опять опустилось низко-низко. Временами оно наваливалось на самые приземистые крыши. И я перестал быть одиноким и маленьким. Напротив: я чувствовал, как наливаюсь теплом и зреющей силой». (12)

«Но вот приходит мгновенье, когда заря твоя разгорается ярче. С глаз словно спадает пелена. Ты обретаешь себя. Начинаешь принимать все, что тебя окружает – людей, животных, растения и деревья, постигать землю и небо. Ясно отличаешь близкое от далекого и можешь связать воедино день вчерашний с днем завтрашним. Ты стал властен над своей жизнью и судьбой». (12)

Жизнь приобретала объем, запах, цвет и теряла однозначность твердых решений. (25)

«...я вспомнил всех встреченных и увиденных этой осенью, старых людей... Во всех них чувствовалась самостоятельность, не однодневная самостоятельность и не самостоятельность в каком-то одном занятии, а самостоятельность жизни. Самостоятельность, обеспечивающая постоянство». (26)

Анти-город. Тема дистанцированности от внешнего мира, от жизненного мира большого города, от онтического получает свое развитие с течением времени – вместе с развитием мегаполисов. Тем не менее, ее мотив слышен в авторских текстах изначально, ибо сопоставление городского и

загородного/сельского жизненных миров мы видим уже в самых ранних из отобранных нами текстов.

Церковные проповеди направлены против всяческих пороков, – говорил я, – но мне еще не доводилось слышать, чтобы громили угрюмый нрав». – «Пусть этим занимаются городские священники, – возразил он, – у крестьян не бывает плохого расположения духа». (1)

«...от солнечного света, что заливал гостиную, ей становилось не веселее, а еще грустней; совсем не так, как на сельском просторе, светит в городе солнце». (4)

Отъезд в деревню – это не просто стремление отгородиться, оградить себя от вовлеченности в проекты и соответствующие им отношения, в деятельность по осуществлению не своих целей и ценностей, но, как нам представляется, естественно присущей авторам суверенности.

Стоит иметь в виду, что и отгораживание – оседлость и огораживание своего внутреннего мира, города, его обустройство и упорядочивание – это выбор, поступок и процесс сущностно городской. В этом плане бегство в деревню стоит рассматривать как бегство из анти-города, из города, где бытие человека захвачено и подчинено чужому, чуждому его бытийности.

Буквально тема анти-города, неприятия городской жизни как жизни, разрушающей человека, предающей забвению смысл бытия, начинает звучать в текстах начала XX века и получает особое развитие в текстах 50-70 годов. Город описывается как мертвый город, все чаще в контексте мегаполисов упоминается опасность и разрушительность механизмов, да и сам город превращается в захватывающий и подчиняющий себе человека механизм. Загородный\сельский мир становится не только укрытием (в том числе мировоззренческим убежищем в условиях красного террора, государственного или общественного тоталитаризма), но прежде всего пространством для творчества и созидательности (нередко – скрываемым) на особой огражденной территории – своей земле.

«...мне казалось, что только в деревне и можно заметить, что начинается весна. Мне казалось, что только там бывают настоящие светлые, солнечные

дни. И правда, ведь в городе мы забываем о солнце, редко видим небо, а больше любимся на вывески да на стены домов». (9)

«А Москва действительно, в полном смысле слова, разлагается, гниет, смердит». (13)

«...ни Москва, ни у бабушки, ни ресторан - мне не нравилось. Не нравилось так, как эта убогая квартира в деревне, как эта темная ночь зимой, где подряд спят темные избы, где глухая, снежная, скучная дорога, где светит круглый месяц и воеет собака на улице. Какая сердечная тоска, какая прелесть в этой тоске, какое замирание, какая красота в этой скромной жизни, в черном хлебе, изредка в баранке, в кружке квасу ... этот изысканный стол, где так чинно все сидят. Какая скука. Как мне нравится воля лугов, леса, бедные хижины. Нравится топить печь, рубить хворост и косить травы - я уже умел, и меня похвалил дядя Петр, сказав мне: «Молодец, тоже косишь». (14)

«Чего-то с вами города делают, не пойму. Будто не русские вы становитесь». (25)

«Ты говоришь, машины. Машины на вас работают. Но-но. Давно уж не оне на вас, а вы на их работаете... Вам тошней того припускать надо, чтоб не отстать. Уж не до себя, не до человека... себя вы и вовсе скоро растеряете по дороге...В городе-то я была, посмотрела – ой, сколь их бежит! Как муравьев, как мошки!.. Друг дружку толкают, обгоняют...». (24)

Добросердие. В описании переживаний, связанных с жизнью за городом или в деревне, значимое со-присутствие другого человека упоминается достаточно редко. Жизненный мир бывших горожан с точки зрения его «населенности» людьми весьма незначителен и ограничен, во многом намеренно. Одиночество или уединение с семьей представляется вполне осознанным выбором. Связи с другими людьми поддерживаются в ситуации праздничных событий, опять-таки апеллирующих к бытийности (совместность в переживании радости бытия): Пасха, Рождество, канун воскресного дня, ледоход, сбор урожая. Деятельность, направленная на благо других людей – это скорей личный поступок, чем совместная, социально ожидаемая и поддерживаемая деятельность.

Именно потому интерес к отдельному человеку как к значимому, внимание к Другому в «сжатых смыслах» авторов тотчас обращает на себя внимание. Складывается впечатление, что в загородном/сельском мире наибольшую важность представляет человек, наделенный даром добросердия. Единство красоты и счастья в переживании бытийности загородного/ сельского мира стремится к единению с добродетелью.

Добросердие авторы обыкновенно усматривают у людей старшего и пожилого возраста; не задаваясь намеренной целью помощи другому человеку, оно как правило выражается в помощи ситуативной, в ответственности за землю и окружающий природный мир. Также мы встречаем его проявление как целостное сочувствие городскому миру и человеку, как медиацию между загородным и городским миром – доставку городскому миру бытийности загородного/сельского мира: переживания красоты и радости бытия, умиротворенности и спокойного принятия жизни в ее сложноустроенности.

Я всегда вижу, кто втихомолку плачет. Ни власти над собой, ни холеры... И вот он мечется, мечется... Где можно шагом пройти, он бежит. А ишо смерть... Как он ее, христовенький, боится! За одно за это его надо пожалеть. Никто в свете так не боится смерти, как он...». (24)

«Добросердие было вокруг меня – в хлебе и в «добром утре», и я за это лето немного окреп. Наверное, все мы немного окрепли. Смешно, но мы как бы заболели почтением к старым и совсем чужим людям...». (26)

«Что за стержень? Да все то же добросердие. Оно сквозило во всем ее рассказе... Светлое восприятие жизни и строгий ритм, ритм солнечных часов. У него есть нечто такое, чего не отнимешь – чувство жизненного ритма, чувство своего места и своего времени. У него есть опорные точки и точки опоры». (26)

Примечание. В скобках приведены следующие авторы цитируемых текстов:

1 – И. В. Гете; 2 – А. Т. Болотов; 3 – Ф. Р. Шатобриан; 4 – Д. Остин; 6 – И.С. Тургенев; 7 – Л. Н. Толстой; 8 – К. Гамсун; 9 – И. А. Бунин; 12 – Я. Яунсудрабинь; 13 – М. М. Пришвин; 14 – К. Коровин; 15 – М. Хайдеггер; 16 – С. Рахманинов; 17 – К. Паустовский; 18 – В. Набоков; 19 – Р. Бредбэри; 21 – В. Богомолов; 22 – Г. Газданов; 23 – Ю. Семенов; 24 – В. Распутин; 25 – О. Куваев; 26 – И. Зиедонис; 27 – С. С. Куломзина; 28 – И.Бергман.

Приложение Б. Разделы анкеты «Ностальгические воспоминания» и «Суверенность»

Опросник «Ностальгическое переживание, аутентичность, благоговение, непрерывность самовосприятия у приверженцев городской и загородной жизни».

Раздел анкеты «Ностальгические воспоминания»

<i>Если считать, что ностальгические воспоминания – это воспоминания о счастливых, радостных, светлых моментах жизни, что миновали безвозвратно: С ЧЕМ ЭТИ ВОСПОМИНАНИЯ СВЯЗАНЫ ДЛЯ ВАС В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ? Пожалуйста, прочтите внимательно возможные варианты и отметьте на шкале от 1 до 9, насколько те или иные воспоминания памятны и значимы для вас - о чём вы вспоминаете, как о минувшем, но светлом и радостном в вашей жизни?</i>		
Я несколько об этом не тоскую	1 2 3 4 5 6 7 8 9	Эти воспоминания для меня очень памятны и значимы
1	Ваша семья	
2	Человек, который вас поддерживал, проявлял заботу	
3	Музыка, песни	
4	Безмятежность	
5	Мир, который окружал вас на даче или в деревне	
6	Человек, которого вы любили	
7	Друзья	
8	Ваши занятия, труды, творчество	
9	Тот, каким вы были в детстве или юности	
10	Природа, явления природы, времена года	
11	Фильмы, книги	
12	Игрушки	
13	Ваши лучшие чувства, мечты и надежды	
14	Годы учебы	
15	Поездки и путешествия	
16	Праздники	
17	Как прежде была устроена жизнь	
18	Домашние животные	
19	Церковь, религиозная община	
20	Ваш дом	

Раздел анкеты «Суверенность»

<i>Данные утверждения описывают склонность к тому или иному образу жизни и действий. Пожалуйста, ответьте, в какой степени то или иное утверждение верно для вас.</i>	
Ко мне это не относится	1 2 3 4 5 6 7
	Мне это очень близко
1	Чтобы чувствовать себя свободным, мне нужно разнообразие возможностей и выбора в работе, отношениях, отдыхе*
2	Мне важно, когда есть система, берущая на себя те или иные заботы (медицинские, коммунальные, безопасности и пр.) и я не трачу на это свое личное время*
3	Чтобы чувствовать себя свободным, мне необходимо собственное поле деятельности, где властен только я
4	Чтобы чувствовать себя свободным, мне прежде всего нужно отсутствие возможного влияния или вмешательства других людей
5	В интернете и соцсетях есть немало интересных предложений о том, куда сходить или съездить, что посмотреть, где купить и т.д.*
6	Чтобы чувствовать себя свободным, мне прежде всего нужна собственная территория
7	Нет смысла полагаться на государство или организацию: лучше устраивать свою жизнь максимально независимо
8	Мне нравится быть включенным в мир, отзываться на предложения о работе, участии в чем-то проекте*
9	В целом я сторонник того, чтобы быть независимым от внешних ресурсов (устройства и технологии, энергия, питание, работа, доход), хотя это и непросто
10	Я предпочту проблемы и трудности, связанные с уединением и независимостью, чем связи с людьми или проектами, которые меня обязывают и могут повлиять на мою свободу

Примечание: *обратные вопросы